

M 55

27

82

2007055406

40

НАШЕ КУПЕЧЕСТВО

M 55
27

И

ТОРГОВЛЯ

СЪ СЕРЬЕЗНОЙ И КАРРИКАТУРНОЙ СТОРОНЫ.

СБОРНИКЪ,

ИЗДАЮЩІЙСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

РУССКАГО КУПЦА.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Кабы каждый-то изъ насъ
жилъ, какъ дѣдушка Андрей,
дѣло было бы поспорѣй....
ТУРҰСЫ НА КОЛЕСАХЪ.

ЦѢНА СЪ ПОРТРЕТОМЪ А. П. ШЕСТОВА,
1 Р. 25 КОП. СЕР.

МОСКВА.

Въ тип. Лазар. института восточ. языковъ (А. Мамонтовъ), Армянскій переулокъ № 14.

1866.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРАГО ВЫПУСКА:

Отдѣль первый.

- 1) А. П. Шестовъ Моск. городской голова. Біографическій очеркъ съ портретомъ.
- 2) Иванъ Ивановичъ Борисовъ, пменитый Калужскій гражданинъ.
- 3) Антипъ Петровичъ Кокушкинъ, С.—Петербургскій городской голова.
- 4) Михаилъ Ивановичъ Крашенинниковъ, извѣстный Московскій благотворитель.
- 5) Смѣсь:
 - а) Наше купечество на службѣ.
 - б) Процедура объявленія купеческихъ капиталовъ въ старое и новое время.
 - в) Домъ Московскаго Градскаго Общества (нынѣ Купеческая Управа) съ общественной стороны.

Отдѣль второй.

- 1) Комвѣسیونеръ. Комедія изъ нѣмецко-русскаго купеческаго быта.
- 2) Ямщикъ. Разсказъ Н. А. Чаева.
- 3) Канунъ Рождества въ торговомъ мірѣ Москвы.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА:

ВВЕДЕНІЕ.

Отдѣль первый.

- 1) Торговля и купцы.
- 2) Причины выхода лучшихъ членовъ изъ купеческаго общества.
- 3) Потребности нашего коммерческаго образованія.
- 4) Идеа чести въ большинствѣ нашего купеческаго общества.
- 5) Купеческій тактъ.
- 6) Торговля, промышленность и народъ.
- 7) Домъ Московскаго Купеческаго Общества по купеческому отдѣленію до времени его преобразованія въ купеческую управу.

Отдѣль второй.

- 1) Юшковская Ратуша.
- 2) Торговый домъ Петра Рогожскаго съ сыновьями.
- 3) Курьезы Нижегородской ярмарки.
- 4) Дружеская бесѣда за чайкомъ съ медкомъ.
- 5) Рядскія шутянки.
- 6) Пятіалтынный
- 7) Сказаніе о Плюшковскомъ училищѣ.
- 8) Заключение (Письмо изъ Плюшкова).

M $\frac{30}{27}$ 5 к 11

НАШЕ КУПЕЧЕСТВО

И

ТОРГОВЛЯ

СЪ СЕРЬЕЗНОЙ И КАРРИКАТУРНОЙ СТОРОНЫ.

№ 0381 в СБОРНИКЪ, Позована менши 1860 годъ

ИЗДАЮЩИЙСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

РУССКАГО КУПЦА.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Кабы каждый-то изъ насъ
жилъ, какъ дѣдушка Андрей,
дѣло было съ поспорьей....
ТУРУСЫ НА КОЛЕСАХЪ.

ЦѢНА СЪ ПОРТРЕТОМЪ А. П. ШЕСТОВА,
1 Р. 25 КОП. СЕР.

МОСКВА.

Въ тип. Лазар. института восточ. языковъ (А. Мамонтовъ), Армянскій переулокъ № 14.

1866.

НАШЕ КУЛЬТУРЕСТВО

И

ТОРГОВАЯ

СЪ СЕРБЕЗНОЙ И КАРЬКАТУРНОЙ СТОРОНЫ

Дозволено цензурой, Февраля 1 дня 1866 года.

ИЗДАЮЩИЙ ПОД РЕДАКЦИЮ

Государственный
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

12931-52

Издательство
Москва
1931

Издательство А. П. Шваб
1-й этаж

МОСКВА

Издательство А. П. Шваб, Москва, 1-й этаж

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ

ШЕСТОВЪ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ

ШЕСТОВА.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ ШЕСТОВЪ.

«Молвить въ добрый часъ, кабы каждый-то изъ насъ жилъ, какъ дѣдушка Андрей, было бы дѣло поспорѣй. Вѣдь наша матушка все бѣдѣла, да бѣдѣла, все хромала, да головушкой хворала, пришла къ ней правда не отъ Петра и Павла, а отъ Воскресеня въ Кадашахъ и стала матушка въ барышахъ: перестала матушка хромать, перестала матушка и хворать. Други! вотъ почетъ такъ почетъ, не денежкамъ въ зачетъ!»

«Турусы на колесахъ.»

Не къ одному жизнеописанію, болѣе или менѣе выдвинувшихся лицъ изъ купечества, не приступали мы съ такимъ удовольствіемъ, какъ къ біографическому очерку А. П. Шестова, но, къ крайнему нашему сожалѣнію, на этотъ разъ, можемъ представить только этотъ біографическій очеркъ, а не полную его біографію, какъ было надѣялись (*).

Равнодушіе къ подобнымъ личностямъ нашего общества — *чудовищное*: никто ничего не помнитъ, никто ничего не знаетъ о запискахъ его, о которыхъ ходили слухи, нѣтъ и помину: по словамъ его сына Александра Андреевича все это сгнбло въ Москвѣ и даже близкіе къ нему люди не мог-

(*) Во всякомъ случаѣ мы еще не теряемъ надежды, хотя со временемъ, въ нашемъ «Сборникѣ» представить эту біографію и обращаемся ко всѣмъ, знавшимъ и помнящимъ Андрея Петровича, почтить его память доставленіемъ намъ свѣдѣній или опубликованіемъ ихъ о его жизни и характерѣ, а также преданія, повѣрья и матеріалы о его дѣятельности. По моему мнѣнію, обществу не такъ нужна его личная и семейная жизнь, какъ его служебная дѣятельность: общество наше вступило только въ первую пору своей самодѣятельности, оно еще едва, едва передвигаетъ ноги по новой дорогѣ и поэтому-то свѣтлые примѣры старой жизни для него необходимы. Всякому извѣстно, какъ мы богаты этими примѣрами, а потому неужели, въ самомъ дѣлѣ, не соберемъ и тѣхъ крохъ, которыя фактически принадлежатъ оригинальной исторіи нашего развитія.

ли сообщить намъ, были эти записки или нѣтъ въ большомъ объемѣ и передать хотя отрывки изъ нихъ—вотъ все, что мы можемъ сказать въ свое оправданіе.—Едва, едва успѣли мы собрать и тѣ немногія свѣдѣнія, которыя и составили нашъ главный матеріалъ для предлагаемаго очерка.

Портретъ довольно наглядно знакомитъ читателя съ лицомъ Андрея Петровича: всякій, внимательно взглянувъ въ черты его, найдетъ въ нихъ яркое выраженіе непреклонно-твердой воли, огневаго, вспылчиваго характера, сметливаго и глубокаго ума и сознанія собственнаго достоинства, и все это всесторонне отлившіеся въ форму чисто русской національности....

Одинъ случай, переданный намъ очевидцемъ, даетъ какъ нельзя болѣе понятія о выразительности этого лица и о томъ глубокомъ, на долго остающемся впечатлѣніи, которое оно производило: Андреемъ Петровичемъ, къ его торговому дѣлу, былъ взятъ мальчикъ изъ мѣщанскаго училища, который, между прочимъ, умѣлъ рисовать; лице хозяйина, своимъ характернымъ выраженіемъ, постоянно обращало на себя его вниманіе и такъ неотразимо дѣйствовало на него, что въ свободное время онъ набросалъ на память его абрисъ до такой степени сходный, что всѣ прикащики сразу узнали въ немъ своего хозяина. Это лучшее свидѣтельство глубокаго впечатлѣнія, производимаго этимъ лицомъ.

Андрей Петровичъ Шестовъ былъ москвичъ, хотя родился онъ въ 1783-мъ году въ Доровскѣ Отецъ его былъ извѣстный въ свое время купецъ, торговалъ сначала бакалей, а потомъ гуртомъ чаями и имѣлъ свой вымѣнъ въ Кяхтѣ. Андрей Петровичъ былъ средній въ семьѣ; кромѣ его въ семействѣ, послѣ смерти отца, въ дѣлѣ были еще два брата: Видуль Петровичъ и Петръ Петровичъ, и ихъ общее дѣло (въ общемъ капиталѣ) шло подъ фирмою. «В. А. и П. Шестовы» и существовало еще до 1812 года (*).

Съ самаго начала дѣла и до конца его Андрей Петро-

(*) Кромѣ чайнаго дѣла фирма имѣла въ Петербургѣ сахарный заводъ, закрытый въ 1835 году.

вичъ былъ главнымъ двигателемъ и распорядителемъ, и оно, видимо, начало расплываться, когда, отдавшись общественной службѣ, онъ не могъ уже удѣлять дѣлу прежняго времени и своею дѣятельностію, прямизною и личною истинно-гражданскою храбростію нажилъ себѣ кучу враговъ. Упадокъ дѣла Шестовыхъ тѣсно связалъ съ служебною дѣятельностію Андрея Петровича. Этого никакъ не должно бы забыть Московское Городское общество.

Братяжиливрозь: Андрей Петровичъ съ давняго времени поселился за Москвой рѣкой у Николы въ Толмачахъ, въ собственномъ родительскомъ домѣ, который принадлежитъ теперь Сергѣю Михайловичу Третьякову; лѣтомъ постоянно живалъ въ Сокольникахъ, на своей дачѣ, принадлежащей теперь г-ну Рудакову.

Образъ жизни Шестова вполне согласовался съ его характеромъ: строгость, дѣятельность и непрерывный трудъ были постоянными его спутниками. Въ характерѣ Андрея Петровича полно и всесторонне сказался русскій человѣкъ и семьянинъ; въ крутости и строгости къ дѣтямъ, онъ былъ даже не лишенъ недостатковъ подобныхъ характеровъ, хотя ничѣмъ не былъ похожъ на самодуровъ Островскаго: раздражительность его была чаще всего наносная и, кромѣ того, выходила изъ страстности его природы, а не изъ самодурства, что, при желаніи отыскать темныя пятна на свѣтломъ фонѣ, ставится ему въ большую вину; раздражительность, главнымъ образомъ, возбуждалась его столкновениемъ съ неправдою современныхъ ему властей коснѣніемъ и равнодушіемъ общества. Но эти вспышки огневаго характера, этотъ внутренній пожаръ, который въ своемъ развитіи захватывалъ иногда даже и невинныхъ, погасалъ и успокаивался скорѣе всего подъ влияніемъ его жены, одного изъ тѣхъ драгоцѣнныхъ типовъ русскихъ женщинъ, которыя, смотря, на все просто и дѣлая все безыскусственно, тихо и мирно, производятъ нерѣдко чудеса своимъ неотразимымъ влияніемъ, и заслуги которыхъ, въ русской жизни, еще далеко не вполне оцѣнены и изслѣдованы. — Жена Андрея Петровича, съ которою, съ одной, онъ прожилъ цѣлую жизнь, была родомъ изъ семьи Корнауховыхъ и имѣла на него

большое вліяніе: прежде всего онъ любилъ ее, потому уважалъ и потому слушался, даже и тогда, когда уже никто не могъ имѣть на него вліянія. Она нерѣдко являлась миротворицей въ его семейныхъ ссорахъ, она одна могла удержать его иногда слишкомъ смѣлые, слишкомъ страстные порывы противъ неправаго дѣла — она любила его, берегла, и вообще смягчала характеръ его дѣятельности, въ которой онъ положительно не жалѣлъ себя. Трудно судить, чѣмъ бы кончилъ Шестовъ безъ этого умиротворяющаго вліянія.

Такъ нерѣдко, взглядываясь въ нашу сѣренькую жизнь, видя не хитрыя купеческія пары и характерныя типы нашихъ безхитростныхъ купчихъ, мы чаще всего обходимъ ихъ безъ всякаго вниманія, нерѣдко подсмѣиваемся надъ этимъ дѣйствительно оригинально сложившимся типомъ и рѣдко подмѣчаемъ то, съ виду маловажное, вліяніе этихъ *отсталыхъ* женщинъ въ ихъ семействахъ, въ торговомъ дѣлѣ, иногда даже въ общественныхъ дѣлахъ. Жена у купца по понятію большинства — раба, но это далеко не безошибочное понятіе, это больно *сплошъ* и, въ отдѣльномъ почти уже готовомъ очеркѣ, «купчиха» мы стараемся доказать противное... Вообще намъ не мѣшаетъ почаще обращаться къ нашимъ дѣдушкамъ и бабушкамъ: въ ихъ старой жизни найдется не малое, что можетъ благотворно повліять на наше совершенно законное желаніе, стряхнуть съ себя нестройность и тяготу уродливо сложившейся русской жизни, которое, впрочемъ, не обязываетъ похерить все старое, какъ никуда не годное.

Въ образѣ жизни Андрей Петровичъ держался разъ навсегда установившагося порядка: каждый день постоянно бывалъ онъ у ранней обѣдни, потомъ, приходя домой, вышивалъ, также постоянно, три стакана чая и сейчасъ же, не медля ни минуты, уходилъ въ кабинетъ для занятій; постоянство и какая-то порывчатость и неугомонность, въ то время, когда приближался часъ обыкновенныхъ занятій, замѣчались въ немъ особенно часто, когда онъ служилъ городскимъ головою: своими служебными занятіями онъ, какъ замѣтно и какъ намъ передавали, занимался охотиѣе даже чѣмъ сво-

имъ собственнымъ дѣломъ... Цѣлый день его былъ посвященъ дѣлу: отъ одного распоряженія онъ переходилъ къ другому; кончивши расчетъ по привозу или отправкѣ, куплѣ или продажѣ чая, онъ брался за экономическую часть городского хозяйства — толковалъ съ подрядчиками, поставщиками разныхъ матеріаловъ, выслушивалъ жалобы, споры, разбиралъ ссоры мѣщанъ и ремесленниковъ, толпами осаждавшихъ его домъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ, какъ извѣстно, отстоялъ первыхъ отъ полицейской опеки и завоевалъ себѣ право ихъ судьи и рѣшителя... Надо при этомъ замѣтить, что у него не было никакихъ помощниковъ: по примѣру большинства нашихъ городскихъ головъ, онъ не имѣлъ ни секретаря, ни адвокатовъ; во всемъ онъ дѣйствовалъ своимъ соображеніемъ, при затрудненіяхъ самъ справлялся съ законами, принаравливался къ нимъ такъ или иначе, и на все, или по крайней мѣрѣ на большую часть рѣшеній, клалъ печать или оттѣнокъ своего характера, потому-то почти каждое или, по крайней мѣрѣ, большая часть его рѣшеній, носятъ на себѣ самобытность его, Шестовскаго характера. Чиновники бывали у него только по необходимости, когда при разборѣ разныхъ случаевъ и споровъ въ мѣщанскомъ обществѣ, онъ разсматривалъ дѣло на дому и желалъ придать ему формальное значеніе.

Ни обѣдовъ, ни пиршествъ, ни баловъ, ни кормленья и закармливанія властей, ничего говорящаго или удовлетворяющаго пустому чванству и самолюбію не любилъ Андрей Петровичъ, и во все время его службы у него былъ только одинъ большой, званый обѣдъ, въ честь рожденія покойнаго наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, на которомъ у строгаго Городскаго Головы обѣдали всѣ чины и большая часть знати Москвы.

Мы нарочно сразу набросали нѣсколько чертъ этого самостоятельнаго и твердаго, какъ камень характера, чтобы нагляднѣе поставить предъ читателя богатство природы А. П. Шестова и, входя въ дальнѣйшій анализъ его характера, ссылаться то на ту, то на другую его черту.

Въ дѣлахъ его, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ, все имѣло у него тѣсную связь и вытекало одно изъ другаго: дѣ-

ла Шестовыхъ, по видимому, и при самостоятельной дѣятельности Андрея Петровича, были не въ большомъ капиталѣ, по крайней мѣрѣ, можно безошибочно предположить, что средства были менѣ того размаха дѣла, который далъ ему Андрей Петровичъ; недостатокъ этихъ средствъ пополнялъ онъ своею личностію: въ рукахъ его все кипѣло и клеилось; его отважность доходила до риска и, соединенная съ предусмотрительностію и твердостью въ неудачахъ, дѣлала его вліяніе, предложенія, сдѣлки неотразимыми — ему вѣрили и слово его уважали. Широкій размахъ дѣла и нерасположеніе къ мелочамъ были его прямою потребностію: ему не жилось иначе, но вмѣстѣ съ тѣмъ его не рѣдко рискованныя предпріятія не были средствами удовлетворенія личнаго расположенія къ роскоши, къ открытой жизни, къ излишествамъ, напротивъ, находя удовлетвореніе въ дѣлѣ — въ жизни, какъ мы уже упомянули, онъ былъ нетребователенъ и крайнѣ умѣренъ, даже скупъ. Но между тѣмъ ему пришлось бороться и съ этимъ непріателемъ, расположенія пожить на широкую ногу, которая проглядывала въ одномъ изъ его братьевъ, именно въ Петрѣ Петровичѣ. Домъ этого послѣдняго, находившійся въ родственныхъ связяхъ съ домомъ В. В. Логинова, въ свое время извѣстнаго книгопродавца, у котораго собиралась большая часть современнаго ему общества нѣкоторыхъ изъ московскихъ литераторовъ и преимущественно артистовъ, представлялъ одно изъ любопытныхъ явленій, несомнѣнно нормальныхъ въ то время, которымъ менѣ всего симпатизировалъ Андрей Петровичъ...

Можно безошибочно сказать, что ходъ дѣла Шестовыхъ, его видное въ лучшее время положеніе, прямо и, болѣе всего, обязаны были силѣ характера Андрея Петровича, его уму, оборотливости и тѣмъ тугимъ возжамъ, на которыхъ онъ все держалъ въ рукахъ. Не стало его, и все дѣло пошло въ рознь.

То же самое явленіе мы видимъ и въ его общественной дѣятельности: и въ нее, какъ въ частное дѣло, онъ внесъ присущій ему свѣтъ; съ его выходомъ изъ службы все потемнѣло. Эти рѣзкіе переходы тѣни и свѣта болѣе всего даютъ понятіе о родѣ его общественной дѣятельности. Вез-

дѣ онъ является деспотомъ, въ хорошемъ смыслѣ этого слова, сильная его натура, не переносившая зла, рветъ это зло съ корнями и не думаетъ о послѣдствіяхъ въ своемъ самоотверженіи, забываетъ, что онъ безличный, безправный въ то время купецъ и имѣетъ дѣло съ званіемъ и чинами: съ генералами, оберъ-полицейместерами, провіантмейстерами, губернаторами и прочими.

До своего выбора въ городскіе головы, какъ общественный дѣятель, онъ былъ членомъ московскаго коммерческаго училища. Время начала этой службы, какъ значится въ документахъ училища, было около 1834 года.

И въ этомъ весьма почетномъ, но, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ, какъ слѣдуетъ, не понимаемомъ званіи, въ которое, къ сожалѣнію, большею частию, попадаютъ лѣнныя люди, имѣющіе въ немъ прикрытіе отъ отвѣтственной службы, Андрей Петровичъ прошелъ не безъ слѣда: во-первыхъ во все время службы онъ не пользовался не только расположеніемъ директора училища Т. А. Каменецкаго, но своимъ честнымъ отношеніемъ къ своему призванію нажилъ въ немъ себѣ личнаго врага - прекрасный примѣръ для нашихъ кушцовъ - дѣятелей, которые постоянно стараются, въ какихъ бы то ни было начальникахъ, сыскать себѣ благоговителю. — Купецъ Андрей Петровичъ Шестовъ, какъ членъ совѣта, не давалъ воли генералу-директору, забралъ въ свои руки экономическую часть, лично повѣрялъ приходо-расходныя книги и не только занимался ими въ совѣтѣ училища, какъ это многими дѣлается, для виду, мелькомъ, урывками, но нѣсколько разъ бралъ ихъ на домъ и, въ результатѣ всего этого, представилъ совѣту необходимость смѣнить бухгалтера, и смѣнилъ его, къ особенному неудовольствію директора училища... Кромѣ того онъ не оставлялъ безъ вниманія и учебную часть и не рѣдко ставилъ на видъ, что нужно купцу и чего нѣтъ въ программѣ училища и что въ ней лишнее, что имѣло смыслъ не только въ его время, но имѣетъ долю его и теперь, при спеціальному направленіи образованія.... Однимъ словомъ. онъ былъ дѣятельнымъ и *безпокойнымъ членомъ*, но такимъ *безпокойнымъ*, которыхъ давай Господи побольше на мѣсто

спокойныхъ и дремлющихъ. Личныя отношенія его къ Т. А. *Каменецкому*, какъ къ директору училища, игравшему въ свое время роль не только въ училищѣ, но и въ *большей частѣ богатаго* купеческаго общества, лучше всего рекомендуетъ его — тутъ, по русской пословицѣ, нашла коса на камень.

Но это была только проба его, какъ общественнаго дѣятеля — ярко и многосторонне онъ выразился въ сложныхъ обязанностяхъ Московскаго городского головы.

Выборъ этотъ относится къ 1843-му году. Нѣкоторые изъ современныхъ ему гласныхъ и до сихъ поръ помнятъ ту нескрываемую имъ радость, ту силу и смиреніе и гордость вмѣстѣ, которая высказалась имъ при полученіи имъ извѣстія о выборѣ его въ это аваніе, когда депутація отъ купечества пріѣхала къ нему съ поздравленіемъ. «Господа, я радъ служить на пользу общую, съ радостными слезами проговорилъ Андрей Петровичъ, въ отвѣтъ на ихъ привѣтствія, если могу быть безъ фальши полезенъ, при помощи Божіей и при вашемъ содѣйствіи, но для этой службы нужны способности, которыхъ въ полной мѣрѣ я не признаю въ себѣ. Вамъ извѣстенъ мой характеръ... Человѣкъ я простой, не получившій образованія, могу увлекаться, а потому прошу васъ, какъ людей служивыхъ и опытныхъ, не оставить меня своими совѣтами и расположеніемъ!»

Слова эти переданы намъ лицомъ, бывшимъ при этомъ случаѣ и даже жившимъ въ домѣ Шестова... Они были искренны, какъ непритворны были слезы говорившаго, депутація была тронута и въ одно слово просила его *послужить!* Могъ ли отказаться отъ этого избранія Андрей Петровичъ; могъ ли, при всей искренности своего сознанія, *при страхѣ за свой характеръ*, отстранить отъ себя эту чашу, которую онъ вынулъ до дна? Разумѣется не могъ—не могъ, какъ игрокъ отказаться отъ игры, какъ художникъ отъ своего призванія.

И такъ Андрей Петровичъ на службѣ, Андрей Петровичъ городской голова, и вмѣсто одного тщеславія, величанія этимъ званіемъ, какъ почетомъ, вмѣсто обѣда на убой, для подобострастнаго ублаженія властей, онъ облекся въ это

имя какъ въ трудную и важную, но имѣющую силу и значеніе обязанность. «Что честный народъ повѣсилъ головушку, на правую сторонушку? Иль плохо можется-нездоровится! Взглянько глазикомъ, поздравь съ праздникомъ!» говоритъ современный Шестову балагуръ въ своихъ «Турусахъ на колесахъ», вѣроятно же всего по поводу этого избранія.

Зналъ ли Андрей Петровичъ съ кѣмъ ему придется имѣть дѣло, имѣлъ ли онъ понятіе о службѣ, была ли у него такъ называемая, на бюрократическомъ языкѣ, школа? На это прямо можно сказать, что онъ былъ готовъ на общее дѣло; что же касается до школы службы, то въ его прошломъ, кромѣ почетнаго членства въ Коммерческомъ училищѣ, была еще должность гласнаго вмѣстѣ съ городскимъ головой Поповымъ и участіе въ дѣлахъ комисіи для изысканія доходовъ и уменьшенія расходовъ Москвы, подъ предсѣдательствомъ Гражданскаго Губернатора Н. А. Небольсина.

Поповъ служилъ головою съ 1822 по 1826 г. и въ это-то время Андрей Петровичъ былъ гласнымъ. Поповъ оставилъ по себѣ память, какъ одинъ изъ дѣятельныхъ городскихъ головъ Москвы; Шестовъ, по преданіямъ, былъ къ нему однимъ изъ приближенныхъ, можно утвердительно сказать, что къ этому времени и его участію въ комисіи относится его знакомство съ городскимъ хозяйствомъ Москвы, многіе полагаютъ даже, что не малое изъ сдѣланнаго Поповымъ носитъ на себѣ слѣдъ Шестовскаго характера. Какъ бы то ни было, но это время не прошло и для Шестова, безъ слѣдовъ: въ дѣятельности члена Коммерческаго училища характеръ его направленія уже началъ высказываться определеннѣе, это уже были проблески того, что въ немъ развилось въ званіи, сдѣлавшемъ его извѣстнымъ—въ его сознательномъ и энергическомъ управленіи хозяйствомъ Москвы, не имѣвшемъ ни примѣра, ни послѣдователей.

Его участіе въ дѣлахъ Комитета объ изысканіи средствъ къ уменьшенію расходовъ и увеличенію доходовъ, прошло какъ-то блѣдно, вѣроятно потому, что по русской пословицѣ: одинъ въ полѣ не войнѣ, да онъ въ то время не могъ

быть главнымъ дѣйствующимъ лицомъ: предсѣдательствоваль въ этой комиссіи, какъ мы уже сказали, губернаторъ Небольсинъ. Всѣ эти прежнія занятія были для Андрея Петровича не болѣе, какъ это говорится, какъ проба пера, того не рукописнаго памятника, который онъ оставилъ по себѣ. *«Кабы каждой-то изъ насъ жилъ, какъ дядушка Андрей, было бъ дѣло по споръ; а то всякой Иванъ смотритъ только въ свой карманъ!»* тараторять «Турусы на колесахъ»; «вотъ нешто и нашъ староста стянулъ у батюшки овчинку, а у матушки свинку, да и прощай Ивавушка, забубенная головушка: махнулъ любезный другъ отъ сѣвера, на югъ!» Зубоскалить тотъ же балагуръ.

Если вспомнимъ, что все это *шалости* того времени, что все это наша русская, святая правда, то личность и фигура Андрея Петровича становятся еще рельефнѣе на нашемъ темномъ фонѣ.

Обратимся теперь къ самой дѣятельности Шестова—на его поприщѣ городского головы.

Андрей Петровичъ, при самомъ началѣ иначе понималъ свои обязанности, нежели онѣ у насъ вообще понимаются: началъ онъ службу не роскошнымъ обѣдомъ и полученное имъ отъ общества званіе считалъ не мѣстомъ, на которомъ удобно и легко удовлетворять своему тщеславію.

Онъ обратилъ прежде всего вниманіе на Думу и на Домъ городского общества, какъ на мѣста, прямо ему подвѣдомственныя, и не счелъ за лишнее познакомиться чиновниковъ этихъ мѣстъ съ настоящимъ смысломъ, возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Книги, по которымъ выбирается на службу купеческое сословіе, онъ повѣрилъ отъ начала до конца, при помощи надежныхъ людей изъ среды сословныхъ, потому что въ такомъ щекотливомъ предметѣ, каковы до сихъ поръ наши общественные выборы, трудно положиться на лицъ служащихъ, особенно при такомъ жалованьи, какое было въ прежнее время, да и при настоящихъ штатахъ старшинѣ купческаго Общества не слѣдъ ввѣряться чиновникамъ, потому, что ни говори про сліяніе сословій, а чиновникъ въ от-

ношеніи купечества долго еще, какъ и встарь, останется чиновникомъ....

Московское купеческое и особенно мѣщанское Общество много ему обязаны: главнымъ образомъ усиліями Шестова да еще Валентина Алексѣевича Куманина, оно было поставлено въ нѣкоторое независимое и самостоятельное положеніе, котораго, вполнѣ, оно не достигло еще и до сихъ поръ. Довольно, впрочемъ, уже и того, что при Андреѣ Петровичѣ ни одинъ московскій мѣщанинъ, взятый въ полицію, не могъ быть окончательно обвиненъ или оправданъ безъ приговора общества и его головы. Это былъ геройскій шагъ въ прежнее время.

Не имѣя возможности фактично и шагъ за шагомъ прослѣдить дѣятельность Шестова, какъ городского головы, намъ приходится довольствоваться отрывочнымъ изложеніемъ этой дѣятельности, вносить въ нее преданія и рассказы немногихъ оставшихся современниковъ, допускать даже анекдотическую форму и сразу трогать ее съ разныхъ сторонъ.

Вотъ первая группа этихъ преданій и анекдотовъ.

1) Рассказываютъ, что при постройкѣ храма Христа Спасителя потребовалось до 6,000 пудовъ свинцу. Шестовъ узнаетъ, что свинецъ ставится по гораздо высшей цѣнѣ, противъ продажной. Онъ ѣдетъ въ комитетъ и объясняется: вызываетъ двухъ изъ лучшихъ торговцевъ и спрашиваетъ ихъ при присутствующихъ: *почемъ вы поставите лучший свинецъ?* Они назначаютъ рыночную цѣну несравненно дешевле противъ другихъ.. Со стороны присутствующихъ ставятся въ препятствіе залого, тогда одинъ изъ отвѣчавшихъ вынимаетъ ломбардный билетъ, и подрядъ, волею неволею, остается за нимъ по низшей цѣнѣ. Недовольство со стороны присутствовавшихъ.

2) Въ думу поступаетъ требованіе изъ конторы театровъ на отпускъ большей противъ назначенной годовой суммы на постановку новыхъ пьесъ *«Театръ дѣло хорошее!»* говоритъ Андрей Петровичъ, «почему не отпустить, если дѣйствительно нужно» и затѣмъ пишетъ отношеніе, что градскій голова проситъ себѣ мѣста въ театрѣ. Ему присылаютъ билетъ въ

кресло. Съ улыбкою, прочитывая отвѣтъ, онъ въ свою очередь отвѣчаетъ, что его не такъ поняли: что ему нужно даровое кресло не въ партерѣ, но что онъ съ удовольствіемъ возьметъ хотя и стулъ, только въ театральной конторѣ.

3) Цѣлой Москвѣ извѣстно дѣло по поставкѣ касокъ для дѣйствующей арміи. А. П. Шестовъ узнаетъ, что большое количество изъ нихъ, вмѣсто кожи, сдѣлано изъ бумаги. Онъ пишетъ объ этомъ къ главнокомандующему и получаетъ отъ него письменное разрѣшеніе *«принять»!* Въ день сдачи, голова ѣдетъ въ комиссаріатъ, показываетъ разрѣшеніе и принимаетъ: взламываетъ каску за каской и находитъ *бумагу!* Послѣдствія этого дѣла извѣстны.

4) Московская строительная комиссія была не мало удивлена, когда городской голова потребовалъ себѣ кресло между присутствующими и доказалъ, что оно ему принадлежитъ по праву. А это, между тѣмъ, очень важно, потому что голова дается, такимъ образомъ, право и средство быть заступникомъ города, указывать на несообразность построекъ и предотвращать лишніе расходы и разныя неудобства для города и для городскихъ обывателей.

Всмотримся пока хотя въ эти дошедшія до насъ крохи изъ его дѣятельности, въ эти устные преданія, взятыя нами изъ разной среды его дѣятельности и подслушанныя въ народной молвѣ.

Ставъ головою города, онъ даетъ значеніе городскому обществу, онъ беретъ его подъ свою защиту и смѣло ведетъ за собою не только прежде, но и послѣ Андрея Петровича, купечество и мѣщанство у насъ не въ лучшемъ еще положеніи, ни на своихъ мѣстахъ: у всѣхъ еще на памяти экзекуція одного мѣщанина одною изъ полицейскихъ властей, прямо изъ личныхъ отношеній. Могъ ли пройти такой фактъ во время Андрея Петровича, могъ ли онъ имѣть мѣсто и значеніе при его справедливомъ требованіи и утвержденіи за нимъ, какъ городскимъ головой, и за обществомъ, какъ за самостоятельной силой, положенія, *что ни одинъ Московскій купецъ и мѣщанинъ, взятый въ полицію, не могъ быть окончательно обвиненъ или оправданъ безъ приговора общества и его головы...* Возможна ли была при такихъ ус-

ловіяхъ самовольная экзекуція и прошло ли бы оно даромъ при такомъ головѣ, какъ Шестовъ, при которомъ *никто* не могъ лица изъ городского сословія послать даже и въ работный дворъ, безъ его утвержденія...

Андрей Петровичъ особенно сильно ратовалъ противъ современной ему полиціи; его отношенія къ тогдашнему оберъ-полиціймейстеру уже теперь ни для кого не секретъ: современная ему карриатура довольно ярко очертила тогда эти отношенія и старожилы рассказываютъ, что небольшая картинка, на которой нарисованъ былъ *шестъ*, лежащій среди улицы, и современные Шестову власти, которыя усиливались перепрыгнуть этотъ *шестъ* и всѣ отлетали назадъ, надѣлали много шума въ то время...

Откуда же бралась сила въ этомъ простомъ, безформенномъ, неофициальномъ человѣкѣ, откуда шла эта отвага? Безъ ошибки можно сказать, что источники ихъ—твердое непоколебимое сознаніе правоты своего дѣла, та прирожденная честность и теплая вѣра — сила, которая лежала въ натурѣ Андрея Петровича и которую онъ ежедневно укрѣплялъ молитвою, впечатлѣніями церкви Божіей. Рѣдкій и тѣмъ болѣе драгоцѣнный типъ подобнаго русскаго человѣка еще чуждъ нашей литературѣ и, къ сожалѣнію, Островскій въ своемъ созерцаніи міра купеческаго не обратилъ на него своего вниманія, хотя потомъ въ идеализаціи Минина у него мелькнуло, что-то похожее на подобный характеръ, но все таки далеко не то. *Шестовъ* и подобныя ему личности были у насъ людьми дѣла, въ самихъ себѣ они носили тѣ дорогія свойства, которыя заставляли вокругъ нихъ *«съ духовной жаждой собираться»* и ихъ духовный міръ, укрѣпляемый неугасаемымъ пламенемъ вѣры, изъ котораго они брали, кромѣ смиренія и твердости, именно и производилъ ту отвагу, которой они и до сихъ поръ удивляютъ насъ. вмѣстѣ съ тѣмъ они были деспотами своихъ убѣжденій, деспотами, въ хорошемъ смыслѣ этого слова, и потому заставляли умолкать предъ собою противниковъ. Въ дѣлѣ Шестова, въ его поступкахъ сыпались будто искры ничѣмъ неотразимаго огня, искры могучей правды, которыя сжигали всякую неправду; только силой этой безо-

щадной правды и можно объяснить его удачу въ вышепри-
веденныхъ случаяхъ.

Пойдемъ дальше.

Для часовыхъ, содержащихъ караулы при разныхъ госу-
дарственныхъ зданіяхъ, какъ извѣстно, *строятся* (оффи-
ціальное выраженіе) полушубки и теплые коты, которые
дѣлаютъ возможными эти часы въ наши зимнія ночи. Ду-
ма выдавала на эти издержки деньгами *кому слѣдовало*, но
у этихъ «кому слѣдовало», не дрогнула рука, вмѣсто безза-
щитнаго солдатскаго тѣла, этими городскими, общественны-
ми деньгами нагрѣвать свои карманы: тулупы или не во-
возобновлялись въ положенные сроки, или дѣлались не такъ
тепло и прочно, и, по большей части, страдали въ размѣрахъ
и длиннотѣ; это не скрылось отъ зоркаго Шестовскаго
глаза и онъ самовольно остановилъ «куда слѣдуетъ» выда-
чу денегъ и приказалъ думѣ донести этимъ мѣстамъ, что
тулупы будутъ представляться отъ нее *натурой*...

Крикъ, гвалтъ и недовольство въ непріятельскомъ лаге-
рѣ, запросы: какъ смѣть дѣйствовать противъ положенія,
какъ отмѣнить его самовольно, но дѣдушка Андрей стоялъ
на своемъ: объяснилъ кому слѣдуетъ суть дѣла, вошелъ съ
представленіемъ, и положеніе было измѣнено сообразно его
желанію и официальная оригинальная фраза «на построеніе
полушубковъ» красуется теперь уже въ росписяхъ думы.

При этихъ дѣйствіяхъ, мы должны во имя долга справедли-
вости упомянуть, какъ о самомъ близкомъ начальникѣ и споспѣ-
шествователѣ А. П. Шестова, бывшемъ въ первое его время
генераль-губернаторѣ Дмитріѣ Владиміровичѣ Голицынѣ. Шестовъ
питалъ къ нему искреннюю и непритворную дружбу, былъ у него
своимъ человѣкомъ и, во всякое время, безъ доклада входилъ
въ его кабинетъ — великая честь и преимущество купцу отъ
вельможи. Съ своей стороны и заслуженный воинъ, одинъ изъ
почтенныхъ вожатаевъ нашихъ войскъ 1812 года, герой Боро-
дина, потомокъ Гедемина, человѣкъ лично извѣстный госуда-
рю, кавалеръ многихъ орденовъ русскихъ и иностранныхъ —
однимъ словомъ вельможа, генераль отъ кавалеріи, князь
Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ оказывалъ полное почтеніе
купцу Шестову и

съ нескрываемымъ довѣріемъ выслушивать его, полныя опыта, рѣчи.

Дмитрій Владиміровичъ принялъ въ свое завѣдываніе еще неоправившуюся послѣ непріятеля, во многихъ частяхъ, еще разоренную Москву. Онъ любилъ наружную обстановку города и въ его время сдѣлано много капитальныхъ построекъ и украшеній, солиднымъ и главнымъ изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, можно считать гранитную набережную Москвы-рѣчки; также немаловажны въ отношеніи удовлетворенія необходимыхъ потребностей Москвы—каналы и водопроводы, бассейны и фонтаны Мытищинской воды — все это возникло въ градоправительство Дмитрія Владиміровича, который дѣйствительно любилъ Москву и многое для нее дѣлалъ; но для всего этого нужны были средства, и прямо средства города, которыя состояли въ веденіи городского головы.... Шестовъ былъ не долгое время вмѣстѣ съ Голицынымъ, но все время ихъ служенія они были связаны взаимнымъ уваженіемъ и видимо помогали другъ другу. Главныя дѣйствія къ улучшенію Москвы предприняты были Дмитріемъ Владиміровичемъ въ самомъ началѣ его генераль-губернаторства, это относится къ двадцатымъ годамъ, въ то время, какъ мы видѣли, городскимъ головою былъ Поновъ, при которомъ Шестовъ былъ гласнымъ. Шестовъ, такимъ образомъ, былъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ, талантливыхъ и дѣятельныхъ участниковъ Д. В. Голицына въ его преобразованіяхъ Москвы; въ послѣднее, какъ его такъ и свое время, они являются равносильными въ заботахъ о ея хозяйствѣ и Шестовъ, какъ дѣятель чисто практической, нерѣдко сдерживаетъ, иногда слишкомъ игривое, воображеніе вельможи-фиантропа. Шестовъ близко зналъ и постоянно помнилъ, что всѣ расходы по городскому хозяйству ложатся, всею своею тягостью, на обывателей и при всемъ нестроѣ хода, въ его время, городского хозяйства онъ велъ дѣла такъ, что налоги на городскихъ обывателей были не увеличены, а уменьшены до $\frac{1}{4}\%$, великій примѣръ для тѣхъ, которые, то и дѣло, собираютъ гласныхъ для обсуждения увеличенія то того, то другого налога. Голицынъ, какъ генераль-губернаторъ, и Шестовъ, какъ город-

ской голова, были почти одинаковы достойны: безъ всякихъ взаимныхъ обмѣновъ формальностей, безъ *утопичныхъ* обѣдовъ, безъ вынужденныхъ благотвореній, они дружно сходились за *грубымъ* дѣломъ и взаимно уважали другъ друга.

Къ Голицыну Шестовъ былъ крѣпко привязанъ не только какъ къ начальнику, но какъ и къ человѣку, и когда ѣхалъ на его похороны, слеза прошибла эту мощную натуру. «Много потеряли мы въ этомъ человѣкѣ», сказалъ онъ своему семейству, собравшемуся проводить его... Крѣпко любилъ онъ также и уважалъ князя С. М. Голицына, у котораго почти каждую недѣлю обѣдалъ запросто. Послѣ Д. В. Голицына, московскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ былъ кн. Щербатовъ.

Голицынъ умеръ въ 1844 году, Шестовъ въ 1847 *).

Отдыхая среди блѣдности, отрицательныхъ достоинствъ и отсутствія почти всякой гражданственности въ современномъ купеческомъ, да и не въ одномъ купеческомъ обществѣ, на энергическомъ и чисторусско-гражданскомъ характерѣ Андрея Петровича Шестова, намъ остается выдвинуть еще другую сторону этого характера: черты его, какъ истиннаго христианина и вершителя, помимо общественныхъ дѣлъ, дѣлъ семейныхъ, его участіе въ нихъ, какъ судьи, и совѣтника, особенно въ мѣщанскомъ обществѣ, сословіи, какъ извѣстно, довольно грубомъ, угнетенномъ и малоправномъ въ сравненіи съ другими городскими обывателями, преимущественно же Шестовскаго времени... «Рѣдко дѣйствовалъ онъ страхомъ, но являлся иногда грознымъ», говоритъ о немъ историческій документъ его времени — адресъ, поднесенный ему, «благодарнымъ Московскимъ мѣщанскимъ обществомъ» и

*) Смерть его замѣчательна по неожиданности: еще въ началѣ Іюня 1847 года оба Шестовы, и мужъ и жена, жили въ прежнемъ ладу, хотя старушка уже прихварывала — 24 Іюня она умираетъ... Андрей Петровичъ, еще бодрый и здравый на видъ, но уже надломленный жизнію, былъ такъ сильно потрясенъ этою вѣчною разлукой, что переживаетъ ее съ небольшимъ мѣсяцъ и 30 Іюля того же 1847 г. въ 10-ть часовъ вечера умираетъ чахоткою, которая давно уже таилась въ груди его и быстро обнаружилась отъ сильнаго удара.

рассказываютъ, что дѣйствительно одно имя Андрея Петровича дѣйствовало магически на неправду: завяжется ли какая семейная распря за имущество; всплыветъ ли наружу какое либо безправное отчужденіе имущества между братьями, между мужемъ и женою; обидятъ ли гдѣ вдову или сиротъ, мѣщанство не шло въ полицію, не искало расправы судомъ: довольно было только имени Андрея Петровича, и, въ крайнемъ случаѣ, его личнаго участія или появленія въ семьѣ, чтобъ вражда затихла и неправда улеглась въ темные углы, и Андрей Петровичъ нисколько не тяготился этими житейскими дрязгами: выслушивалъ передаваемыя имъ мѣщанскія немоготы, входилъ подробно въ дѣло и каждый, обращавшійся къ нему за совѣтомъ, уходилъ отъ него ободренный и освѣженный. Это имѣло мѣсто не въ одномъ мѣщанскомъ, но и въ другихъ—ремесленномъ и даже куческомъ; такимъ образомъ въ Андрей Петровичѣ явилось рѣдкое воплощеніе гражданскаго дѣятеля и человѣка-христианина. Помѣщаемъ здѣсь адресъ, поднесенный ему Московскимъ мѣщанствомъ; онъ еще рельефнѣе выдвинетъ предъ нами эту личность и будетъ краснорѣчивѣе многихъ достохвальныхъ одъ, которыя, въ свое время, сплетались нашимъ вельможамъ ихъ присяжными пѣнтами...

Вотъ онъ: «1845 года Декабря 18 дня присяжные повѣренные мѣщанскаго общества Столицы Москвы въ полномъ присутствіи своемъ въ домѣ Московскаго Градскаго Общества, проходя въ памяти своей всѣ благодѣянія, оказанныя Обществу господиномъ Градскимъ Главою, Коммерціи Совѣтникомъ, Почетнымъ Гражданиномъ, временнымъ Московскимъ 1-й гильдіи купцомъ и кавалеромъ Андреемъ Петровичемъ Шестовымъ, въ продолженіи трехлѣтняго многотруднаго и непримѣрнаго служенія его, признало справедливымъ составить о томъ для увѣковѣченія оказанныхъ мѣщанскому сословію подвиговъ его, въ память грядущему потомству благодарный приговоръ. Излагать всѣ подробности, всѣ дѣйствія и что дѣлалъ Андрей Петровичъ для блага общаго, было бы повторять извѣстное уже всей Столицѣ; а потому минуя благодѣтельные экономическія выгоды, доставленныя имъ жителямъ Столицы, Мѣщанское Общество

обращаетъ только вниманіе на дѣянія его, которыя обнаружили въ немъ неподражаемая доблести гражданина и истиннаго христіанина. Онъ съ перваго дня вступленія въ должность Градскаго Головы началъ употреблять всѣ зависящія отъ него средства не для удовлетворенія мелкаго честолюбія, но на пользу собратій, и въ особенности обратилъ все свое отеческое попеченіе къ многочисленному и стѣсненному въ промыслахъ мѣщанскому сословію. Неоставляя весьма обширныхъ и многотрудныхъ занятій по должности, онъ во всякое время былъ готовъ предупреждать всякія полезныя желанія не только цѣлаго Мѣщанскаго Общества, но и въ частности каждаго лица, къ сему сословію принадлежащаго и, кромѣ предметовъ, служащихъ къ облегченію всего сословія, по коимъ употреблялъ свое ходатайство предъ правительствомъ, онъ всегда съ христіанскимъ участіемъ принималъ всѣ способы къ обезпеченію участи вдовъ и сиротъ и наставленіями религіозной нравственности изгонялъ возникающія въ семействахъ распри и всякаго рода междуусобныя неудовольствія; увлекаясь мечтою о принесеніи всевозможной пользы всѣмъ и каждому, ему не легко было привести ее въ исполненіе, потому что цѣли своей онъ долженъ былъ достигать не теоріями, не общими предположеніями, но практическимъ дѣйствіемъ, работою мелкою, собственнымъ примѣромъ, посвятивъ себя исключительно самому тяжкому труду. Каждое дѣло надлежало ему не только начинать, но упорно преслѣдовать и не только приказать что либо сдѣлать, но наблюдать самому. Онъ дѣйствовалъ всегда самостоятельно, вѣрно, съ истиннымъ самоотверженіемъ для блага общаго. Имѣя по званію своему власть начальника ввѣреннаго ему сословія, онъ присоединялъ къ ней особенную обязанность— друга и посредника, и поставилъ за себя голосъ общества безпристрастіемъ между бѣднымъ и богатымъ. Рѣдко дѣйствовалъ онъ страхомъ, но являлся иногда грознымъ, особливо, если должно было истреблять закоренѣлыя причины зла. Дѣйствуя силою нравственнаго вліянія, прекращалъ примиреніемъ дѣла, которыя могли бы быть гибельны и разорительны тяжущимся, когда одно только посредниче-

ство вразумляло ихъ, что все это происходило отъ недоразумѣнія. — Вотъ почему онъ смѣло противопоставлялъ, для защиты дѣйствій своихъ, самыя простыя средства: невѣжеству—очевидность пользы, неопредѣленнымъ обвиненіямъ—вѣрный успѣхъ въ своихъ намѣреніяхъ, неблагодарности—собственное чувство добра; а поэтому ему легче другаго было достигать своей цѣли, тѣмъ болѣе, что онъ не искалъ ничего: ни чести, ни славы, а дѣйствовалъ на виду и поступалъ прямо».

«Полная довѣренность къ мудрости и благодати Отца Небеснаго, чувство добра въ сердцѣ и отчетъ совѣсти за каждый день, каждый часъ и каждую мысль были, при всякомъ случаѣ, отличительныя черты его. Онъ не имѣлъ враговъ, потому что, боясь Бога, боялся и закона Божія, повелѣвающаго любить враговъ. Все это, взятое въ совокупности, составляло источникъ тѣхъ благъ и того счастья, которыя видимо изливались на мѣщанское сословіе, чему единственнымъ виновникомъ былъ представитель и заступникъ ихъ Андрей Петровичъ Шестовъ. При такомъ положеніи дѣла, можно сказать, небывалаго въ лѣтописяхъ городскихъ обществъ, искренняя благодарность всѣхъ и каждого была бы самою ничтожною данью и даже едва ли у мѣста. Непритворная благодарность только тогда имѣетъ права свои, когда благодаренія не выходятъ изъ обыкновенныхъ предѣловъ; но здѣсь не благодарность уже, а въ высшей степени признательность всего общества, можетъ только дать слабое понятіе о тѣхъ отеческихъ попеченіяхъ, которыя оказаны ему Андреемъ Петровичемъ Шестовымъ, наградить за нихъ можетъ одинъ только Вседержитель, а оцѣнить ихъ Помазанникъ Его. Въ этомъ убѣжденіи Московское Мѣщанское Общество, не смѣя ограничиться одною неумѣстною благодарностію своею, единодушно приговорило: все вышензложенное представить въ милостивое благоразсмотрѣніе его превосходительства господина Московскаго гражданскаго губернатора и кавалера Ивана Васильевича Капниста, прося при томъ начальческаго разрѣшенія дому Московскаго Градскаго Общества о столь непритворныхъ чувствахъ всего Мѣщанскаго Общества къ

благодѣтельному служенію Градскаго Главы Андрея Петровича Шестова повсемѣстно публиковать въ вѣдомостяхъ. Копію же съ сего приговора за надлежащимъ подписомъ городского старосты съ помощниками, скрѣпною письмоводителя и приложеніемъ печати Дома Московскаго Градскаго Общества, представить чрезъ уполномоченныхъ отъ Общества господину Андрею Петровичу Шестову, объяснивъ ему, что Московское Мѣщанское Общество, исполняя это, увлекается прямою обязанностию излить предъ нимъ чувство признательности своей, какъ долгомъ священнымъ, необходимымъ и что всеобщее душевное почтеніе къ нему никогда не ослабѣетъ у тѣхъ, которые память о его достохвальномъ и благодѣтельномъ служеніи передадутъ, какъ завѣтъ отдаленному поколѣнію» *).

Эта непритворная, искренняя рѣчь и неподдѣльное чувство цѣлаго слишкомъ тридцатитысячнаго сословія глубоко тронула Шестова,—до послѣднихъ дней своей жизни грамотой этой онъ дорожилъ, болѣе нежели всѣми знаками и отличіями, постоянно, до его послѣдняго вздоха, она висѣла надъ его кроватью, и можетъ быть, въ его предсмертный часъ, краснорѣчиво говорила ему, что чтобы ни говорила наша разнорѣчивая молва, какимъ бы тупымъ и неблагодарнымъ не выставляла она наши низшія сословія, но все таки не пропадаетъ у насъ безъ слѣда честный, мозолистый трудъ и не забываются неподдѣльно честные и трудолюбивые люди, что низшій и обездоленный братъ, скорѣе и ближе пойметъ и уразумѣетъ—прямаго, съ искрой Божіей человѣка, и вѣнче оцѣнитъ его...

Много темнаго, потрясающаго слышали мы про послѣднее время Андрея Петровича,—много ужащающаго рассказываютъ про опалу надъ нимъ, но не провѣривши этихъ данныхъ, мы не рѣшаемся выставлять ихъ, какъ совершившіеся факты и просимъ всѣхъ, кому дорога память этого рѣдкаго

*) Кругомъ этой грамоты написано: «Господину Московскому Градскому Главѣ и кавалеру Андрею Петровичу Шестову благодарное Московское Мѣщанское Общество».

и достойнаго человѣка, почтить эту память доставленіемъ всего того, что кто слышалъ и знаетъ о немъ *).

Третій выпускъ «Нашею Купечества и Торговли», выходя при новыхъ правахъ нашей печати, можетъ отнестись какъ къ личности Андрея Петровича, такъ и къ обстоятельствамъ его жизни самостоятельнѣе и откровеннѣе, по этому мы и оставляемъ окончаніе біографіи до времени его выхода.

Теперь же, оканчивая этотъ слабый очеркъ, мы можемъ сказать, что частная жизнь и обстоятельства Шестовыхъ сильно потерпѣли отъ служебной дѣятельности Андрея Петровича, что послѣ его смерти дѣла Шестовыхъ сильно разстроились и единственный слѣдъ ихъ въ Москвѣ—полуразрушенный домъ у Даниловскаго монастыря, въ оградѣ котораго и похороненъ Андрей Петровичъ... Но не смотря на эту грустную судьбу, на это роковое наслѣдство, которое оставляютъ послѣ себя всѣ недюжинные русскіе люди, припоминая всѣ еще далеко неизвѣстные намъ факты, какъ-то по неволѣ выговаривается вмѣстѣ съ современнымъ Шестовскимъ балагуромъ, тоже его собратомъ купцомъ «молвить въ добрый часъ, кабы—каждый-то изъ насъ жилъ какъ дѣдушка Андрей—дѣло было-бъ поспорѣй....»

День похоронъ Андрея Петровича, 2-е Августа 1847 года, представлялъ рѣдкое у насъ, чисто народное зрѣлище: гробъ его едва, едва подвигался къ могилѣ и глубокія, широкія волны народа отъ самага Николая Толмачей до Даниловскаго монастыря, будто сами хотѣли похоронить дорогое ему тѣло и съ сожалѣніемъ отдавали его землѣ; шествіе продолжалось нѣсколько часовъ, и изъ всѣхъ улицъ и переулковъ нахлынывали новыя волны народа, который послѣднимъ поклономъ кланялся человѣку, уснувшему крѣпко, поработавъ ему.

Никакой помпы не представляло это погребеніе: не было ни музыки, ни войскъ... но тѣмъ многорѣчивѣе было

*) Статьи, письма и изустные разсказы могутъ быть переданы въ книжную торговлю А. и Ф. Ушаковыхъ, въ Москвѣ, на Волхонкѣ, въ д. Михалковой, для сообщенія редактору «Нашею купечества и Торговли».

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ИЗЪ РУССКАГО КУПЕЧЕСТВА.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ, въ нашемъ сборникѣ, мы намѣрены помѣщать небольшія біографическіе очерки замѣчательныхъ людей изъ русскаго купечества, приглашая сочувствующихъ этой цѣли присылать новыя матеріалы, освѣщающія ту или другую личность, новыя свѣдѣнія о ихъ жизни или исправленіе тѣхъ, которыя помѣщены нами. Представляя теперь, какъ надо думать, далеко неполныя свѣдѣнія, и группируя, въ одно время, нѣсколько личностей разныхъ мѣстъ и разныхъ направленій дѣятельности, въ которой онѣ выказались, мы полагаемъ, что доказываемъ этимъ наглядно, что въ замѣчательныхъ дѣятеляхъ изъ купечества, у насъ не было недостатка, что почти всѣ они, болѣе или менѣе, забыты и мы знаемъ о нихъ весьма не многое. Купецъ по своему положенію является у насъ разностороннимъ дѣятелемъ: кромѣ своего прямаго занятія, ремесла дѣловъ — торговли, онъ соприкасается съ общественною дѣятельностью, какъ фабрикантъ имѣетъ вліяніе на народъ, держитъ не рѣдко подъ своимъ вліяніемъ цѣлый околотокъ, цѣлыя населенія, какъ напримѣръ подмосковный фабрикантъ Пуриковъ, и нерѣдко соприкасается съ высшимъ начальствомъ уже какъ чисто общественный дѣятель по службѣ.

Кромѣ того купецъ, ближе нежели кто либо имѣя отношенія съ мало еще правдиво извѣстными намъ отношеніями съ востокомъ и съ разными народцами, посѣщающими прилегающія къ намъ съ востока степи Россіи, пролагаетъ новые пути для сбыта русскихъ произведеній, знакомитъ кочевниковъ съ Россіей и иногда благотѣльно

дѣйствуетъ на цѣлыя кочевья, какъ напримѣръ Оренбуржецъ Дѣевъ, о которомъ, также какъ и о Цуриковѣ, мы скажемъ все, что знаемъ и соберемъ въ третьемъ выпускѣ. Теперь же, начиная выясненіе русскаго купеческаго общества почти съ начала и обращаясь преимущественно къ купцамъ, какъ общественнымъ дѣятелямъ, представляемъ легкіе очерки; по мѣрѣ же накопленія свѣдѣнія о каждомъ изъ нихъ, мы можемъ представить подробныя, полныя біографіи каждого и осмотрѣть ихъ со всѣхъ сторонъ... Можетъ быть въ ихъ прошломъ и въ ихъ дѣятельности, смѣлости и энергіи на пользу общества въ старое и темное время, найдутся новыя силы съ такой же настойчивостью и смѣлостію продолжать начатое дѣло. И такъ....

ПЕРВАЯ ГРУППА.

Иванъ Петровичъ Борисовъ, Антонъ Петровичъ Кокушкинъ, Михаилъ Ивановичъ Крашенинниковъ. Все неизвѣстныя имена, не громкія, кромѣ одного имени Крашенинникова, около котораго они и группируются, и всѣ они, не смотря на темноту, свѣтлые, замѣчательные люди. До сихъ поръ мы изучали изъ своего только весьма яркое, останавливались только надъ тѣмъ, что крупно бросалось въ глаза и что не жмурило ихъ отъ лѣни поискать новыхъ чертъ проявленія русскаго характера, подмѣтить слѣды пробивавшейся самостоятельности, не хотѣли, какъ нибудь, хотя изъ мелочей составить понятіе объ идеѣ той гражданственности, которая пробивалась изъ самой почвы, изъ родственнаго, самаго близкаго народу общества—купеческаго. Въ судьбѣ московскаго городского головы Шестова слегка сказалось и направленіе этой гражданственности и характеръ того, откуда брались силы для нее, болѣе нежели въ комъ либо, мы собрали то, что уцѣлѣло отъ его далеко еще неизвѣстной намъ борьбы, намъ къ сожалѣнію пришлось освѣщать его темное время только не многими искрами его огневаго характера, и потому невольно приходится искать слѣдовъ того направленія, о которомъ

еще не забыло наше время, въ другихъ личностяхъ и пояснять его ими и на оборотъ.

Борисовъ и Кокушкинъ являются достойными людьми, на которыхъ стоитъ обратить вниманіе послѣ Шестова: Иванъ Ивановичъ Борисовъ былъ *Калужскій имянитый гражда-нинъ* и эта имянитость, полученная имъ отъ гражданъ Калуги, досталась ему весьма не дешево. Въ этомъ титулѣ, поднесенномъ ему въ знакъ признательности, сказалося и смѣлое теплое чувство русскаго человѣка и его трусость.

Личность Борисова, кромѣ характера пробивавшейся русскою гражданственностію, довольно ярко освѣщаетъ и современную ему администрацію вообще, и калужскую въ особенности — эта послѣдняя, какъ извѣстно, обратила на себя даже вниманіе Императора Александра I. Здѣсь главную роль играло дѣло Борисова, доведенное до свѣдѣнія Императора, при участіи поэта и царедворца Державина.

Иванъ Ивановичъ Борисовъ родился и умеръ въ Калугѣ; родился 11-го іюля 1742 г., умеръ 8-го января 1807 года, слѣдовательно это былъ человѣкъ прошлаго столѣтія. Дѣдъ его былъ въ Калугѣ дьячкомъ Покровской церкви, отецъ изъ духовнаго перешолъ въ купеческое званіе и торговалъ пенькой и хлѣбомъ. На образованіе характера этого дѣателя, такимъ образомъ, вліяли два рода дѣятельности: одинъ —практически купеческій, другой—духовный. То и другое сдѣлали по крайней мѣрѣ то, что онъ вышелъ грамотнымъ русскимъ купцомъ, весьма важное для того времени.

Сами обстоятельства и обстановка сразу и безъ особенныхъ хитростей поставили его на ноги. Съ семилѣтняго возраста предъ нимъ прошла практика торговаго дѣла, чисто русскаго товарнаго дѣла, со всею несложностію и доточностью русскихъ пріемовъ его, съ другой стороны дѣдъ заставлялъ его переписывать поминанья, каноны, выучилъ его писать и читать, а чтеніе церковныхъ книгъ дало ему нѣкоторыя понятія о нравственности и о долгѣ человѣка и гражданина.

Въ двадцать лѣтъ по смерти отца онъ остался самъ хозяиномъ и повелъ дѣло по своему, сообразно съ своимъ ха-

ракторомъ, ловко, бойко, размашисто и, главное, толково. Такія качества, особенно послѣднее, не остаются безъ награды на Руси. Вскорѣ, не ограничиваясь Калугой, онъ завелъ свои дѣла съ Петербургомъ, съ Ригой и въ молодыхъ лѣтахъ считался уже человѣкомъ достаточнымъ, первый шагъ у насъ къ гражданскому значенію: сейчасъ почнуть выбирать въ должности. Перебирая все написанное о немъ, чего впрочемъ весьма не много, мы не нашли слѣдовъ откуда такіе люди, при всѣхъ неблагопріятностяхъ своей обстановки, берутъ средства къ самодѣятельности, ту силу, которая, главнымъ образомъ, отличаетъ ихъ отъ другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ симпатію характера, которою у насъ, сплошь и рядомъ, обладаютъ подобные люди. Большая часть обстоятельствъ, напротивъ того, располагаетъ у насъ энергическаго человѣка къ раздражительности, къ горячности, которая изъ общественнаго дѣла невольно переносится въ свои частныя занятія, не рѣдко даже и въ семейство. Этихъ чертъ не избѣжалъ даже и Шестовъ, которому приходилось весьма круто, но въ характерѣ Борисова этой раздражительности не замѣтно, онъ довольно миролюбиво шелъ впередъ и былъ даже въ хорошихъ отношеніяхъ съ губернаторомъ.

Первый шагъ его на служебной дѣятельности была должность ратмана въ Калужскомъ магистратѣ; избранъ онъ былъ въ началѣ февраля 1769 г. Въ то время, по видимому, онъ не совсѣмъ сочувственно относился къ этой дѣятельности — своя рубашка была еще ближе къ тѣлу; въ 1771 году онъ просилъ, по своимъ дѣламъ въ Петербургъ и частымъ отлучкамъ по нимъ, увольненія прежде окончанія срока службы. По поводу этого, въ маѣ 1771 года общество положило для него слѣдующій приговоръ: «Гражданству довольно извѣстно, писало оно, что по одиночеству Борисова, въ коммерціи его, производимой при С. Петерб. портѣ, происходитъ крайняя остановка и болѣе въ магистратскомъ служеніи ему быть не возможно, чего ради граждане, принявъ его, Борисова, резоны въ увѣреніе, обязываются, при увольненіи его отъ службы, выбрать на мѣ-

сто его изъ своей среды другаго. Въ бытность же его ратманомъ Борисовъ поступалъ добропорядочно, какъ по долгу присяги отъ хвалу заслуживающаго человѣка слѣдуетъ и никакихъ гражданству обидъ, притѣсненій, взятокъ и прочихъ непорядочныхъ поступковъ отъ него не происходило и гражданство имъ Борисовымъ довольно.» Въ этомъ приговорѣ, по видимому совершенно простомъ и не сложномъ, болѣе всего видно добровольное, невынужденное согласіе гражданъ на увольненіе Борисова отъ занимаемой имъ должности. Чтобы понять значеніе подобнаго факта необходимо знать положеніе нашей службы по выборамъ, въ которую, безъ дальнихъ словъ, особенно въ такія мѣста, какъ магистратъ, *упекаютъ* и отъ которой менѣе чого либо можно ждать увольненія. Первый шагъ Борисова, по службѣ, какъ и другихъ былъ не важенъ: мѣсто ратмана вообще мѣсто не важное, но вѣроятно и въ этой должности онъ повелъ дѣло такъ, что снискалъ невольное уваженіе... Шестъ слѣдующихъ лѣтъ до 1777 года Борисовъ не состоялъ ни на какой государственной службѣ, но нерѣдко его приглашали для разрѣшенія серьезныхъ общественныхъ вопросовъ, гдѣ голосъ его серьезно уважался.

Съ 1777 по 1779 годъ его снова выбрали въ засѣдатель губернскаго магистрата, но все таки и эта служба была не по немъ; онъ постоянно, не сморя на свои сложныя дѣла, отбывалъ ее охотно, но главнымъ образомъ, какъ въ это время, такъ и въ слѣдующія десять лѣтъ, занимался торговыми дѣлами и своими смѣлыми оборотами составилъ себѣ значительное состояніе.

Къ 1789 году въ Борисовѣ все соединилось для выбора его въ градскіе головы, потому что по старымъ понятіямъ и по обстоятельствамъ времени, бѣднаго человѣка, будь онъ хотя семи пядей во лбу, въ такую и подобныя должности на службу не выберутъ. Борисовъ, при самомъ вступленіи его въ эту должность, былъ особенно счастливъ тѣмъ, что современный ему губернаторъ Калуги—М. Н. Кречетниковъ, былъ человѣкъ правдивый, благонамѣренный и многое искренно и усердно дѣлалъ на пользу города — та-

кого помощника и самое близкое лицо по дѣятельности устройства города, какъ Борисовъ, онъ не могъ не замѣтить.

Борисовъ сдѣлался его правой рукой и подъ его руководствомъ всѣ общественные приговоры и совѣты того времени отличаются и рациональностью и истинною благонамѣренностью, въ нихъ менѣе всего видно фразъ и многословія — черта, къ сожалѣнію, характерная въ нашихъ общественныхъ приговорахъ; при такомъ руководителѣ, какъ Борисовъ, само общество лечило свои раны: рѣдко на что дѣйствительно нуждающееся, не было обращено вниманія; а такія положенія, какъ вспоможеніе бѣднымъ людямъ въ необходимыхъ постройкахъ, призрѣніе больныхъ и сиротъ, уплата богатыми податей и недоимокъ бѣдныхъ, средства къ ограниченію нищенства и поощренія развитія ремеслъ и промышленности, дававшихъ вѣрныя средства къ жизни, были постоянною заботою Борисова, а при его неустанной энергіи, и цѣлаго Калужскаго общества.

Благодаря своей практичности Борисовъ, нравственнымъ своимъ вліяніемъ устроилъ отношенія и свои и цѣлаго Калужскаго общества къ губернатору такъ, что они постоянно были дружелюбными.

Кречетниковъ былъ переведенъ въ Кіевъ, Борисовъ послѣ выбора въ Калугу 1791 года новыхъ членовъ въ общественныя должности, поднесъ ему адресъ Калужскаго общества въ лицѣ его представителей, въ которомъ выразилась вся признательность къ губернатору цѣлаго городского общества.

Губернаторъ отвѣчалъ имъ слѣдующимъ письмомъ:

«Государи мои!»

«Письмо ваше, извѣщающее о сложеніи вами должности по избранію Калужскаго гражданства, на основаніи Высочайшихъ о губерніи учрежденій, въ пятое трехлѣтіе понесенныхъ, я получилъ и, пріемля съ удовольствіемъ признательность вашу къ попеченію моему о благѣ и спокойствіи всѣхъ и каждого членовъ общества городского, пріятнымъ имѣю долгомъ свидѣтельствовать вамъ и мою взаимную признательность по похвальному и ревностному о со-

блюденіи должнаго въ обществѣ порядка и о выполненіи Высочайшихъ узаконеній и предписаній губернскаго начальства служенію вашему. — Воздавая вамъ, государи мои, должную справедливость, остается мнѣ желать, дабы приемники ваши въ продолженіи служенія ихъ употребляли желаемое попеченіе объ удовлетвореніи долга ихъ, о сохраненіи во всемъ благоустройства и о содержаніи и въ обществѣ добраго согласія, необходимо нужнаго ко благу всѣхъ согражданъ, впрочемъ пребуду вамъ, Государи мои, усерднымъ слугою, генваря 28 дня 1792 года, Кіевъ

М. Креchetниковъ.

Вскорѣ послѣ этого, Калужское общество, непритворно проникнутое признательностію къ такому общественному дѣятелю, какъ Борисовъ, единодушнымъ приговоромъ и какъ бы инстинктивно, недумая о своемъ на то правѣ или безправіи, поднесло своему городскому головѣ титулъ *имянитаго гражданина*. Это званіе поставило Борисова высоко, не только въ глазахъ общества своего роднаго города, но сдѣлало его извѣстнымъ, даже и въ сосѣднихъ губерніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нажило ему не малое число враговъ и противниковъ, которые съ этихъ поръ и стали слѣдить за нимъ, чтобы какъ нибудь проучить, какъ они его называли, *именитаго* самозванца.

Въ такомъ положеніи прослужилъ онъ первое трехлѣтіе въ званіи городского головы: одна сторона общества поняла, какого общественнаго дѣятеля приобрѣла она въ Борисовѣ; другая открыто была вооружена противъ него. Замѣчательно, между прочимъ, въ русской жизни то, что какъ скоро купецъ начнетъ, какъ говорится, идти по службѣ, какъ только онъ горячо и искренно отдается общественнымъ интересамъ, онъ явно начинаетъ терять въ своемъ дѣлѣ; въ этомъ, кромѣ времени и вниманія, которыя дѣйствительно, значительно поглащаются этого рода дѣятельностью, кажется нарушается несконное правило нашей торговли, — жить со всѣми нужными людьми въ мирѣ и согласіи, менѣе всего наживать враговъ, и кромѣ того, не бываетъ уже полной возможности слѣдить зоркимъ глазомъ за всѣмъ,

что дѣлается кругомъ, и тутъ и тамъ, и знать часто въ подробности то, чего не знаютъ никакія власти, никакая тайная полиція.

Такая участь общественнаго дѣятеля - купца постигла и Борисова: вскорѣ послѣ окончанія своей службы, въ 1793 году, Борисовъ купилъ въ Калугѣ купоросную фабрику, устроенную купцомъ Карасевымъ, который имѣлъ на эту фабрику привилегію изъ Мануфактуръ-Коллегіи. Фабрика ему не удалась, потому что не нашлось мастеровъ, способныхъ къ этому дѣлу, да вообще и самъ онъ поотвыкъ отъ купеческой смѣтки. Въ 1796 году, онъ сломалъ часть ея и обратилъ въ жилой домъ. Размѣры его торговли стали съ этого времени нѣсколько уменьшаться... Между тѣмъ, съ первыхъ годовъ настоящаго столѣтія, въ управленіи городами и цѣлыми губерніями, стали все болѣе и болѣе замѣчаться беспорядки, начался періодъ разнаго рода злоупотребленій — періодъ счастливо разрѣшающійся только въ настоящее царствованіе. Въ Калугѣ городскіе обыватели были день отъ дня отягощаемы все большими и большими поборами: постоемъ не въ моготу, который особенно ложился тяжелымъ гнетомъ, на недостаточныхъ жителей, притѣсненіями полиціи. Служившій въ то время городской голова Чуриковъ, смотрѣлъ на все это довольно хладнокровно; онъ, большею частію, радѣлъ себѣ — «противъ рожна нельзя же мнѣ прати», говорилъ онъ, какъ будто въ оправданіе себѣ... Ропотъ жителей все болѣе и болѣе усиливался и наконецъ множетсво несправедливостей и противозаконій, гласно стали заявляться въ городской думѣ, на которую, равно какъ и на городского голову, громко стали жаловаться въ семьяхъ и по угламъ. Всѣ недовольные, отважившіеся не скрывать, собрались около Борисова. Болѣе и откровеннѣе всѣхъ высказывался самъ Борисовъ: онъ не разъ съ глазу на глазъ сталкивался съ городскимъ головой, упрекалъ его за его равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, за неучастіе къ бѣдности, тѣснимой полиціей, не разъ сцѣплялся и съ самими властями и, будто не замѣчая все болѣе и со всѣхъ сторонъ, наживалъ себѣ враговъ.

Крайне жаль, что ни общество Калуги, ни преданія, которыми, по большей части, намъ пришлось характеризовать личность Шестова, не сохранили намъ ни одного анекдота ни одного случая, который характеризовалъ бы Борисова болѣе подробно и ярко.

Усердно приглашаемъ обывателей Калуги почтить память этого вполне достойнаго человѣка, приславъ намъ по адресу, означенному на оберткѣ этого сборника, все, что они знаютъ или слышали отъ старожилонъ или сами помнятъ о дѣятельности Борисова.

Всѣмъ намъ необходимо наше собственное самопознаніе: оно только поможетъ изучить нашихъ немногихъ дѣятелей на разныхъ путяхъ русскаго развитія и дастъ возможность обратъ въ одно цѣлое ихъ опытность и воспользоваться ею.

Въ первые годы настоящаго столѣтія, Борисовъ снова былъ городскимъ головою Калуги. Въ этотъ періодъ лично ть его и энергія выказались и освѣтились въ самомъ яркомъ свѣтѣ: онъ весь отдался обществу, общественные интересы стали его собственными; своихъ собственныхъ, частныхъ у него какъ бы не было. Ни ласки, ни обѣщанія вліятельныхъ людей, ни ихъ угрозы, ни интересы его частныхъ дѣлъ, которыя шли въ разрѣзъ общественной дѣятельности, ничто не могло поколебать его. Общество выбрало его въ трудное для него время и онъ хотѣлъ вполне оправдать его довѣріе. Прежде всего онъ вступилъ за права своихъ согражданъ и, не смотря на всѣ крючкотворства и униженія, которое не замедлило явиться въ его названіи *«купчишка»*, энергично требовалъ прекращенія полицейскихъ поборовъ и освобожденія отъ незаконнаго постоя, само собою разумѣется нисколько не обогащавшихъ казны, а шедшихъ въ карманы извѣстныхъ лицъ.

Губернскія власти поняли, что съ этимъ человѣкомъ приходится держать ухо востро, что его правдивость, твердый характеръ и сознаніе своихъ правъ, съ которыми онъ постоянно относился къ дѣлу, опасные для нихъ враги — первый шагъ, въ такомъ положеніи, подкопать яму подобному ближнему и попытать, нельзя ли его со всѣмъ опаснымъ

для себя упрятать въ нее. Придаться къ Борису, какъ къ городскому головѣ было не къ чему: онъ, какъ умный человекъ, не переходилъ данныхъ правъ, пужно было искать чего либо другаго, придаться къ нему, какъ къ частному лицу, ну и нашли...

Читатель вѣроятно помнитъ, что граждане города Калуги поднесли Борису титулъ *имянитаго гражданина*, помнить, что сдѣлано было это въ порывѣ благодарности за его трудъ на общественное дѣло, за его энергическое сочувствіе къ городскому дѣлу, титулъ этотъ, какъ нельзя болѣе былъ достоинъ Борису, такъ какъ въ свою очередь и Борисовъ былъ достоинъ его, но онъ былъ незаконенъ, онъ не былъ скрѣпленъ ни однимъ официальнымъ лицомъ, ни мѣстомъ, не былъ никѣмъ и нигдѣ утверждёнъ, кромѣ чувства благодарности и признательности согражданъ... Подобное же движеніе, мы видѣли въ Московскомъ мѣщанствѣ, поднесимъ Шестову адресъ, которымъ онъ дорожилъ болѣе всѣхъ прочихъ наградъ и отличій. Къ этому-то титулу и придрались официальные враги Борисува. Прежде всего полиція нарядила слѣдствіе, по какому праву и на какомъ основаніи Борисовъ пользуется титуломъ *имянитаго гражданина* и, кромѣ того, стали придраяться, — какъ и почему онъ владѣетъ людьми, приписанными къ его фабрикѣ, которая уже не имѣетъ производства и отъ которой, какъ мы видѣли, онъ понесъ большой убытокъ. Губернское начальство начало дѣйствовать за одно съ полиціей: приняло эти вопросы серьезно и передало дѣло на обсужденіе городского магистрата, само собою разумѣется, сообщивъ всему этому предварительно надлежащій тонъ и запутавъ тѣхъ, которые участвовали въ поднесеніи ему выше сказаннаго титула. Тутъ-то мы встрѣчаемся съ однимъ изъ грустныхъ, недостойныхъ имени гражданъ, какой бы ни было земли, чертъ слабаго, распущеннаго характера, съ робостью, съ преступленіемъ Калужанъ того времени: видя, что Борисовъ въ опалѣ умѣстныхъ властей, они переправили гильдейскія книги, уничтожили всѣ слѣды и поводъ, по которымъ былъ поднесенъ ему титулъ *имянитаго* и своимъ приговоромъ обвинили его

въ произвольномъ и самовольномъ присвоеніи подобнаго небывалаго и незаконнаго званія. Кромѣ того, тотъ же городской магистратъ, другимъ словомъ — то общество, за которое Борисовъ не щадилъ себя, приговорило отнять выстроенный на мѣстѣ фабрики, на трудовыя деньги домъ его и перевести его въ казенное вѣдомство, тогда какъ всеѣмъ и каждому было извѣстно, что фабрика была куплена имъ на свои деньги и что эта фабрика не пошла и что домъ выстроился по необходимости. На основаніи подобныхъ рѣшеній, губернское начальство предало Борисова уголовному суду. Борисовъ просилъ апелляціи—ему отказали. Къ счастью, случай спасъ Борисова: не смотря на сильныхъ враговъ, на оскорбленія и притѣсненія, на низость со стороны своихъ согражданъ, Иванъ Ивановичъ не упалъ духомъ, онъ только болѣе и болѣе крѣпкъ въ этой борьбѣ и по прежнему честно, съ полнымъ достоинствомъ вель, и, въ своихъ крѣпкихъ рукахъ, держалъ дѣла роднаго города... Но не смотря на его замѣчательную энергію, его бы навѣрное бы сломали, *упekli бы*, если бы не пріѣздъ Державина въ Калугу. Не знаемъ, прибавляемъ ли мы этимъ рассказомъ матеріаль къ біографіи Державина, но по крайней мѣрѣ навѣрное извѣстно, что Государь Императоръ Александръ Павловичъ имяннымъ указомъ Правительствующему Сенату 16 августа 1802 года. (Собр. Зап. Рос. Имп. т. XXVII ст. 20, 37, 41) предписалъ точно освѣдомиться относительно властей Калужской губерніи: хранятся ли ими законы, учрежденный порядокъ и права судей. Дѣло это было поручено Державину. Гавриль Романовичъ, по видимому, горячо взялся за это изслѣдованіе и опубликованный потомъ отчетъ его о злоупотребленіяхъ въ Калужской губерніи познакомилъ съ положеніемъ этихъ дѣлъ всю Россію...

Между прочимъ и, даже на первомъ планѣ, было разсмотрѣно дѣло Борисова и члены магистрата преданы уголовному суду за переправку гильдейскихъ книгъ и также за отказъ Борису въ апелляціи; Борисовъ же, не смотря на свое тревожное положеніе, не смотря на всю черную неблагодарность и малодушіе своихъ согражданъ, до конца жизни радѣлъ о ихъ пользѣ и правахъ: прежде всего онъ про-

силъ ходатайства Державина о несправедливости поборовъ съ городскихъ обывателей, о незаконной тяготѣ налоговъ и т. п., что все и было уничтожено, вслѣдствіи ревизіи Державина. Наконецъ дѣло Борисова кончилось благополучно для него: Государь Императоръ приказалъ оставить разсмотрѣніе его безъ послѣдствій и наградилъ службу его, его правду и энергію своимъ благоволеніемъ и чиномъ Колежскаго Совѣтника, которымъ, такимъ образомъ, онъ собственно и вышелъ изъ купечества.

Борисовъ умеръ 8-го января 1807 года и похороненъ на Пятницкомъ кладбищѣ. О его жизни отозвался искренно и чистосердечно одинъ только калужанинъ Емельновъ, статья котораго и послужила намъ матеріаломъ для настоящаго очерка. Но знаютъ ли могилу Борисова и его дѣятельность другіе калужане, помнятъ ли они его... или ужъ такова наша судьба, что многое достойное памяти погибаетъ у насъ безслѣдно....

II.

АНТИПЪ ПЕТРОВИЧЪ КОКУШКИНЪ.

Характеристика этой личности многимъ отличается отъ А. П. Шестова и Борисова, вмѣстѣ съ тѣмъ многимъ и похожа на нихъ. Вообще въ главныхъ чертахъ, въ типѣ нашихъ замѣчательныхъ дѣятелей изъ купечества много общаго, братскаго—они какъ бы дѣти одной матери. Кокушкинъ представляетъ собою одно изъ сильныхъ опроверженій, почему-то сложившемуся у насъ убѣжденію, что купецъ неспособенъ къ дѣятельности бюрократической, что онъ въ ней ничего не смыслить. — Этимъ убѣжденіемъ, какъ извѣстно, бюрократы пугаютъ наше купечество и лица, избираемые въ крупныя должности, какъ бы обязанностію своею считаютъ имѣть при себѣ что-то въ родѣ секретаря, который предостерегаетъ ихъ отъ ошибокъ и промаховъ. Страхъ заплатить за эти промахи и послѣ службы, заставляеть многихъ изъ нашего купечества откупаться отъ этого во время ея. Кому неизвѣстно, что служба по выборамъ, кромѣ личнаго пожертвованія, составляютъ для купца еще значительный расходъ... за примѣрами не далеко ходить: Москва еще недавно видѣла одного изъ своихъ городскихъ головъ, который прослуживалъ ежегодно отъ 15 до 25 тысячъ руб. сер.

Одна изъ главныхъ чертъ дѣятельности Кокушкина — это именно его блистательныя заслуги въ отношеніи приведенія

въ порядокъ запущенныхъ канцелярскихъ дѣлъ и дѣятельныхъ, практическія, часто административныя мѣры противъ накопившихся общественныхъ недоимокъ и уравненія налоговъ — дѣятельность, близкая къ министерской.

Антипъ Петровичъ былъ родомъ Ярославецъ; родился онъ въ селѣ Князьчинахъ, Любимскаго уѣзда Ярославской губерніи... Отецъ его былъ простой крестьянинъ... Дорогу изъ своего безотраднaго положенія онъ пробилъ себѣ уже прямо своимъ лбомъ и все преимущество его предъ другими своими собратіями, давшее ему ходъ, только въ томъ, что онъ какъ-то, успѣлъ выучиться грамотѣ.

Первое поприще на которомъ мы встрѣчаемъ его въ молодости — это ненавистное теперь и видное въ старое время поприще откупнаго дѣла. Въ откупномъ дѣлѣ въ то время были своего рода знаменитости; одною изъ такихъ въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго былъ Чоблоковъ, который и обратилъ свое вниманіе на Кокушкина, поручивъ ему послѣ мелкихъ должностей, управленіе крупнаго своего дѣла въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ. Антипу Петровичу въ это время было 22 года.

Странная судьба, но неотразимо правдиво то, что вредное для народа, вредное для цѣлаго русскаго общества откупное дѣло соединяло въ себѣ въ свое время много недоуженныхъ, даже лучшихъ головъ того времени, велось и поддерживалось весьма замѣчательными умами, которые положили въ него всѣ свои силы. Откупъ имѣеть свою весьма интересную исторію, участіе въ которой нѣсколько выпадаетъ и на долю Кокушкина. Антипъ Петровичъ не долго оставался у Чоблокова, вскорѣ на него обратилъ вниманіе, еще большая откупная знаменитость того времени — Лѣнивцевъ, который ввѣрилъ ему управленіе сборами въ двухъ губерніяхъ и засвидѣтельствовалъ его даровитость и вѣрность особымъ, выданнымъ ему по окончаніи службы, аттестатомъ. Въ скоромъ за тѣмъ времени Кокушкинъ и самъ сдѣлался откупщикомъ. Это можетъ быть отнесется не къ чести этой личности; съ строгой нравственной точки зрѣнія не защищаемъ, но кажется не всегда можно быть безусловно строгимъ къ выбору человѣкомъ той или другой

дѣтельности; при этомъ надо замѣтить, что самое время способствовало этому дѣлу, что Кокушкинъ вышелъ изъ бѣдняковъ, изъ крестьянъ, что лучшаго не было подъ руками и что онъ не былъ крупнымъ откупщикомъ и не исключительно занимался этимъ дѣломъ: при постройкѣ Нижегородскаго ярмарочнаго гостиннаго двора мы видимъ его уже подрядчикомъ, поставщикомъ матеріала для этой стройки, гдѣ его усердіе также замѣчается и свидѣлствуется завѣдовавшимъ постройками Бетинкуромъ; вкорѣ ярмарка сближаетъ его съ торговою частію и мы видимъ его уже частнымъ торговцемъ, винными и другими товарами. Въ это время замѣтнымъ образомъ развертываются въ немъ торговыя способности — Кокушкинъ богатѣетъ и съ 1822 года оставляетъ свою прежнюю кочевую жизнь и дѣлается Петербурцемъ. Снова то же повтореніе явленія какъ съ Шестовымъ съ Борисовымъ, какъ и со многими другими: до тѣхъ поръ пока Кокушкинъ былъ не богатъ, общество не обращало на него вниманія, къ нему не обращались ни съ какою общественною службою; какъ только разбогатѣлъ, его въ скоромъ времени выбрали — это обыкновенно объяснилось и объяснится тѣмъ, что общество не хочетъ тревожить небогатыхъ людей, что оно даетъ имъ полную свободу трудиться для себя, даетъ возможность зацастись средствами и, если кто достигаетъ этого, кто дѣйствительно выходитъ въ люди, того уже само общество заставляетъ поработать на общество... Это наша старая система и мы весьма рады случаю поставить вопросъ о рациональности подобнаго положенія, тѣмъ болѣе, что главныя основанія ея приняты въ основаніе и новаго общественнаго управленія хозяйственною частію русскихъ городовъ и даже по земскимъ выборамъ. Человѣкомъ съ голосомъ у насъ считаютъ только того, кто имѣетъ осѣдлость — собственника и между ними большее значеніе, безъ сомнѣнія, выпадаетъ на долю богатаго человѣка. Это, по нашему мнѣнію, нераціонально и такимъ отношеніемъ къ общественной дѣятельности, общество много теряетъ, потому что болѣйшій процентъ знанія, высшій процентъ образованія и открытаго мнѣнія на пользу общественную, едва-ли у насъ на сторо-

нѣ собственниковъ. Купеческая же служба въ этомъ отноше-
 нии, особенно въ старое время, представляла громадныя
 злоупотребленія: кто не знаетъ и не помнитъ въ Мос-
 квѣ особыхъ, присяжныхъ мастеровъ — коноводовъ, кото-
 рые предводительствовали цѣлыми сословіями, клавшими
 шары на право или на лѣво по ихъ знаку, по командѣ, по
 разнымъ условленнымъ знакамъ... Кто не убѣждался, что
 большая часть избранныхъ, такимъ образомъ, лицъ только
 тѣшила на службѣ и едва ли приносила пользу.

Современность дошла въ этомъ отношеіи до тонкости.
 Г-нъ Вознесенскій, въ «Голосѣ» (№ 174 и 192 за 1865 г.) поды-
 маетъ вопросъ, о *нелегальности* городскихъ выборовъ и глав-
 нымъ правомъ и значеніемъ въ этомъ ставить собственность,
 домовладѣльчество, рѣзко настаиваетъ на томъ, что нельзя
 вѣрить интересовъ города людямъ бездомовнымъ, но такъ
 ли все это, главная ли принадлежность *выборнаго* и *гласнаго* —
его имущество? Но это вопросъ мелькомъ, мы обращаемся
 къ своему предмету. И такъ Кокушкинъ поступилъ на
 службу уже въ то время, когда сталъ Петербургскимъ
 собственникомъ и человѣкомъ съ состояніемъ. — Первый
 выборъ палъ на него въ трехлѣтіе съ февраля 1824 по фе-
 враль 1827 г., его выбрали, также какъ и Борисова, ратма-
 номъ въ первый департаментъ Городоваго магистрата. —
 И въ этой не особенно видной должности, онъ успѣлъ
 принести замѣтную долю пользы: первое вниманіе имъ бы-
 ло обращено на безпорядки канцеляріи, въ мертвенность
 которой онъ внесъ свою живую, практическую дѣятель-
 ность; дѣла въ ней были такъ запущены, что напримѣръ,
 въ канцеляріи накопилось несданныхъ дѣлъ лѣтъ за двад-
 цать, которыя, по настоянію Кокушкина, были сданы въ
 короткій срокъ. Нерѣшенныхъ дѣлъ накопилось тоже цѣ-
 лая куча, за нихъ Кокушкинъ принялся по своему, съ
 свойственнымъ ему усиліемъ, стараясь обойти всѣ изощре-
 нія крючкотворства, которое, само собою разумѣется, смот-
 рѣло на него, какъ на заклятаго врага. Факты, которые мы
 имѣемъ, лучше всего говорятъ, что было сдѣлано Кокуш-
 кинымъ во время его трехлѣтняго служенія въ первомъ де-
 партаментѣ С. Петербургскаго Магистрата. 1) Отъ прежня-

го трехлѣтія оставалось болѣе двухъ сотъ нерѣшенныхъ дѣлъ, которыя были всѣ окончательнo рѣшены во время службы Кокушкина, что не мѣшало быстрому ходу вновь поступающихъ дѣлъ; 2) старыхъ не сданныхъ дѣлъ Кокушкинъ сдалъ въ архивъ болѣе двухъ тысячъ номеровъ и, при его выходѣ, оказалось нерѣшенныхъ только пятнадцать дѣлъ, остававшихся единственно за неполученіемъ надлежащихъ свѣдѣній и справокъ. Внося въ мертвенный, канцелярскій бытъ свой живой, практической элементъ, Кокушкинъ вмѣствѣ съ тѣмъ не забывалъ и необходимыхъ формъ производства дѣла: такъ имъ первымъ въ магистратѣ были заведены настольные реестры и онъ строго держался всѣхъ предписанныхъ закономъ порядковъ дѣлопроизводства. Сенаторъ Полетика, ревизовавшій губернію въ 1826 году, изъявилъ полную благодарность Первому Департаменту за успѣшный и правильный ходъ дѣла.

Мы должны признаться, что рѣдко встрѣчали такіа блестящія способности бюрократа, не только въ нашемъ купечествѣ при изученіи его дѣятелей, но и въ бюрократахъ ех professio, какъ способности Кокушкина. Не даромъ въ купеческомъ сословіи подобныхъ лицъ шутя зовутъ министрами. Сейчасъ же, безъ отдыха, безъ промежутка вслѣдъ за окончаніемъ службы въ магистратѣ, три податныя сословія избираютъ Кокушкина своимъ депутатомъ въ дворянское депутатское собраніе для раскладки по Петербургской губерніи земскихъ повинностей. Онъ снова охотно отдаетъ обществу три года своего времени и служить ему по февраль 1830 года. Кокушкинъ и на этомъ мѣстѣ находитъ для себя достойное его дѣло: его здоровой, честной натурѣ прежде всего бросается на глаза явная несправедливость, въ силу которой купеческое, мѣщанское и ремесленное общества платятъ податей вдвое болѣе, нежели другія сословія. Эту несправедливость прежде всего онъ заявляетъ въ Депутатскомъ собраніи и обставляетъ свое заявленіе такими неопровержимыми данными, которыя доводятъ дѣло до того, что при раскладкѣ повинностей съ 1827 по 1831 годъ упомянутыя общества освобождаются отъ излишка платежа повинностей предъ другими сословіями. Такое движеніе по

службѣ, не обинуясь, можно назвать подвигомъ и всѣ три общества въ соединенномъ собраніи выражаютъ своему талантливому депутату искреннюю благодарность; сверхъ того кучеческое общество, своимъ приговоромъ на основаніи 28 ст. о губернскихъ учрежденіяхъ, выдаетъ ему похвальный листъ, а Мѣщанское и Ремесленное общества, первое четырнадцать тысячами, второе тремя тысячами подписей, выражаютъ Кокушкину свою искреннюю благодарность въ облегченіи ихъ отъ тяготы податей, которое въ продолженіе трехъ лѣтъ уменьшаетъ взносъ съ этихъ двухъ обществъ на двѣсти тысячъ руб. сер. да кромѣ того, кучеческое общество, начиная съ 1828 года, платитъ восьмидесятью тысячами каждый годъ менѣе. —

Едва Кокушкинъ слагаетъ съ себя трудную и сложную обязанность раскладки земскихъ повинностей, какъ общество снова избираетъ его въ члены Высочайше учрежденной Комиссіи для ревизіи и учета земскихъ повинностей въ С. Петербургской губерніи, гдѣ онъ занимался съ декабря 1830-го по августъ 1833 года. — Тутъ уже не общество, а официальное начальство аттестуетъ Кокушкина.

Вотъ что читаемъ мы въ отношеніи этой комиссіи отъ 9-го января 1833 года за № 106-мъ, препровожденнымъ ею въ С. Петербургскую Городскую Думу.

«Г. Кокушкинъ, съ начала вступленія своего съ 1831 въ сію должность члена ревизіи, находился всегда при ней безотлучно и своими отличными способностями лично содѣйствовалъ комиссіи въ исполненіи возложенной на нее, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго совѣта обязанности, а именно: въ составленіе подробныхъ извлеченій о всѣхъ оборотахъ суммы земскихъ повинностей за 1817, 1818, 1819, 1820, 1821, 1822, 1823, 1824, 1825, 1826, 1827 годы и періодическихъ, какъ выше упомянуто, генеральныхъ учетовъ по трехлѣтіямъ, о чемъ Комиссія въ изъявленіи признательности своей къ личнымъ трудамъ Г. Кокушкина и сообщаетъ Городской Думѣ»

Едва истекаетъ срокъ этой службѣ, С. Петербургское городское общество при началѣ новаго трехлѣтія службы по выборамъ избираетъ Антипа Петровича своимъ город-

скимъ головою. — При этомъ оно уже не думаетъ о затрудненіи его этою новою, трудною должностію, а подноситъ ее, какъ знакъ своей признательности и такого почета, выше котораго оно уже ничего въ своей власти не имѣеть.

Кокушкинъ не только безъ тягости, но съ признательностію и благодарностію къ обществу принялъ на себя это почетное для купца званіе и, оканчивая свои дѣла въ комиссіи, въ то же время принималъ свою новую должность. Работа закинула въ его дѣятельныхъ рукахъ. Прежде всего онъ захотѣлъ оглядѣться въ своемъ новомъ положеніи, стать сознательно хозяиномъ: со свойственною такимъ людямъ строгостію, онъ потребовалъ отчетность по городскимъ суммамъ, взвѣсилъ приходы и расходы города и обратилъ вниманіе на своевременное поступленіе городскихъ доходовъ. — Оказались страшные безпорядки и, главнымъ образомъ, какъ это всегда бываетъ—по мѣщанскому и ремесленному обществамъ. Замѣчательно, между прочимъ, что въ Петербургѣ особенно хромаетъ мѣщанское, а въ Москвѣ ремесленное общество. При разборѣ дѣлъ Кокушкинымъ имъ найдено, что на мѣщанскомъ обществѣ накопилось недоимокъ податныхъ повинностей свыше четырехъ сотъ тысячъ р. с. и земскихъ болѣе двухъ сотъ тысячъ р. с. — откуда взять эту значительную сумму? на комъ состояли недоимки никто про то ничего не зналъ — ни вѣдалъ: именныхъ списковъ этихъ недоимокъ ни въ обществѣ, ни въ думѣ не было. Только такой администраторъ, какъ Кокушкинъ могъ понять всѣ важности подобныхъ безпорядковъ и только подобной силѣ было по плечу поправить это. Черезъ два мѣсяца со времени его выбора, не смотря на то, что онъ еще былъ занятъ въ комиссіи, въ предложеніи своемъ Городской Думѣ онъ объяснилъ всю важность подобнаго положенія и упущеній, настоятельно требовалъ отъ нее изслѣдованія причины подобнаго накопленія недоимокъ и представленія соображеній къ исправленію этого дѣла. Съ своей стороны онъ находилъ необходимымъ обязать полнымъ отчетомъ мѣщанскихъ старостъ и вытребовать отъ нихъ именные списки и всѣ поясненія по этому дѣлу. —

При дальнѣйшемъ анализѣ сложнаго и принятаго имъ въ

запущенномъ видѣ городского дѣла оказалось, что расходы изъ общественныхъ суммъ доходили въ годъ отъ ставосьмидесяти до двухъ сотъ пятнадцати тысячъ руб. сер. и особыхъ поводовъ къ тратѣ такой значительной суммы не было; Кокушкинъ въ непродолжительное время сводить эти траты до пятидесяти тысячъ руб. сер. и дѣло отъ этого не страдаетъ, а идетъ болѣе рациональнымъ путемъ. Далѣе онъ замѣчаетъ, что при отправленіи рекрутской повинности собирается одновременно съ каждаго члена общества отъ 5 до 10 р. с., такъ что такой сборъ, при наличномъ состояніи мѣщанскаго общества въ восемнадцать тысячъ чело-вѣкъ, составлялъ каждый разъ отъ девяноста, до ста восьмидесяти тысячъ и будто все это расходовалось! При очередномъ рекрутскомъ наборѣ, при сдачѣ болѣе нежели въ прежнее время рекрутъ—всѣ расходы сдачи, аммуниціи, награды и прочее, Антипъ Петровичъ, со свойственною ему практичностію, покрываетъ *восьмью* тысячами, раздѣляя въ такомъ размѣрѣ эти расходы на общество. —

Раскрывая, такимъ образомъ, одно дѣло за другимъ, Кокушкинъ убѣждается, что злоупотребленіе глубоко и повсемѣстно проникло въ городское хозяйство, что необходимо вырывать зло съ корнемъ и что нѣтъ никакой возможности скоро, безъ слѣдствія, уладить это путанное дѣло. По его настоянію Городская дума устанавливаетъ изъ своихъ членовъ комиссію для ревизіи всѣхъ мѣщанскихъ старостъ и для формальнаго раскрытія и означенія всѣхъ имѣющихся открыться безпорядковъ. 19 Мая 1833 рѣшеніе свое оно представляетъ на утвержденіе Генераль-Губернатора, тотъ доводитъ это до свѣдѣнія Министра Внутреннихъ дѣлъ и комиссія открываетъ свои дѣйствія.

Шумъ и крики недоброжелателей и масса нажитыхъ враговъ встрѣчаютъ эти его первыя дѣйствія на поприщѣ городского головы.

Не лишнее замѣтить и сравнить методъ дѣйствія въ подобныхъ крупныхъ случаяхъ Кокушкина съ методомъ Шестова: при различіи своихъ характеровъ, одного чисто-народнаго, не терпѣвшаго ничего официальнаго, другаго, напротивъ, близко и тонко знавшаго официальность, но не подда-

вавшагося ей. Шестовъ жилъ и дѣйствовалъ за одно съ обществомъ и въ особенности любилъ мѣщанское общество, котораго постоянно являлся защитникомъ; Кокушкинъ дѣйствовалъ для общества, также любилъ его, но съ другой стороны ладилъ и съ официальными лицами и въ крупныхъ злоупотребленіяхъ общества призывалъ на помощь высшую власть. Шестовъ же постоянно избѣгалъ этого послѣдняго и подводилъ общественныя злоупотребленія подъ общественный судъ, за что, какъ извѣстно, и пострадалъ.

Не наше дѣло судить, кто изъ нихъ дѣйствовалъ лучше: симпатіи скажутся сами собою.

Не смотря на все болѣе и болѣе растущую толпу своихъ недоброжелателей, которые постоянно переходили въ его личныхъ враговъ, Кокушкинъ съ своимъ замѣчательнымъ талантомъ экономиста продолжалъ дѣйствовать на общественную пользу: въ 1833 году, во время повсемѣстнаго неурожая, когда Дума обязана была заготовлять хлѣбный провіантъ въ значительномъ количествѣ, онъ произвелъ эту операцію съ такимъ успѣхомъ, что съэкономилъ около девяноста тысячъ противъ назначенной смѣты, а если при этомъ запасѣ принять въ расчетъ цѣны на хлѣбъ, по которымъ онъ продавался въ 1832 году, то разница между тѣмъ, что было истрачено и что должно бы истратиться, достигаетъ до четырехъ сотъ тысячъ рублей.

Въ разливѣ своей общественной дѣятельности, Кокушкинъ, какъ чистый практическій хозяинъ, не пренебрегалъ никакой мелочью и изъ всего старался извлечь бѣольшую выгоду, ясно и безошибочно понимая, что изъ мелочей и слагается великое цѣлое, что если развинчиваются хотя небольшіе винты, то портится и вся машина.

Есть люди, которые не представляютъ себѣ дѣятельности иначе, какъ въ огромныхъ размѣрахъ, для которыхъ мелкія вещи ничего не значать и они считаютъ даже лишнимъ обращать на нихъ хотя какое либо вниманіе—это наша «Стоячая вода» или, почти также точно, «Чающіе движеніе воды» и въ ожиданіи этого, въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго, новаго, грядущаго, сидящіе сложа руки; тѣмъ по-

чтеніе и почетіе является предъ ними здравый, нормальный дѣятель, который безъ особеннаго анализа, безъ тонкихъ, путанныхъ теорій и утопій, руководясь практическими, жизненными потребностями, дѣлаетъ свое дѣло. Представляемъ здѣсь на выдержку нѣсколько мелочей, которыя были задѣты Антипомъ Петровичемъ въ широкомъ разливѣ его дѣятельности, но задѣты не случайно, не мимоходомъ, а предварительно обративши на себя вниманіе и доставившія ему не мало труда. Платьмойные плоты отдавались въ Петербургѣ на аренду, каждый по шести тысячъ руб. сер. Кокушкинъ нашель возможность отдать ихъ по *девятнадцати* тысячъ руб. сер. и тѣмъ, по числу плотовъ, увеличилъ доходъ города на пятьдесятъ двѣ тысячи — пустяки, которымъ можетъ позавидовать любая столица. Отъ найма аукціонной камеры и ежегодной постройки мостовъ, ежегодно имъ было сберегаемо тридцать три тысячи руб. При пересмотрѣ оброчныхъ статей города, онъ замѣтилъ, что торгующее въ нихъ купечество при нѣкоторыхъ изъ нихъ выстроило на городской землѣ значительные деревянные балаганы и въ такомъ количествѣ, которое обращало невольное вниманіе, такъ на примѣръ, у Тучкова моста — сорокъ четыре амбара и у Гагаринской пристани двадцать шесть; складывало въ нихъ пеньку и ленъ и не платило за это никакой повинности, между тѣмъ для хлѣба, приходившаго въ огромномъ количествѣ по Невѣ, не доставало удобнаго для склада мѣста и торговцы принуждены были нанимать для него частныя мѣста и складывать, большею частію, неудобно и небезопасно. По изчисленію Кокушкина, городъ, такимъ образомъ, терялъ ежегодно до 60,000 руб.; немедленно онъ вошелъ съ представленіемъ этого въ Высочайше учрежденную комиссію для изысканія городскихъ доходовъ и представленіе его было уважено.

Такія смѣлыя дѣйствія не могли разумѣться миролюбиво расположить къ Кокушкину большинства Петербургскаго общества; къ толпѣ враговъ Антипа Петровича прибавились цѣлыя массы — необходимая потребность этой части общества сказалась въ необходимости свалить эту силу, пригнать ее къ землѣ, свести ее съ той высоты, на которую она за-

конно вошла—это какая-то роковая судьба, какая-то жестокая необходимость въ жизни нашихъ общественныхъ дѣятелей, известная часть общества какъ бы находить достойнымъ себя расплатиться такимъ образомъ за всѣ труды, за всѣ заслуги.

Въ отношеніи служебной дѣятельности Кокушкина не находилось ни одной черты, ни одного пятна, къ которому бы можно было придрататься, надо было искать чего либо въ частной дѣятельности, подвести какую нибудь, какъ это зовется на языкѣ подобныхъ людей, мину. Дѣло за этимъ не стало: Кокушкинъ торговалъ чаемъ, такъ почему же не торговать ему запрещеннымъ капорскимъ чаемъ, что прямо вело подъ уголовный судъ. Подвели... и до изслѣдованія этого дѣла устранили его отъ званія и обязанностей городского головы. Думая хотя чѣмъ нибудь доѣхать энергію этой силы, потребовали отъ него быстрой сдачи его отчета по городскимъ дѣламъ и Кокушкинъ, въ теченіе двухъ дней сдалъ все и, между прочимъ, находившуюся въ его вѣдѣніи наличную, въ билетахъ и документахъ сумму, простиравшуюся до 3,323,524 рублей.

Этимъ грустнымъ эпизодомъ характеристики нашего общественного управленія, въ которомъ общество наше съ одной стороны является такимъ мелкимъ, жестокимъ и съ другой—трусливымъ и безслильнымъ, мы и кончаемъ біографическій очеркъ этого замѣчательнаго лица, остается только сказать о его смерти, но пусть успокоятся—онъ умеръ также славно, какъ и жилъ: состоя подъ конецъ своей жизни, между прочимъ, попечителемъ холерной больницы въ 4-й адмиралтейской части, онъ каждый день посѣщалъ это опасное для всякаго мѣсто — его дѣятельная натура не терпѣла слыть чѣмъ бы то ни было, но любила быть. Наканунѣ своей смерти 26 іюля 1848 года, не смотря на то, что чувствовалъ себя дурно, Кокушкинъ поѣхалъ въ больницу и возвратился уже совершенно больнымъ, на другой день его не стало.

Для успокоенія мнительныхъ людей считаемъ не лишнемъ сказать, что по слѣдствію онъ былъ оправданъ и до конца своей жизни постоянно состоялъ подбальнымъ городского головы В. Г. Жукова.

Простая

Милости просим, господа.

Шухов (уходя вместе с бароном и полковником).

А как действительно происходит: пошлите у нас много
уширайте стать.

Андрей Мокшен (из отъезжающих).

Вот я не был говорить вам, господа, что не доведется
нам до дома, все эти русские вояводы —

Пондос.

В успокоительстве Андрей Назаров, вынужденный
интересный даром не пошлите дело, в нас еще
велика работа.

Талант.

Купе поживем! Только не так скоро, господа. Вы же
пiano va siano.

Водвор (из явки).

Праскушайте! Вот они наши благодетели!

Конец.

валь при своей жизни, когда и куда шли его средства—это нагляднѣе всего познакомить съ характеромъ жертвователя.

Вотъ списокъ части его добровольныхъ приношеній, найденный послѣ его смерти, на толстомъ сѣромъ лоскуткѣ бумаги, которыя никому и не были извѣстны до этого времени.

1839. Мая 24. Жертва въ Андреевскую богадельню 50 т. руб. ас. и мѣщанское училище 50 т. руб., всего сто тысячъ; лажь 26% . 126,000 р. ас.
- 1840 въ Сентябрѣ, въ Серпуховѣ на бѣдныхъ гражданъ 25,200 » »
 въ Ноябрь, тожъ на бѣдныхъ гражданъ 25,200 » »
- 1841 въ Апрель, тожъ на бѣдныхъ гражданъ 25,200 » »
 въ Декабрѣ, тожъ на бѣдныхъ гражданъ 52,500 » »
- 1842 въ Мартѣ, въ Серпуховѣ на бѣдныхъ гражданъ 50,050 » »
 въ Августѣ, тожъ на бѣдныхъ гражд. 50,050 » »
- 1843 въ Маѣ, бѣднымъ дѣвицамъ на выходъ въ замужество 105,000 » »
- 1844 Марта дня, на бѣдныхъ гражданъ 49,000 » »
 въ Сентябрѣ, бѣднымъ дѣвицамъ на выходъ въ замужество 52,500 » »
- 1845 Юня 3, на сооруженіе церкви Преображенія въ наливкахъ 17,500 » »
- 1837 Сентября 11, на сооруженіе трапезной у Спаса въ наливкахъ 10,000 » »
 Декабря 10, въ Коломну на бѣдныхъ гражданъ 105,000 » »
- 1846 Марта 11, въ Дмитровскую градскую думу на бѣдныхъ гражданъ 105,000 » »
 Мая 12, на сооруженіе храма Преображенія въ наливкахъ 17,500 » »
 Декабря 10, въ Дмитровскую градскую думу для бѣдныхъ гражданъ 105,900 » »
- 1847 Марта 14, въ Коломенскую градскую думу для бѣдныхъ гражданъ 105,000 » »
 Октября 24, въ Коломну и Дмитровъ

для дѣвиць 105,000 » »
 Декабря 9, тожь на бѣдныхъ дѣвиць 105,000 » »
 1848 Сентября 29, въ Коломенскую думу
 на бѣдныхъ дѣвиць 105,000 » »
 въ Дмитровскую думу на бѣдн. дѣвиць . 150,000 » »

Но этимъ не ограничилось дѣло этой благотворительности; послѣ своей смерти три милліона рублей онъ назначаетъ на раздачу бѣднымъ разныхъ городовъ и дѣвицамъ неимущихъ гражданъ, при выходѣ ихъ замужъ. Послѣ духовнаго завѣщанія, душеприкащики его постепенно собираютъ по документамъ эти суммы и раздаютъ ихъ. По крайней мѣрѣ намъ извѣстно, что до 1851 года они разосланы: на бѣдныхъ гражданъ и для бѣдныхъ невѣсть:

Въ Волоколамскъ	105,000 р.	52,500 р.
» Звенигородъ	105,000 »	52,500 »
» Воскресенскъ	105,000 »	52,500 »
» Рузу	52,500 »	52,500 »
» Подольскъ	52,500 »	52,500 »
» Можайскъ	52,500 »	52,500 »
» Клинь	52,500 »	52,500 »
» Богородскъ	52,500 »	52,500 »
» Верею	52,500 »	52,500 »
» Бронницы	52,500 »	52,500 »
» Юрьевъ-Польскій	52,500 »	52,500 »
» Зарайскъ	52,500 »	52,500 »
» Москву	60,000 »	

Цифры весьма краснорѣчивыя, которыя нагляднымъ образомъ опредѣляютъ характеръ благотворительности Михаила Ивановича, характеръ чисто общественный, который чутко, съ свойственною русскому человѣку глубиною, чувствовалъ положеніе нашихъ горожанъ-посадскихъ, мѣщанства, обездомленныхъ иностранцами русскихъ ремесленниковъ, и считалъ своею добровольною обязанностию, своимъ произвольнымъ долгомъ, облегчать его.

Въ русской жизни нѣтъ недостатка въ благотворителяхъ, но самая благотворительность принимаетъ у насъ нерѣдко весьма рутинный и даже скандалезный характеръ; наши

благотворители любятъ, чтобъ ихъ въ свою очередь *боготворили*, или, сплошь и рядомъ, дѣлаютъ это изъ тщеславія. Начиная отъ мелкой уличной благотворительности, восходя до тѣхъ лицъ, которыя собираютъ предъ лавками и амбарами, а также предъ воротами своихъ домовъ, какъ вывѣску своей *доброй души* цѣлыя толпы нищихъ, оставаясь въ частности на тѣхъ, которыя любятъ, чтобы за каждую подаваемую ими копѣйку у него лизали руку, и наконецъ до тѣхъ, которыя вообще не отказываются отъ добраго дѣла, все-таки относясь къ дѣлу не строго, мы не видимъ въ немъ ни мысли, ни толку, и какъ уже не разъ было доказано, подобная благотворительность плодитъ и поддерживаетъ даже особый родъ мелкихъ промышленниковъ, дармоѣдовъ-нищихъ, поэтому-то и по многому другому, съ особеннымъ удовольствіемъ остановишься на такой осмысленной благотворительности, какъ благотворительность Крашенинникова. Еще черта, дополняющая характеръ этой благотворительности — это то, что Михаилъ Ивановичъ не питалъ особеннаго расположенія къ вліятельнымъ лицамъ, стѣснявшимъ его, по вмѣшательству въ его дѣла, не переносилъ чьей-либо власти надъ собою, и, такимъ образомъ, все неправо угнетенное, стѣсняемое чиновничествомъ, все обойденное правдою суда и потерпѣвшее отъ нестройности нашей жизни, находило въ немъ своего благотворителя.

Все это, и порознь, и вмѣстѣ, даетъ ему несомнѣнное право на вниманіе къ нему и настоящаго общества.

Постараемся еще глубже войти въ анализъ этой благотворительности, въ тѣ внутреннія побужденія, которыми она производилась.

Крашенинниковъ былъ семьянивъ; умирая, онъ оставляетъ жену, сына, нѣсколько замужнихъ дочерей, дочь-невѣсту — всѣ они были обезпечены, награждены и сверхъ того, по духовному завѣщанію, онъ оставилъ каждому изъ нихъ по сту тысячъ рублей серебромъ, это составляло не много болѣе половины того, что, по тому же завѣщанію, онъ назначилъ бѣднымъ и неимущимъ.

Сынъ его оказался человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ

достойнымъ его: онъ пошелъ его же дорогой, открылъ въ Петербургѣ коммерческую контору и не уронилъ фамильнаго значенія Крашенинниковыхъ, по отецъ не передалъ ему всего своего благопріобрѣтеннаго капитала, пріобрѣтеніе котораго онъ началъ *съ семи копѣекъ*, не упрочилъ своего состоянія, какъ это дѣлають въ большей части купеческихъ семействъ и вовсе не къ ихъ безчестію изъ рода въ родъ, а отдалъ значительную часть его бѣднымъ той земли, которая служила къ его обогащенію. Планъ этого благотворенія составился у Михаила Ивановича не мгновенно, имъ не руководило какое-либо сильное движеніе гнѣва, семейной или родственной распри, которая нерѣдко обращаетъ купеческія состоянія на пожертвованія; не только съ своими близкими родными, но и съ дальними и съ знакомыми, Крашенинниковъ жилъ въ мирѣ, относился къ нимъ сочувственно и награждалъ ихъ всѣхъ поровну; планъ этой благотворительности, выяснившійся вполнѣ только вскорѣ послѣ смерти, и повидимому, по нѣкоторымъ даннымъ, обдумывался имъ долго и отъ всѣхъ скрывался. Съ 1839 года, какъ мы видѣли, онъ началъ приводить его въ исполненіе. По отрывочнымъ выраженіямъ его и замѣчаніямъ, можно было догадаться, что онъ задался какою-то мыслію, и что она составляетъ одну изъ цѣлей его жизни: такъ, въ послѣднее время своей жизни, вынимая изъ сохранной казны извѣстную сумму для своихъ торговыхъ оборотовъ, онъ особенно заботился о скорѣйшемъ ея туда возвращеніи, и на томъ будто основаніи, *что это деньги не его, что онъ ихъ занялъ и что ему совѣстно оставаться въ долгу у своихъ кредиторовъ*. Словъ этихъ никто не понималъ: какіе кредиторы могли быть у Крашенинникова, главнымъ правиломъ котораго было никогда не кредитоваться. Кредиторами, такимъ образомъ, оказались *тѣ бѣдняки*, которымъ онъ назначилъ большую часть состоянія.

Не лишнее тоже обратить вниманіе на отношенія, въ которыя онъ ставитъ себя къ исполнителямъ своего плана—своимъ душеприкащикамъ и прочимъ лицамъ, которымъ вручались суммы его благотвореній.

Во первыхъ, онъ не стѣснялъ ихъ никакими формами,

раздачу предоставлялъ безотчетно, *на совесть*; во вторыхъ, долги предписалъ взыскивать безъ принужденья и отнюдь не употреблять стѣснительныхъ мѣръ, внимательно присматриваясь къ положенію человѣка — черта истинно человѣческая. Иначе что же бы было за благотвореніе, притѣсняя одного и облегчая другого. Прощая долги, онъ самымъ естественнымъ образомъ достигалъ своей цѣли съ другой стороны.

Всѣ отношенія и письма, при которыхъ онъ отсылалъ деньги мѣстамъ или лицамъ, онъ всегда писалъ отъ неизвѣстнаго, и большею частію приравниваясь къ положенію города, которое онъ предварительно разузнавалъ.

Вотъ для примѣра одно изъ такихъ отношеній:

«Входя въ положеніе бѣдныхъ семействъ города Дмитрова, которыя, имѣя при себѣ взрослыхъ дѣвицъ, лишены средствъ, по своему неимуществу, выдать ихъ въ замужество, и желая, по возможности, сдѣлать въ этомъ имъ пособіе, я положилъ на вѣчныя времена въ сохранную казну Московскаго Опекунскаго Совѣта, отъ 24 октября 1847 года, за № 33,727 *пятнадцать тысячъ рублей серебромъ*, и препроводя при семь выданный мнѣ на эту сумму билетъ, прошу оную думу изъ получаемыхъ ежегодно процентовъ, выдавать четыремъ дѣвицамъ по сту пятидесяти рублей серебромъ, на нижеслѣдующемъ основаніи:»

1) Дѣвицы изъ мѣщанскаго сословія, которыя желаютъ вступить въ замужество и воспользоваться вспоможеніемъ, должны подавать отъ себя въ оную думу прошенія съ 1-го мая по 1 сентября мѣсяца.

2) Если число желающихъ получить награду будетъ превышать назначенную мною сумму въ выдачу, то 1-го октября прошу оную думу желающимъ дѣвицамъ, при личности ихъ, дать жребій.

3) По жребію удостоеннымъ награды, выдавать таковую не иначе, какъ когда невѣста выдетъ замужъ и представить о томъ свидѣтельство, на что и давать ей сроку одинъ годъ.

4) Если чрезъ годъ удостоенная къ наградѣ невѣста не

выйдетъ замужъ, то назначенная ей награда на другой годъ поступаетъ въ жребій для другихъ желающихъ. Если не будетъ полного комплекта невестъ изъ мѣщанскаго сословія, желающихъ воспользоваться назначеннымъ мною вспоможеніемъ, то прошу дозволить подавать прошенія невестамъ и изъ другихъ бѣдныхъ сословій, но не иначе, какъ проживающихъ въ Дмитровѣ; не менѣе пяти не-

б) Отчета въ раздачу суммы Дума не обязывается никому давать, кромѣ положенной ревизіи Казенной Палаты. Душеприкащики его, согласуясь съ духомъ его благотвореній при отсылкѣ означенныхъ суммъ сопровождали при нихъ слѣдующія правила:

1) Рѣчь изъ бѣдныхъ, большесемейныхъ, которые не имѣютъ ни какихъ средствъ заработать себѣ пропитаніе, выдавать каждый разъ по пятнадцати рублей серебромъ.

2) Одинокимъ и подверженнымъ такимъ неизлечимымъ болѣзнямъ, кои пренятствуютъ имъ даже прокармливаться мірскимъ подаицемъ, и которые никѣмъ не призваны, выдавать въ каждый разъ по десяти рублей серебромъ.

3) Престарѣлымъ, кои лишены, по слабости силъ, снискивать себѣ пропитаніе работою, выдавать то же каждому и каждый разъ по десяти рублей серебромъ.

4) Выдача, обозначенная въ сихъ пунктахъ, должна простираться какъ на мужеской полъ, такъ и на женскій; но только на такихъ, которые съ давнихъ временъ гражданами въ ономъ, а не вновь изъ причисленныхъ въ оное сословіе:

Выдачу производить каждый годъ два раза: предъ Рождествомъ Христовымъ и Святою Пасхою за пятнадцать дней впередъ.

5) Производить такую выдачу уполномочивается на вѣчныя времена Дума, съ тѣмъ, что отъ ея воли совершенно всегда зависитъ разсматривать положеніе бѣдныхъ людей и удостоивать изъ нихъ самыхъ бѣднѣйшихъ получать назначенное нами вспоможеніе; при равныхъ же отношеніяхъ въ бѣдности дѣлать выдачу по жребію.

6) По произведеніи такимъ образомъ выдачи, каждый

разъ публиковать во всеобщее извѣстіе въ Московскихъ вѣдомостяхъ. (17) Во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ Городская Дума никому не должна давать отчета, кромѣ Казенной Палаты.» Такимъ образомъ строго прослѣдя, шагъ за шагомъ, черту за чертою, характеръ благотворительности Михаила Ивановича, мы можемъ положительно сказать, что благотворительность его прямо шла изъ потребностей его природы и что выработалась и созрѣла она годами той опытности, когда онъ пріобрѣталъ себѣ то состояніе, которое потомъ раздавалъ... Предъ купцомъ чаще всего, болѣе нежели предъ кѣмъ либо, раскрывается русская бѣдность во всей ея наготѣ, не смотря на которую онъ все таки беретъ съ нея свой оброкъ и рѣже всего отдаетъ его опять народу, какъ это сдѣлалъ Крашениниковъ...

Въ одной изъ комедій, которая не допущена на сцену, въ комедіи «Откупщикъ» мы подслушали одну фразу, которая устами откупщика, въ его предсмертныя минуты говорила «я взялъ свой милліонъ у народа, ему я и отдамъ его;» но сейчасъ же послѣ такого рѣшенія, которое разумѣется пришло къ откупщику не легкимъ путемъ, оказывается, что этотъ милліонъ украденъ у него его прикащикомъ, который вѣроятно завелъ на него тоже откупъ или нѣсколько мѣстовъ «съ распитіемъ и навьюнось.» — Чувство, вызываемое такими обстоятельствами — чувство тяжелое и къ сожалѣнію нерѣдкое въ русскомъ обществѣ.

Крашениникову, слѣдовательно, по всѣмъ правамъ принадлежитъ имя одного изъ рѣдкихъ купцовъ-благотворителей, благотворителей, такъ сказать, по призванію, а потому мы имѣемъ право передать настоящему поколѣнію, его біографическій очеркъ.

Михаилъ Ивановичъ родился въ январѣ 1775 года. — Родина его — Серпуховъ; родъ его купеческій, отецъ Крашениникова имѣлъ довольно значительное состояніе и жилъ первое время въ довольствѣ, не задолго до рожденія Михаила Ивановича дѣла отца его начали мало по малу разстроиваться и послѣдовавшіе за этимъ безвременьемъ значительныя убытки вскорѣ со всѣмъ разстроили его состояніе. Въ это горест-

ное для каждого семьянина время родился у него сынъ и поддержалъ упавшія силы и волю старика. Такимъ образомъ, даже условіями своего рожденія Михаилъ Ивановичъ внесъ въ семью радость—удѣлъ, который выналь на его счастливую долю на цѣлую жизнь. — Старикъ Крашениниковъ вскорѣ умеръ и Михаилъ Ивановичъ остался главною надеждою семьи, состоявшей изъ матери и двухъ дочерей. — Капиталу не было, о самостоятельномъ дѣлѣ нечего было и думать и пришлось Михаилу Ивановичу начинать карьеру съ безотраднѣй доли купеческаго мальчика, который берется для обученія торговли, какъ ремеслу и начинается это дѣло съ стоянья у лавки, съ побѣгушекъ на посылкахъ, съ зазываній — и т. п. Впрочемъ Михаилу Ивановичу въ этомъ дѣлѣ посчастливилось: онъ попалъ въ солидный купеческій домъ Кирьяковыхъ, въ которомъ съ выслугой годовъ, изъ мальчиковъ вскорѣ сдѣлался прикащикомъ.

Вскорѣ домъ Кирьяковыхъ упалъ (*) и молодой прикащикъ Крашениниковъ, уже довольно близко освоившійся съ торговымъ дѣломъ перешелъ прикащикомъ же къ купцу Сѣрикову.

Уже съ этого ранняго и разумѣется крайне недостаточнаго средствами времени—въ Крашениниковѣ замѣтна была склонность къ доброму дѣлу, къ благотворительности. Съ этого же времени, изъ своего скуднаго жалованья, онъ начинаетъ помогать бѣднымъ и еще бывши прикащикомъ у Кирьякова первую скопленную имъ не большую сумму отдаетъ матери на приданое своей старшей сестры.

У Сѣрикова онъ такъ честно и добросовѣстно повелъ свои дѣла, что тотъ, при разширеніи своего дѣла отдѣлилъ ему особую лавку, въ которой все дѣло сдалъ ему на отчетъ.

(*) Изъ дома Кирьяковыхъ выдѣляется тоже одинъ изъ нашихъ замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей—Клавдій Афанасьевичъ Кирьяковъ: его хотя кратковременная, но энергическая дѣятельность принадлежитъ къ одному изъ любопытнѣйшихъ періодовъ жизни Москвы — въ генераль-губернаторство графа Закревскаго. Къ характеристикѣ этой дѣятельности мы обратимся въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ нашего «Сборника», если получимъ на то согласіе Клавдія Афанасьевича.

Въ это время онъ лишается своей матери и то, что составляло его избытокъ идетъ на ея похороны. Продолжая, такимъ образомъ, свои занятія, въ двадцать семь лѣтъ, опираясь на свои знанія и торговую опытность, на свою извѣстность дѣловаго человѣка и на кредитъ, который въ то время всѣмъ этимъ легко пріобрѣтался, Михаилъ Ивановичъ изъ прикащиковъ становится самостоятельнымъ торговцемъ, а вскорѣ и семьяниномъ, женясь на дочери юрьевского купца Швелкина и заводитъ ткацкую бумажную фабрику.

Съ этого то времени начинается для него пора постояннаго и довольно быстраго обогащенія... Обогащается онъ не въ слѣдствіе своего фабричнаго дѣла, а чрезъ свои торговые обороты бумажною пряжею, знаніе которой пріобрѣтается имъ не только какъ торговцемъ, но какъ и фабрикантомъ. Точность и акуратность въ веденіи своихъ торговыхъ дѣлъ онъ доводитъ до такой степени, что обращаетъ на себя вниманіе и располагаетъ къ себѣ не только русскихъ капиталистовъ, но и иностранныхъ, главнымъ образомъ оптовыхъ торговцевъ пряжей. — Имя Крашенинникова слышится даже и на европейскихъ биржахъ.

Въ этотъ періодъ его посѣщаетъ горе — умираетъ его жена, оставляя послѣ себя пятерыхъ дѣтей, какъ выразительно говорится, малъ-мала-меньше...

Это былъ весьма значительный ударъ для Михаила Ивановича: онъ любилъ свою жену, жили они въ добромъ согласіи; ударъ этотъ понятенъ только тому, кто самъ переживалъ его, и много, много надо энергіи, чтобы послѣ него идти по прежнему пути, съ прежнею неустанностію и энергіею. Но Крашенинникову въ его дѣлѣ обогащенія, полагала какъ говорится сама судьба — усиленіе русскихъ ситцевыхъ и бумажныхъ фабрикъ усилило и его дѣло: съ своимъ знаніемъ и опытностію, съ своими заграничными связями и непрерывающимися сношеніями, онъ становится какъ бы посредникомъ между иностранцами и своими еще неопытными, только что начинающими родичами и счелъ за грѣхъ отказаться отъ подобнаго призванія. Можно съ увѣренностію сказать, что большая часть нашихъ ситце-

выхъ и бужныхъ фабрикантовъ, такъ или иначе, обязана Крашенинникову, что рѣдкій фабрикантъ не былъ въ его кредитъ. Судьба этого человѣка на самомъ дѣлѣ завидная: имя его историческое, не только по его замѣчательной благотворительности, но и по развитію у насъ бумажной и ситцевой фабрикаціи, въ которой онъ является какъ опытный дѣятель и руководитель.

Наконецъ одно чисто ужь случайное, политическое обстоятельство окончательно сдѣлало его милліонеромъ: въ сороковыхъ годахъ, вслѣдствіе тогдашнихъ политическихъ отношеній ввозъ хлопка былъ запрещенъ, цѣны на наличные запасы его удвоились и утроились, и капиталъ Крашенинникова, имѣвшаго значительные запасы этого товара, достигъ весьма значительной цифры, къ этому же времени относится и обогащеніе Мазурина.

По всѣмъ признакамъ, повѣрьямъ и рассказамъ Михаилъ Ивановичъ былъ опытный купецъ, съ природнымъ купеческимъ тактомъ и съ большими, такъ называемыми, коммерческими способностями; кромѣ того много особенныхъ, чисто народныхъ чертъ входило въ характеръ его торговой дѣятельности: такъ онъ умѣлъ расположить къ себѣ покупателя, пріучить его къ себѣ: случалось иногда даже, что повидимому онъ бы кажется терялъ выжидая *своего* покупателя и не продавалъ *чужому*, покупавшему у него въ первый разъ, иногда и цѣна даже, даваемая такимъ покупателемъ была выше той, которую онъ получалъ отъ своего, но не смотря на это онъ ждалъ его, и въ общемъ результатъ выигрывалъ. Другую не менѣ крупную чертою его торговыхъ приемовъ было никогда не протестовать векселей и ни въ какомъ случаѣ не доводить до взысканія. Этимъ, какъ онъ выражался, онъ *щупалъ* человѣка — узнавалъ его суть, потому, что если хочеть заплатить и безъ протеста заплатить, и безъ взысканія, а ужь плохой тотъ купецъ, который доводитъ себя до протеста, плохъ тотъ и продавецъ, который кредитуетъ подобнаго покупателя. — Чѣмъ шире и вольготнѣе въ торговомъ быту, чѣмъ менѣе мертвой формальности, тѣмъ удачнѣе дѣло и опытный купецъ, сильный человѣкъ рѣдко протестуетъ документы. Это

имѣть мѣсто и до настоящаго времени, такъ за вѣрное извѣстно, что покойный П. С. Малютинъ, оставившій послѣ себя значительное состояніе, тоже никогда не протестовалъ документовъ (*).

Вглядываясь въ подробности характера Михаила Ивановича, во всемъ ясно видишь особенную, какъ бы прирожденную избраннымъ людямъ силу, которая только и пръявляетъ у насъ, что либо яркое или замѣчательное — это не та сила, которая претъ во всѣ стороны, такъ называемыхъ нашихъ *широкихъ натуръ*, а та, которая незамѣтно сосредоточиваетъ въ человѣкѣ ту мощь, которую онъ проявляетъ безъ шуму и безъ эффектовъ, развѣ только отличаясь отъ другихъ какими-то ни было особенностями и странностями. Такъ и въ характерѣ Крашенинникова, явно, рядомъ съ его широкою, добротою мы встрѣчаемъ самую крайнюю аккуратность и отчетность: въ дѣлахъ своихъ домашнихъ расходовъ, онъ нетерпѣлъ ни какой роскоши и соблюдалъ въ нихъ всевозможную экономію: онъ точно зналъ, что и въ какое время покупать изъ жизненныхъ припасовъ, при покупкѣ постоянно и настойчиво торговался, всесторонне зналъ свои домашніе расходы за нѣсколько лѣтъ, и всегда соображалъ ихъ съ обстоятельствами. Милліонеръ и такая аккуратность! Быть можетъ это явленіе покажется не нормальнымъ, — это уже что-то похожее на скупость, на скарденность, на стѣсненіе семьи, въ ея свободной жизни.

Но этого-то всего именно и не было въ характерѣ Михаила Ивановича — онъ во всемъ умѣлъ сохранять ту золотую средину, которая въ соединеніи съ его другими качествами и отличала его отъ подобныхъ ему людей. Вспоминая его убѣжденіе, что все нажитое взято имъ взаймы у бѣдныхъ людей, и что все это онъ долженъ возвратить имъ, еще болѣе уясняешь себѣ и эту черту его характера. Чтобы поступить такъ, какъ поступилъ Крашенинниковъ, въ тайнѣ раздававшій свои милліоны, надо имѣть сильный характеръ, который сказывался въ немъ въ каждой чертѣ.

(*). Со временемъ мы надѣемся представить біографію и этою замѣчательнаго дѣателя нашего торговаго быта

Въ самомъ образѣ его жизни, правильной, размѣренной и однообразной выясняется сознательная натура, которая основавшись въ жизни, освоившись, твердо шла къ своей цѣли и если мы припомнимъ, что его планъ благотворенія, начавшійся приводиться въ исполненіе съ 1839 года открылся лишь съ его смертію, то смѣло можемъ сказать, что у этой жизни была цѣль, что въ своей простотѣ душевной онъ сознавалъ и чувствовалъ то, что открыто говорятъ передовые люди, хотя можетъ быть у него эти убѣжденія не были въ такой степени сознательны, какъ у нихъ.

Образъ жизни его былъ по б. ч. однообразный, размѣренный, какъ уже у установившагося человѣка: вставалъ онъ въ 5 часовъ, до 8 постоянно оставался въ своей комнатѣ, въ 9-ть пилъ чай среди своего семейства, все время до обѣда былъ занятъ своею дѣловою перепискою, въ три отправлялся въ городъ, гдѣ и оставался до 6—7 часовъ, иногда, особенно въ молодости, вечеромъ на короткое время бывалъ въ купеческомъ собраніи, которое и до сихъ поръ не способно привлечь надолго серьезнаго человѣка по совершенному отсутствію въ немъ всякаго общественнаго элемента.

Во всемъ въ немъ, въ его женитьбѣ не рутиннымъ образомъ, не смотря на множество предлагаемыхъ ему выгодныхъ партій — въ первый разъ на дочери недостаточнаго юрьевскаго купца Шевелкина, а во второй на Липинской, въ его образѣ жизни, въ его своеобразныхъ выраженіяхъ сказывалась въ немъ оригинальная даровитая натура и весьма симпатичная личность. Своеобразныя выраженія его болѣе всего свидѣтельствуютъ о его народномъ складѣ ума, которымъ онъ долженъ быть дорогъ всякому истинно русскому человѣку.

Во многихъ случаяхъ онъ особенно былъ скупъ на слова, его краткія выраженія болѣе всего касались обыденной жизни; изъ которой при своихъ огромныхъ средствахъ, онъ не любилъ дѣлать чего либо необыкновеннаго и всегда старался привести ее къ той естественной простотѣ, которая зовется нормальностію: «пойдемте ка дрова рубить» говорилъ онъ вмѣсто приглашенія обѣдать или ужинать, дѣйствіе, которому въ наше время придается весьма важное

значение, доводящее многія купеческія семьи до того, что, какъ это перѣдко говорится, они продаются и пропиваются. Всѣ тѣ, часто весьма сложныя хлопоты по домашнему хозяйству, въ слѣдствіе которыхъ въ домахъ современныхъ коммерческихъ тузовъ — своего рода купеческой аристократіи, неизмѣримо уже во всемъ нижней аристократіи по происхожденію — составляютъ цѣлыя штаты... вмѣсто всѣхъ этихъ хлопотъ милліонеръ Крашенинниковъ говорилъ коротко: *надо вотъ товарищу вымѣнятьъ* и отпраплялся перѣдко самъ на базаръ закупить провизіи этого году... *Притесать, други надо каждую вещь притесать*, говорилъ онъ перѣдко вмѣсто уговориться, приладить, сторговаться. — *Примприть* на его языкѣ тоже означало уговориться, приладить сторговаться, *обльить* — справиться, *обсудить, распросить*; и въ этомъ выраженіи не мало выражалось его привычекъ ничего неговорить близко не разузнавши; по его мнѣнію близкое знакомство съ человѣкомъ б. ч. *обляло его* — черта и характерная, и достойная уваженія. — Время, видимо, не считалось имъ за ничто, не считался за ничто и трудъ, весьма еще мало цѣнимый у насъ при деньгахъ, на это ясныя доказательства мы находимъ въ его выраженіи — *работой житьъ*, которое на его языкѣ означало напрасный трудъ или несостоявшееся дѣло.

Такимъ образомъ, и въ этомъ слабомъ очеркѣ, Михаилъ Ивановичъ оказывается живымъ человѣкомъ. Остается только сказать два слова о его наружности, что, впрочемъ, не замѣнить его портрета, который къ сожалѣнію мы не имѣемъ возможности приложить. Михаилъ Ивановичъ былъ средняго роста, скорая, какъ бы порывистая, походка его и твердый голосъ ясно выражали въ немъ тотъ характеръ, который болѣе или менѣе обрисовался предъ нами. Бѣлое, добродушное лице его окаймлялось темнорусыми волосами, которые онъ довольно коротко стригъ; ходилъ онъ, какъ говорится, по нѣмецки, обыкновенно въ сюртукъ, иногда во фракъ, и постоянно въ бѣломъ галстукѣ. Вообще онъ былъ до послѣдняго времени своей жизни весьма чистъ и опрятенъ и въ этомъ смыслѣ пожалуй и не народень. Не утомляя болѣе читателей перечисленіемъ менѣе важныхъ фактовъ его жизни, мы скажемъ еще нѣсколько словъ о его

последнемъ времени и о смерти, которая болѣе всего была результатомъ случайности и въ которой главная вина падаетъ на извозника, слѣдовательно на одного изъ дѣхъ бѣдняковъ, которымъ онъ всю жизнь благотворилъ.

Сокративши свои дѣла а потомъ и со всѣмъ прекративши свое торговое дѣло, Михаилъ Ивановичъ по утру и по вечеру любилъ ходить пѣшкомъ, и отъ своего мѣстожителства св. Иоанна Воина, что за Москвой рѣкою, противъ котораго стоялъ его небольшой каменный домъ, почти каждый день дѣлалъ прогулки б. ч. къ Серпуховской и Калужской заставамъ... Напути онъ обыкновенно останавливался, разговаривалъ съ попадавшимися рабочими; вслушивался въ ихъ нужды, нерѣдко записывалъ адреса бѣдныхъ людей и скрытно помагалъ, истинной, всетерпящей про себя свое горе нуждѣ. — Карманы его во время этихъ прогулокъ постоянно были наполнены мѣдью, которую онъ раздавалъ попадавшимся, и если, какъ болѣею частию случалось денегъ у него не доставало, — то онъ заходилъ подорогѣ въ какую нибудь лавку, гдѣ всѣ его знали, бралъ займы и продолжалъ свою прогулку.

Сложившись въ благотворителя бѣдности, онъ не могъ равнодушно пройти мимо ея, мало того, онъ извинялъ даже и пороки, порождаемые бѣдностью, на это есть фактъ: когда во время одной изъ его подобныхъ прогулокъ у Каменнаго моста напали на него неизвѣстные люди и потребовали у него денегъ, называя его даже по имени—онъ отдалъ имъ все, что было съ нимъ, просилъ только оставить свои любимые часы, которыя и не были тронуты, и никогда потомъ не искалъ, не преслѣдовалъ, что съ его средствами, было безъ сомнѣнія возможно. Онъ только, какъ бы болѣе задумывался послѣ всякой несправедливости противъ себя; видно, что сложные мысли подымали въ немъ подобные случаи, но онъ ни какъ не высказывалъ ихъ... Его не любовь къ веденію формальныхъ дѣлъ, можетъ быть нѣнѣскольکو намекаетъ на эти мысли. И еще яснѣй становятся она по прочтеніи книги Оуена, «образованіе человѣческаго характера».

Въ одной изъ подобныхъ прогулокъ въ 1845 году, Ми-

хаиль Ивановича, сбиль съ ногъ проѣзжій извозчикъ; отъ удару и неожиданности онъ потерялъ память. Бѣжавшій на этомъ извозчикѣ привелъ его въ чувство и предложилъ этого же самага извозчика для доставленія его домой. Михаилъ Ивановичъ доѣхалъ, чувствуя сильную боль и незлобиво рас-счелся съ извозникомъ... Послѣ обѣда ему стало дурно, онъ признался, что упалъ и принялъ предложеніе послать за докторомъ... На этотъ разъ ему помогли, но этотъ ушибъ былъ причиною его смерти, припадки повторялись періодически до 1849: 3-го января, они уложили его въ постель; онъ умеръ на 73 году.

Случайность его смерти отъ неосторожности бѣдняка, которымъ онъ всю жизнь благотворилъ невольно дѣлаетъ грустное впечатлѣніе.

Вдумываясь и вглядываясь въ характеръ этого человѣка, въ связи съ тремя личностями представленными нами прежде, положительно преходишь къ заключенію, что наше купечество имѣетъ подъ собою добрую и богатую почву, которою оно всегря съ большою пользою для себя и для цѣлаго русскаго общества можетъ воспользоваться.

❦

Въ отной разъ подбываетъ пролетаръ въ 1812 году...

СМѢСЬ.

I.

НАШЕ КУПЕЧЕСТВО НА СЛУЖБѢ.

Купечество, какъ извѣстно, выбирается во многія должности по службѣ; въ прежнее время на одномъ купечествѣ лежало веденіе всего городского хозяйства и городской голова выбирался всегда изъ купечества, теперь это, какъ извѣстно, перемѣнилось къ лучшему, но все-таки выборы на службу изъ купеческаго званія и вообще купечество на службѣ — предметъ очень интересный, по поводу котораго придется тряхнуть и стариной.

Мы далеки отъ того, чтобы въ этихъ выборахъ видѣть что-нибудь подобное турниру, гдѣ бы сшибались на черныхъ и бѣлыхъ шарахъ личныя способности, направленіе, характеръ, энергія человѣка независимо отъ его матеріальныхъ благъ или *обстановки*, — намъ до этого еще куда, куда далеко, да существуетъ ли оно и гдѣ нибудь? Но хотя бы небольшое сознаніе общественной обязанности, хотя бы поменьше равнодушія къ святому дѣлу общественнаго служенія.

Признаемся, насъ коробитъ отъ частехонько слышимаго разговора:

«Что, братъ, выбрали что-ль?»

— Выбрали.

«Куда?»

— Да въ коммерческій....

«Ну, ничего — тамъ чиновники хорошіе.»

И это между водкой и закуской или за тремя, четырьмя парами чая, будто одно и то же:

«Пообѣдалъ, что-ль?»

— Пообѣдалъ молъ.

Объ обѣдѣ, впрочемъ, далеко болѣе заботятся и гораздо болѣе входятъ въ его подробности; вотъ еще недавно угощали одно важное лицо по подпискѣ по 20 р. с. Пусть было бы у насъ отличительное свойство купечества—дѣйствительность, реальность, оно было бы и хорошо, но только тогда, когда не черезъ-чуръ въ нее все погружается. Выборы, разумѣется, не обходятся безъ поясныхъ поклоновъ кому слѣдуетъ.

Вслѣдствіе чего эти поясные поклоны? Неужели только вслѣдствіе того, чтобъ дали мѣстечко полегче? Мы знаемъ много энергичныхъ личностей, которыя не подлежатъ службѣ по разнымъ сословнымъ и родовымъ перегородкамъ; уничтожьте эти перегородки, отворите шире двери обществу; въ настоящее время нужны люди, а не замѣщенные къмъ попалось должности и въ однихъ ли это купеческихъ выборахъ? Случалось намъ имѣть дѣла и частыя столкновенія съ однимъ богатымъ помѣщикомъ, владѣвшимъ заселенными имѣніями во многихъ губерніяхъ. Однажды онъ прїѣзжаетъ въ Москву прямо съ дворянскихъ выборовъ и ругаетъ ихъ страшно. «Скажите, пожалуйста», сказалъ ему одинъ изъ присутствовавшихъ при разговорѣ, «неужели въ этой губерніи выборы хуже всѣхъ другихъ губерній?»

«Знаете ли», возразилъ ему словоохотливый помѣщикъ, «я бывалъ постоянно на выборахъ болѣе чѣмъ въ шести губерніяхъ, и всякій разъ мнѣ казалось, что тѣ выборы, на которыхъ я былъ, самые скверные.»

Что же сказать намъ о купеческихъ выборахъ? По крайней мѣрѣ они никакъ и никакъ не лучше.

Мы знаемъ, наши собратья сердятся на насъ за прямую, откровенную рѣчь, они готовы требовать чтобы свой человѣкъ, принадлежащій ихъ обществу и умѣющій связать нѣсколько словъ, писалъ имъ хвалебныя рѣчи; что человѣкъ, опять-таки свой, долженъ и душой и тѣломъ принадлежать обществу. Пожалуй, есть и справедливость въ этомъ требованіи, но это справедливость для такого общен-

ства, какимъ его желаютъ видѣть, какимъ оно должно быть, въ свою очередь, а не для такого, какого оно на самомъ дѣлѣ.

При выборѣ въ разныя должности, прежде всего надо бы *выбирать* людей достойныхъ, пригодныхъ и способныхъ, а не замѣщать кумомъ или сватомъ опроставшіяся легкія мѣста. Напримѣръ: при выборѣ въ члены совѣта московскаго коммерческаго училища и практической академіи (мѣста легкія) слѣдовало бы болѣе всего обращать вниманіе на людей, имѣющихъ хотя какое нибудь образованіе, или, по крайней мѣрѣ, живое сочувствіе къ нему. Неужели не найдется нѣсколько такихъ человѣкъ въ члены нашихъ коммерческихъ заведеній? Найдется и среди нашего купеческаго общества, найдется и смѣна имъ, на нихъ и надобно обратить вниманіе, а не на тѣхъ, кто объ этихъ мѣстахъ хлопочетъ и кланяется какъ объ удобныхъ для проведенія на нихъ, безъ особенныхъ тревоженій, обязанныхъ служебныхъ лѣтъ.

Въ отношеніи дома градскаго общества нельзя теперь не порадоваться тому, что туда пробились наконецъ двое, трое изъ людей еще не старыхъ и довольно свѣтло и современно смотрящихъ на дѣло. Мы хватаемся за нихъ, какъ утопающій за соломенку и просимъ ихъ обратить на все окружающее поболѣе вниманія.

Не мѣшало бы, напримѣръ, постараться вывести изъ лексикона чиновниковъ ихъ вседневныя выраженія, особенно въ отношеніи небогатыхъ людей — *ты, тебѣ, бери, ниши, получай*. Прекрасно это *ты и тебѣ* при равенствѣ отношеній, при отвѣтахъ тѣмъ же самымъ пріятельскимъ тономъ; но сильно непріятно звучатъ они въ полуначальническомъ голосѣ, которымъ привыкъ у насъ говорить всякій, отъ кого хоть что нибудь зависитъ, или, вѣрнѣе, кто можетъ хотя чѣмъ нибудь вамъ подгадить. Неужели уже въ самомъ дѣлѣ купецъ до сихъ поръ долженъ сносить выраженія, подобныя гнѣвно расходившемуся Сквознику-Дмухановскому — аршинники, самоварники и т. п.? Пора быть погуманнѣе къ этому полезному и производительному, ужъ во всякомъ случаѣ не менѣе чиновниковъ, классу.

Въ словесный судъ надо бы всѣми силами стараться вы-
бирать *словесныхъ* людей, — это вѣдь не шутка, а первое
основаніе открытому словесному судопроизводству.

Въ Коммерческій Судъ необходимы люди энергическіе и
съ характеромъ, которые бы кромѣ знанія купеческаго дѣ-
ла умѣли бы и защитить его, а то мы довольно уже на-
смотрѣлись на безгласныхъ членовъ, сажаемыхъ по ту или
другую сторону, въ одномъ отдѣленіи предсѣдателя, въ
другомъ его помощника, которые при разспросахъ и иног-
да при разныхъ хитросплетеніяхъ тяжущихся только хра-
нить молчаніе и отдають все дѣло на добрую волю чинов-
никовъ. Въ Москвѣ составъ Коммерческаго Суда хорошъ,
но дѣло не въ одной Москвѣ.

Много бы можно было сказать о положеніи купечества
на службѣ, но это дѣло уже большихъ статей, а мы помѣ-
щаемъ здѣсь замѣтки.

II.

ПРОЦЕДУРА ОБЪЯВЛЕНІЯ КУПЕЧЕСКИХЪ КАПИТА- ЛОВЪ ВЪ СТАРОЕ И ПОВОЕ ВРЕМЯ.

Кому не извѣстно, что наша внутренняя торговля окру-
жена самыми разнообразными формальностями. Рѣчь о не-
обходимости преобразованій въ разныхъ частяхъ нашего
городоваго устройства, не новая, но если она и не нова, то
все же не мѣшаетъ подѣ часъ заглянуть въ старину, и
вотъ мы попробуемъ заглянуть на этотъ разъ на крайне
сложныя формальности въ дѣлѣ чрезвычайно простомъ и
обыкновенномъ, каково напр. внесеніе купеческихъ капи-
таловъ.

Перечислимъ просто и безъ всякаго преувеличенія тѣ
инстанціи и тѣ формальности, которыя должно было въ
доброе, старое и еще недавнее время пройти для такого
обыкновеннаго дѣла, какъ взносъ денегъ.

1) Необходимо было отправиться къ *приходскому священ-*
нику и *взять* или *выпросить* у него свидѣтельство, *право-*
славенъ ли и *бываешь ли* у исповѣди и св. причастія.

Отъ церкви переходятъ къ дому градскаго общества, отъ священника къ

2) *Сторожама* за гербовой бумагой, и потому именно къ сторожамъ, что бумага уже, нѣкоторымъ образомъ, приготовлена къ дѣлу... Берешь гербовую бумагу, платишь, не смотря на вывѣшенную таксу, чуть не вдвое, и такъ какъ скидать платя, для того чтобъ войти въ присутственное и вообще общественное мѣсто, у насъ вообще мало въ обыкновеніи, то въ шубѣ, а часто и въ калошахъ (дѣло, какъ извѣстно, совершается зимою, вообще съ 1-го ноября), подымаешься на третью ступень...

3) Къ *г. столоначальнику* съ поклономъ, свидѣтельствомъ и съ гербовой бумагой... Пишется прошеніе отъ желающаго объявить капиталъ. Съ прошеніемъ дѣлаешь еще шагъ.....

4) Къ *г. присутствующему*, гдѣ получаютъ пошлины, объявляется капиталъ и выдается бумага, приготовленная для написанія свидѣтельства, или такъ называемое печатное свидѣтельство; тутъ же выдаются билеты и на лавки, повѣряемыя въ свое время установленной для этого, и для прочаго въ этомъ родѣ, торговой депутаціей.

Тутъ же наконецъ предлагается *коробочка*, съ надписью на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: «на бѣдность», даютъ большею частію, безъ всякаго сознанія, на какое именно употребленіе идетъ все это... Тутъ же можно, и большею частію, должно получить билетъ на *губернскія вѣдомости*, а иногда и прочіе журналы разныхъ вѣдомствъ.

Потомъ слѣдуетъ идти 5) къ *г. повытчику*, гдѣ получаешь наконецъ самое свидѣтельство.

Отъ повытчика, на очереди 6) *бухгалтерія*, гдѣ крестообразно засѣдаютъ четыре чиновника съ книгами; росписываешься *въ трехъ книгахъ*: въ одной — что свидѣтельство получилъ; въ другой — такой-то — имя, отчество; въ третьей приходится писать едва не одну фамилію. Зачѣмъ для этой росписки заведено было именно три книги, съ четырьмя при нихъ чиновниками — трудно понять.

Но вотъ на очереди 7) *г. секретарь*, который *просматриваетъ* большею частію, не смотря на то, все ли исполнено по формѣ, записываетъ и, бывало, отпускаетъ съ миромъ.

Но это еще не все — идешь опять 8) къ *г. присутствующему*, который, *осмотрѣвъ подпись секретаря*, подписываетъ выданное *г. повытчикомъ* свидѣтельство и главною для себя обязанностію ставить взглянуть, есть ли подпись секретаря, или писмоводителя, и это не изъ желанія порядка, а скорѣе изъ челоѣкоугодливости... Слѣдуетъ новая инстанція и еще ступень — уже къ низу:

9) *Сторожа*, которые кладутъ печать, и наконецъ-то оканчиваютъ дѣло. Остается расплатиться, въ послѣдній разъ сложить и спрятать драгоценность... слава Богу!

Вотъ самое краткое изложеніе *старой процедуры внесенія капитала*.

Кромѣ того въ этомъ же дѣлѣ особенно обращаетъ на себя вниманіе и время, назначаемое для принятія капитала. Въ старое еще не давнее время, кромѣ утреннихъ назначались еще вечернія присутствія для принятія капиталовъ.

Вечернія присутствія — явленія довольно оригинальныя и вызывались они потребностію также оригинальною: присутствія эти открываются не болѣе какъ для пріема пошлинъ за торговлю и вмѣстѣ съ тѣмъ за имя и права купца. Пріемъ этотъ начинался обыкновенно съ ноября; отъ 10-го же сего мѣсяца по новый годъ и вечеромъ. Домъ градскаго общества остался какъ нельзя болѣе вѣренъ своимъ старымъ преданіямъ до послѣдняго времени. Процедура пріема капиталовъ умерла съ тою же героическою упорностію, которая составляла главную черту ея дикаго характера, во все время ея полной жизни. Должно быть, поговорка-то справедлива, что старость упряма.

Обыкновеніе вечернихъ присутствій теряется въ цѣломъ рядѣ лѣтъ: вѣроятноѣе всего, оно было вызвано недосугомъ дня для торгующаго класса и русскою привычкою оставлять дѣла, подобныя взносу капиталовъ, до послѣднихъ дней и все подгонять къ самому концу. Процедура взноса, носящая на себѣ чиновническій слѣдъ и пахнущая уже не купеческимъ духомъ, вынудила всего скорѣе это обыкновеніе: если пропадать даромъ, такъ лучше уже пропадать вечеру, чѣмъ дню. Нигдѣ не уйдешь отъ чиновничества, и здѣсь-то оно, Богъ вѣсть какими путями привившееся къ

этому, чисто общественно купеческому учрежденію, томить въ этомъ простомъ, но тягостномъ дѣлѣ выборныхъ отъ купечества старостъ дома градскаго общества, которые теряютъ почти цѣлый мѣсяць и отрываются и отъ дѣла и отъ семейства. «Что дѣлать? — служба», скажутъ, можетъ быть, многіе. За что же и какъ изъ всякой службы умѣютъ у насъ сдѣлать и тягость, часто до того невыносимую, что каждый, кто только ни питается службою, бѣжитъ отъ нея.

Жалко вообще смотрѣть на молодыхъ и способныхъ людей, которые имѣютъ средства и силы для самостоятельной-полезной дѣятельности, жалко, когда они силою преданія подчиняются изстари ведущимся обыкновеніямъ и теряютъ въ этой вынужденной подчиненности обычаямъ и силу, а иногда и способность къ дѣятельности болѣе полезной, болѣе существенной и современной. Такова въ большей части судьба людей, выбирающихся на нашу купеческую службу. При настоящемъ случаѣ возьмемъ пска только домъ градскаго общества. Въ недавнее еще время этотъ домъ при новомъ введеніи городского управленія, не смотря на то, что онъ составляетъ совершенно отдѣльное, еще мало кому извѣстное цѣлое, обращалъ на себя невольное вниманіе. Въя отъ себя духомъ не нашей старины, а просто-за просто отсталости, владея значительными общественными имуществами, держа въ своихъ рукахъ судьбу купеческихъ учебныхъ заведеній, пожертвовавши еще недавно значительную сумму на открытіе новаго изъ нихъ, наконецъ распоряжаясь частными суммами, какъ довѣренное лицо, и являясь помощникомъ и покровителемъ многихъ изъ обѣднѣвшихъ людей и цѣлыхъ семействъ своего сословія, домъ градскаго общества во многомъ проникнутъ духомъ дряхлой старости, во многомъ проявляетъ произволь и нераціональность, во многомъ идетъ шагъ впередъ, да два назадъ, и вообще не выработалъ себѣ ни формы, ни самостоятельности, и не отрѣшился отъ чуждыхъ ему примѣсей. Не отъ того ли, можетъ быть, случается, что большею частію главою его избираются люди съ однимъ достоинствомъ — съ толсто набитыми карманами и неумѣющіе сказать ни

слова, не умѣющіе ни объяснить ничего, ни изложить дѣла, знающіе одно — кланяться да приговаривать: слава Богу! слава Богу! Это еще тѣмъ страннѣе, что поговорите вы отдѣльно со многими купеческими личностями, вы найдете множество ума и встрѣтите массу практическихъ свѣдѣній. Но та же личность является вамъ представителемъ сословія, — Господи! куда дѣвался умъ? куда спрятались свѣдѣнія? Но обратимся къ самому градскому обществу, не къ тому, или другому, но къ обществу съ его общимъ, типичнымъ видомъ, какой мы встрѣчаемъ его у насъ — увы! почти повсюду.

Не имѣя и тѣни непочтенія къ сѣдинамъ и трудной работѣ нашего почтеннаго стараго купечества, напротивъ, съ большимъ и большимъ уваженіемъ, смотря на его дѣятельность и чтя его не барскій, а вполне мозолистый трудъ, безъ зависти любуемся мы его успѣхами и обогащеніемъ, именно потому, что съ этимъ обогащеніемъ непременно соединяется понятіе и о развитіи благосостоянія во всемъ краю, обогатившемъ того или другаго человѣка. Еще недавно мы говорили, и готовы говорить, «что, встрѣчая привѣтомъ молодое поколѣніе дѣятелей, радуясь большому его умственному развитію, мы желаемъ ему той силы дѣятельности и той неуступчивой настойчивости въ дѣлѣ, какою отличались многіе и весьма многіе изъ стариковъ нашего купечества». Все это такъ, все это истинно въ отношеніи отдѣльной, личной дѣятельности; но все это не мѣшаетъ намъ быть справедливыми въ отношеніи общественной дѣятельности купечества. Къ чему, во-первыхъ, получивши отъ общества крупную общественную должность, злоупотреблять членами этого общества? Къ чему же въ общественномъ дѣлѣ являться семейнымъ самодуромъ, — это для однихъ характеровъ, для другихъ же этихъ къ чему же, найдется также не мало. Къ чему напримѣръ щеголять одною внѣшностію, къ чему принаровляться къ образу дѣйствія головы за то только, что онъ выше титуломъ, къ чему не сдумѣть сохранить въ своемъ общественномъ учрежденіи духъ своего общества и не заставить уважать неприкосновенность его права? Всѣ это

весьма важные «къ чему».... Однако вѣдь это замѣтка о процедурѣ объявленія капиталовъ, обратимся же къ ней.

Пріемъ капиталовъ по новому положенію начался съ 1-го іюня 1863, срокомъ пріема назначенъ мѣсяць. Новое положеніе о правѣ на торговлю главнымъ образомъ отличается отъ стараго тѣмъ, что вмѣсто трехъ гильдій остается двѣ, которыя уже не зовутся гильдіями, а разрядами, хотя качество еще до сихъ поръ удерживаетъ за ними старыя названія. Кромѣ старо-гильдейскаго права, присуждаемаго выдаваемыми свидѣтельствами, право на торговлю пріобрѣтается особыми для того свидѣтельствами за особую плату, такъ что всѣ расходы по первому разряду свидѣтельства, доходитъ до 420 р. Но важно то, что хотя съ большими ограниченіями можно брать только торговое свидѣтельство и не пріобрѣтая званія купца. Само собою разумѣется, что здѣсь, какъ и при всякомъ замѣчательномъ нововведеніи, невольно является вопросъ, будетъ ли это имѣть какое либо вліяніе на торговлю и на самое торговое и промышленное общество? Вліяніе несомнѣнно, но оно какъ и большая часть нововводимаго вполне почувствуется въ нашемъ будущемъ; теперь самое важное послѣдствіе его то, что право торговли, хотя въ ограниченномъ размѣрѣ, дается простымъ торговымъ свидѣтельствомъ, между тѣмъ какъ въ прежнее время, которое кончается только первымъ іюля 1863 г., чтобы торговать чѣмъ нибудь, необходимо было брать гильдейскія свидѣтельства. Только одни крестьяне, по особой росписи, торговали по свидѣтельствамъ. Теперь по новому положенію все это уничтожено, слѣдовательно шире растворены двери для развитія торговли, но въ первое время естественно, что въ нихъ вмѣстѣ съ новыми дѣятелями полѣзутъ, едва ли не главнѣе и не прежде всего, старые навыки и притязанія. Чтобъ сдѣлать это яснѣе, пояснимъ примѣромъ, и выберемъ его такъ, чтобъ онъ нисколько не могъ насъ отдалить ни отъ предмета, ни отъ мѣстности, преимущественно нами разсматриваемыхъ. Для этого мы возьмемъ фактъ простой, который совершился и до сихъ поръ продолжаетъ

существовать у насъ на глазахъ (въ Москвѣ). Въ Петровскомъ паркѣ, на лѣтнее время, открывается до полудюжины овощныхъ лавокъ, прошедшій годъ (1864) ихъ особенно много, и одна изъ нихъ выстроена новая, на церковной землѣ, неподалеку отъ центра гулянья, почти въ центрѣ самага парка. Выстроена она съ разрѣшенія здѣшняго округа, съ утвержденія здѣшнихъ правительственныхъ архитекторовъ, слѣдовательно имѣеть всѣ необходимыя документы для своего существованія. Тотъ, кто снялъ эту лавку по контракту, также заплатилъ за свое право, и даже, уважая близость церкви, отказался отъ торговли виномъ и не имѣеть его не только на расписку въ лавкѣ, но и на выносъ. Однимъ словомъ все обставлено всею полнотою законности. Но на бѣду церкви, на землѣ, на которой выстроена лавка и которая въ ней вѣроятно нашла бы увеличеніе доходовъ, еще на горшую бѣду лавочника, снявшаго еѣ, случилось такъ, что лавка выстроена на самой границѣ церковной земли съ землею дворцовой конторы, которая владѣеть всѣмъ паркомъ. Вотъ единственная причина и поводъ, по которому мѣстное распоряженіе запрещаетъ торговлю въ лавкѣ и не даетъ къ ней доступа имѣющимъ нужду въ овощномъ, мясномъ и т. п. товарѣ, которымъ лавка и торгуетъ. Само собою разумѣется, что такъ какъ, при открытіи въ ней торговли, соблюдена вся законность, то запретъ тутъ былъ не прямой, а косвенный: ни начальство конторы и никакая отдѣльная личность разумѣется не могли сломать лавки, не могли закрыть ее, но они въ началѣ заставили входъ въ нее рогатками, а потомъ загородили ее заборомъ, такъ что доступъ къ лавкѣ съ лицевой стороны совершенно прекращенъ и остался только доступъ сзади, съ монастыря, совершенно неудобный и, разумѣется, убыточной для мелочной, да и вообще для всякой торговли. Чѣмъ же руководствовались сдѣлавшіе стѣсненія въ поставленіи рогатокъ, и потомъ чѣмъ руководствовались они въ постройкѣ своего забора? Закономъ о границахъ, то есть тѣмъ, по которому каждый землевладѣлецъ можетъ отгородить свою землю отъ сосѣда? Но кто же не согласится, что въ описываемомъ нами случаѣ ссылка на такой законъ есть ни

больше, ни меньше, какъ путь къ притѣсненію? Паркъ—не дворъ частнаго владѣльца, — это мѣсто общественнаго гулянья; на подобномъ основаніи пришлось бы затворить въ Москвѣ всѣ лавки, которыя выходятъ на улицу или на площадь. Еще пожалуй можно было бы найти кой какое оправданіе такихъ дѣйствій въ безобразіи, если бы хозяинъ лавки заводилъ торговлю виномъ, что причиняетъ главное безобразіе; но этого нѣтъ, къ тому же и лавка кругомъ въ зелени, она не можетъ портить и вида. Что же вызвало такой странный фактъ, который обращаетъ на себя невольное вниманіе: полуотворенная лавка, вывѣска—пріемъ писемъ на городскую почту и новый заборъ со всѣхъ сторонъ и предъ самыми растворами? (Въ 1865 г. лавка уже совершенно закрылась). Отвѣтомъ на этотъ вопросъ мы и приближаемся къ разъясненію того, что мы назвали старыми обычаями и прежними притязаніями, которые, видимымъ образомъ, полѣзли съ новыми дѣятелями въ нашу торговлю. Одну изъ существующихъ въ паркѣ овощныхъ лавокъ снялъ кто-то изъ дворянъ, кто-то въ чинѣ майора или около; тутъ и родственныя отношенія и связи кое какія, и смѣлость, которая, какъ извѣстно, города беретъ, отъ чего же ей не взять простую лавочку? Пожалуй, если хотите, это фактъ мелочной, ничтожной; но въ обиходной жизни все составлено изъ ничтожностей и мелочей. Подобныя мелочи бросаютъ не мало свѣта на положеніе у насъ торговца и купца, не принадлежащаго къ привилегированному сословію. У упомянутаго нами торговца видно нѣтъ связей, онъ по неволѣ и долженъ торговать въ огороженной лавкѣ; будь связи и въ мигъ бы слетѣлъ выросшій по протекціи заборъ. Вотъ такого-то рода незначительности, составляющія всю сущность ежедневной торговли и мелкой промышленности, и могутъ служить нѣкоторымъ образомъ мѣриломъ того, какъ еще трудно человеку небольшому, хотя бы и правому бороться съ сильнымъ, хотя бы и безправнымъ. Утѣшимся хотя тѣмъ, что пришло время, когда неправдѣ надобно прикрываться хотя личиною справедливости, что для прогнанія изъ парка лишней, тому или другому неправодействующей лавки, нужно прибѣгать къ постройкѣ забора, а

бывали и другія времена, и давно ли бывали они, когда просто за просто велѣли бы убираться прочь и за то еще сказалъ бы спасибо, что убрался по добру и по здорову.

Хотя нашимъ разговоромъ мы и не ушли отъ введенія новыхъ порядковъ въ торговлѣ, но не много удалились отъ новаго порядка объявленія капитала и полученія торговыхъ свидѣтельствъ.

Въ прошлое старое, но нечего грѣха таить, вовсе нехорошее время, мы не разъ выставляли сложность и затруднительность процедуры этого, по видимому, простаго процесса. Въ настоящее время сложность эта уничтожена, такъ что наконецъ можно просто оставить документы и деньги купеческому старостѣ и на другой день получить свидѣтельство и все къ нимъ принадлежащее. Любопытно видѣть, какъ идетъ теперь это простое дѣло; но къ сожалѣнію и къ удивленію еще любопытнѣе то, что наше купечество или по крайней мѣрѣ большая часть его держится въ этомъ дѣлѣ стараго порядка, т. е. она предпочитаетъ перейти всѣ инстанціи, даже не прочь бы ублаготворить по прежнему всѣхъ своихъ мнимыхъ начальниковъ и уйдти съ спокойною совѣстію. Правъ Байронъ въ Шильёнскомъ узникѣ:

Онъ за порогъ перешагнулъ

И о тюрьмѣ своей вздохнулъ.

Видно уже такова природа человѣческая, или такова сила привычки, а привычка, какъ извѣстно, есть вторая природа. Случалось намъ спрашивать, зачѣмъ все это теперь, когда, повидимому, ничего такого уже не нужно. Вамъ отвѣчаютъ: «что какъ-то не ловко, что пожалуй обидятся.»

Находимъ излишнимъ вдаваться въ психологическое изслѣдованіе подобнаго явленія; скажемъ только одно, что оно можетъ быть образчикомъ того, какъ само общество, тяготившееся и сильно тяготившееся старыми распорядками, въ собственномъ своемъ составѣ находитъ препоны къ водворенію улучшеній и поддержки безчинію; видно не такъ легко и не скоро стряхнешь съ себя разные страхи и опасенія, нагнанныя старымъ временемъ; видно скорѣе сказка сказывается, чѣмъ дѣло дѣлается; скорѣе написать правила для преобразованій, чѣмъ войти преобразованіямъ въ жизнь

и въ дѣло. Это относительно нашей новизны къ сожалѣнію справедливо во многомъ.

III.

ДОМЪ МОСКОВСКАГО ГРАДСКАГО ОБЩЕСТВА ПО КУПЕЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ (НЫНѢ «КУПЕЧЕСКАЯ УПРАВА») СЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ СТОРОНЫ.

Изложивъ значеніе Дома Градскаго Общества (*) какъ собственника, мы считаемъ не лишнимъ слегка коснуться его и съ другой общественной стороны и поставить ему на видъ его нѣкоторые недостатки.

Обратимся прямо къ примѣрамъ изъ дѣла — все будетъ видно яснѣе.

Лѣтомъ 1862 года Домъ Московскаго Градскаго Общества нашелъ необходимо нужнымъ приступить къ слѣдующимъ общественнымъ постройкамъ: Мытнаго двора, пристройкъ Мѣщанскаго училища и перестройки Биржи съ застройкою лавками и амбарами пустопорожняго, принадлежащаго ей мѣста, остававшагося до сихъ поръ празднымъ на такой улицѣ, какъ Ильинка. По приблизительнымъ изчисленіямъ постройки эти должны обойтись въ полмилліона руб. сер., а въ обществѣ свободныхъ къ распоряженію денегъ оказалось только сто тысячъ руб. сер.; вслѣдствіе этого и было рѣшено просить у правительства заимобразно 500 т. р. с., разумѣется, за проценты и съ погашеніемъ; но такъ какъ ссуды отъ правительства прекращены еще съ 1860 года, то и домъ Московскаго Градскаго Общества получилъ отказъ. Вскорѣ за этимъ въ Домъ Градскаго Общества поступаетъ предложеніе отъ одного частнаго лица — выстроить Мытный дворъ на свой счетъ, по плану общества, съ правомъ пользоваться доходомъ въ теченіи извѣстнаго времени, по минованіи котораго дворъ этотъ поступитъ въ общественное владѣніе и съ даваемымъ имъ доходомъ до 40 т. р. с. ежегодно.

Намъ кажется, что прежде всего для обсужденія этого

(*) См. «Наше купечество и торговля» вып. 1-й Отд. 1-й.

вопроса слѣдовало бы назначить *полное* собраніе общества и подвергнуть обсужденію его слѣдующее:

1) Намѣреніе построекъ и приблизительную оцѣнку расходовъ.

2) Предположенный заемъ и его возможность или неудачу.

3) Предложеніе частнаго лица.

4) *Свои собственные средства* и мѣры, которыми бы можно было привести постройки къ исполненію.

Будь въ обществѣ лица всѣхъ состояній, лица, которыя знаютъ и чувствуютъ сами тяготу настоящаго времени, принимая даже въ соображеніе ихъ настояція нематеріальныя средства, дѣло не кончилось бы новымъ налогомъ, противъ котораго слышался въ то время ропотъ.

Но дѣло вышло иначе. Какъ бы то ни было, а оно кончилось предположеніемъ налога на капиталы: 100 р. с. на 1-ю гильдію, 50 — на 2-ю и 10 р. с. на третью. Но такъ какъ, *въ силу закона*, каждый новый налогъ утверждается единственно только съ Высочайшаго разрѣшенія, а въ обществѣ сыщется не мало людей, которые, можетъ быть, и скажутъ: «велико дѣло, какіе нибудь 100—50 р. с. и стоитъ ли объ этомъ разсуждать», то мы считали въ свое время не лишнимъ представить и наши соображенія, которыя весьма многими встрѣчены были съ одобреніемъ.

Утвердивъ своею подписью рѣшеніе общества, именно надбавку на гильдіи, два почтенныхъ представителя здѣшняго купеческаго общества, сходя съ лѣстницы, вели между собой такой разговоръ:

— На что же это однако похоже, и какую гадость мы съ тобой подписали: какіе, братецъ, налоги въ наше время?

— Чего же ты *тамъ-то* молчалъ? ну и говорилъ бы, что тяжело. Тамъ «какъ угодно, какъ общество», а тутъ гадость. Изъ огня въ польмя.

— Хорошо тебѣ разговаривать, какъ есть кому отсготать; а захотѣлъ въ Магистратъ, въ ратманы?

— Ну, послѣ этого и лаяться нечего: самъ себя ѣшь!

Мы слышали также, что въ то время, когда шло разсужденіе о предложеніи частнаго лица принять на свой счетъ

постройку Мытного двора, одинъ изъ членовъ общества всталъ и подалъ голосъ.

— Какъ, господа! да объ этомъ нечего и говорить: *Мы осрамимъ себя предъ Европой*, если отдадимъ частному лицу постройку общественнаго зданія! Неужели же Московское купечество *не въ состояннн само собрать и истратить полмилліона*.

Все вѣдь это, говоря искреннѣе фразы, пустыя фразы, отъ которыхъ всѣ мы давно уже страдаемъ. Гораздо было бы и проще, и практичнѣе подумать, нельзя ли прибѣгнуть къ *займу*, но не у правительства, а у общества, (*) и не легче ли это *новаго полога на общество*? Мы вполнѣ увѣрены, что мысль о займѣ шевелилась у многихъ, но, вѣроятно, или новый кандидатъ въ ратманы магистрата помѣшалъ, или какъ, дескать, разинуть ротъ мнѣ, третьей гильдіи, когда молчать или говорить первая. Названіе *выскочки* въ нашемъ обществѣ и до сихъ даже поръ даже при засѣданіяхъ общей думы слово почти бранное. Но, къ сожалѣнію, и къ вящему сожалѣнію, голосъ въ этомъ обществѣ имѣютъ головы изъ числа «быстро-всеобъемлющихъ», которые и предложили въ то время налогъ и заставили свое мнѣніе идти въ ходъ безъ балотировки. Но все таки вѣдь ихъ мнѣніе не законъ. Московскому купеческому обществу пора выдти изъ апатіи, пора приняться открыто и гласно обсуждать свои нужды и ходъ распоряженій по общественнымъ дѣламъ, пора перестать играть въ молчанку, а въ общей думѣ, отговариваясь тѣмъ, что тамъ силу забрали дворяне.

Считаемъ не лишнимъ привести при этомъ проектъ, который былъ опубликованъ въ то время въ «Акціонерѣ» (1862 г. Января 28) и на который общество не соблаговолило обратить свое вниманіе, между тѣмъ какъ постройка Мытного двора замедлилась.

Наше мнѣніе то, говорили мы тогда, что налогъ совершенно несвоевремененъ и отяготителенъ въ настоящее время. Наши дѣла совсѣмъ не располагаютъ къ тому, чтобъ платить болѣе за право имѣть дѣло. Налоги хороши только

(*) Какъ извѣстно этимъ воспользовалось уже и Правительство и уже извѣстно съ какимъ успѣхомъ.

въ экстренныхъ случаяхъ, въ случаѣ войны, общественнаго бѣдствія, и общество наше, кажется, уже не разъ показало, съ какимъ горячимъ участіемъ отзывалось оно на все, что было дѣйствительно необходимо. Постройка же Мытнаго двора дѣло не выходящее изъ границъ обыкновенныхъ потребностей. Жертвъ для этого не надо. Пора идти къ общественнымъ улучшениямъ путемъ болѣе рациональнымъ, путемъ не жертвъ, а если и не особенныхъ выгодъ, то и не потерь. «Почему бы не прибѣгнуть къ займу у общества», сказали мы въ прежней нашей статьѣ, и вотъ уже встрѣчаемъ цѣлый проектъ, переданный намъ г. *В. С. Морецкимъ*, который, кажется, не будетъ лишнимъ, какъ новый источникъ необходимой для построекъ суммы, на случай, если бы налогъ не былъ разрѣшенъ, даже если не теперь, то на будущее время.

Вѣроятно общество, предпринимая постройку и испрашивая заемъ у правительства, рассчитывало, что платимые за заемъ проценты, хотя напримѣръ 7% съ погашеніемъ, вознаграждаются полученіемъ увеличеннаго дохода съ Мытнаго двора и отъ пристройки къ биржѣ: иначе, разумѣется, и не могла бы возникнуть мысль объ этихъ постройкахъ на общественныя деньги. Намъ говорили, что одинъ Мытныи дворъ обѣщаетъ 40 т. годоваго дохода. Прекрасно, два раза прекрасно: и польза, и украшеніе города!

Принимаемъ эти 40 т. р. с. ежегоднаго дохода и на основаніи этого дѣлаемъ расчетъ погашенія займа съ вознагражденіемъ за капиталъ займа общества у самого себя. Обществу нужно 500 т. р. с., оно имѣетъ 100 т. р. сер.; 400 т. оно занимаетъ среди себя по 5%; составитъ процентовъ въ годъ.

	Р. С.		Разница противъ дохода.
	20,000		
На погаш. облиг. изъ дохода	10,000		
Расхода въ 1-й годъ	—	30,000	10,000
2-й г. % за 390 т. по 5%	19,500		
Погашеніе	10,000	29,500	10,500
3-й » » » 380 » » »	19,000		
Погашаніе	10,000	29,000	11,000
4-й » » » 370 » » »	18,500		

	Погашеніе	10,000	28,500	11,500
5-й » » »	360 » » »	18,000		
	Погашеніе	10,000	28,000	12,000
6-й » » »	350 » » »	17,500		
	Погашеніе	10,000	27,500	12,500
7-й » » »	340 » » »	17,000		
	Погашеніе	10,000	27,000	13,000
8-й » » »	330 » » »	16,500		
	Погашеніе	10,000	26,500	13,500
9-й » » »	320 » » »	16,000		
	Погашеніе	10,000	26,000	14,100
10-й » » »	310 » » »	15,500		
	Погашеніе	10,000	25,600	14,500
			Итого	122,500

Результатъ нашего расчета тотъ, что общество, *не обременяя никого налогами*, напротивъ, довольно выгодно помѣщая общественныя деньги, само получаетъ въ первыя десять лѣтъ 122,500 р. с. дохода и выплачиваетъ уже сто тысячъ рублей сер. Это кромѣ дохода съ пристройки къ биржѣ. Остальные года, само собой разумѣется, съ каждымъ годомъ дивидендъ общества будетъ увеличиваться, а долгъ уменьшаться. На этомъ основаніи можно бы, кажется, приступить и къ другимъ общественнымъ предпріятіямъ, къ другимъ не менѣе, или не болѣе, необходимымъ общественнымъ постройкамъ, хотя бы къ перемѣнѣ яблочныхъ. что у Ильинскихъ воротъ, деревянныхъ балагановъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, торгуютъ не одними яблоками, которые теперь и не красивы, и каждый день, особенно въ лѣтній, жаркій, грозятъ пожаромъ до тла и уже не разъ горѣли и многому другому, въ чемъ нуждается Москва.

Спросятъ, можетъ быть, какимъ образомъ приступить къ подобному займу? Коротко и просто: допустить по приговору общества добровольную подписку на облигаціи, которыя выпускаются московскимъ купеческимъ обществомъ.

Можно быть вполне увѣреннымъ, что такія облигаціи,

обезпеченныя общественными строеніями и доходомъ съ нихъ, когда бы они не появились, будутъ встрѣчены весьма радушно и найдутъ подпищиковъ, особенно если общество откроетъ пріемъ ихъ подъ учетъ въ банкъ, въ чемъ также трудно видѣть какое либо препятствіе. Напротивъ, этимъ допущеніемъ правительство можетъ выказать свое сочувствіе къ общественнымъ предпріятіямъ въ первомъ ихъ зародышѣ, и вѣроятно поощритъ ихъ; въ этомъ смѣшно было бы сомнѣваться, да притомъ давно уже готовъ проектъ и собственнаго купеческаго банка, котораго, вѣроятно, мы когда нибудь дождемся.

Далѣе наше купеческое общество не разъ уже вызывало упреки своему равнодушію къ дѣламъ общественнымъ, хотя бы, на примѣръ, при выборѣ въ цѣновщики.

Всякому, угадывающему его будущее значеніе, больно и грустно встрѣчать эти упреки. Эти упреки проистекаютъ никакъ не изъ желанія унижить значеніе общества, не изъ пустаго безправственнаго лаянья, которымъ такъ заразилась въ послѣднее время наша литература. Васъ невольно одолеваетъ грусть, когда видишь, какъ бѣольшая часть общества, не смотря на старанія отдѣльныхъ личностей, не хочетъ понять своего положенія и не желаетъ, не смотря на необходимость, воспользоваться имъ.

Гдѣ, на примѣръ, наше купеческое общество можетъ сойтись безмундирно, открыто, съ свойственнымъ ему здравымъ смысломъ и практичностью? Когда оно хотя для начала разобьется на партіи и дозволитъ этимъ партіямъ выступить открыто, безъ страха предъ капиталомъ, гильдіею или какими иными достоинствами? Партіи въ этомъ обществѣ есть и даже такія, которыхъ не заставишь молчать и стерляжею ухомъ. Не разъ уже чувствовалась необходимость сойтись хоть гдѣ нибудь и потолковать токово и откровенно о своемъ положеніи. Одно частное лицо предлагало даже свой домъ для этого, но все это, какъ извѣстно, связано было съ дѣломъ серьезнымъ и требующимъ открытой бесѣды, — съ утвержденнымъ правительствомъ обществомъ для процвѣтанія отечественной промышленности и торговли, которое увы до сихъ поръ, не смотря на всѣ хлопоты, между

прочимъ и предсѣдателя этого общества А. И. Хлудова, такъ равнодушно встрѣчается и вѣроятнѣ всего не состоится. Неужели же не понимаютъ или не хотятъ понять значенія для себя этого общества? неужели не чувствуется, что не смотря на существованіе дома градскаго общества, который Богъ вѣсть какими судьбами превратился въ то, что зовется у насъ мѣстомъ присутственнымъ, къ которому во всей своей красѣ привилось чиновничество, между тѣмъ какъ, напримѣръ, Министерство Финансовъ уже допустило, *съ Высочайшаго* соизволенія въ своихъ вѣдомствахъ на службу людей безъ чиновъ. Не смотря на полуофициальный духъ новой думы, занятой впрочемъ довольно усердно еще пока только своимъ дѣломъ, не смотря на процвѣтаніе купческаго собранія, благодаря *лото-домино*, въ которомъ наше купечество только проигрывается, можно бы, кажется, подумать, что съ открытіемъ вышеупомянутаго общества, купеческое собраніе пріобрѣтетъ непременно и новое значеніе и больше вѣсу. Но нѣтъ таки—собирались, собирались отвести особое помѣщеніе для бесѣдъ и покончили тѣмъ, что вытянули длинную залу для ѣды, въ которой вѣроятно отъ густоты воздуха, на другой же годъ провалился потолокъ...

Пора же намъ хотя когда нибудь разставаться съ нашею берлогой, въ которой столько времени въ самоуслажденіи мы сосали лапу. Не даромъ въ самомъ дѣлѣ народъ нашъ сложилъ пословицу: дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ.

Эти надежды мы возлагаемъ на нашу купеческую управу, члены которой б. ч. вмѣстѣ съ тѣмъ и члены купческаго собранія и гласные думы. Имъ какъ людямъ общественнымъ, по призванію, необходимо въ нашихъ общественныхъ учрежденіяхъ прививать нужную намъ какъ воздухъ общественность, безъ которой мы или сопьемся съ кругу каждый въ одиночку, или разоримся и выживемъ изъ ума уже въ *какомъ нибудь обществѣ* (*).

(*) Считаю не лишнимъ обратить вниманіе на книжку М. Н. Щепкина «Бюджеты трехъ городскихъ московскихъ обществъ» и на его статьи въ Современной Лѣтописи о бюджетахъ московскихъ купеческихъ обществъ.

1866-22

КОММИССИОНЕРЪ.

КОМЕДИЯ

ИЗЪ НѢМЕЦКО-РУССКАГО КУПЕЧЕСКАГО БЫТА.

ВЪ 3-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Посвящена

П. М. Садовскому.

МОСКВА.

ТИП. ЛАЗАРЕВСКАГО ИНСТ. (А. МАМОНТОВЪ), АРМЯНСКІЙ ПЕР. № 14.

1866.

12932-52

ЛИЦА:

Христьянь Христьянович Розенбергъ, уроженецъ одной изъ Остъ-Зейскихъ губерній, купецъ, имѣющій въ Москвѣ торговый подъ фирмою: «Розенбергъ и К^о», вдовецъ.

Тереза-Софія }
Софія-Тереза } его дочери.

Оттонъ-Юліусъ Пфафъ, иностранецъ, пріѣхавшій агентомъ, лѣтъ пять въ Россіи.

Вильгельмъ, его племянникъ, молодой человекъ.

Баронъ фонъ-Рейнфельдъ, близко знакомый съ Пфафъ.

Семень Васильевичъ Шуховъ, довѣренный Пфафъ.

Сергій Петровичъ Бобровъ, занимающійся въ конторѣ Розенбергъ.

Юнге, кассиръ.

Галатти.

Андрей Ивановичъ Моксенъ.

Иванъ Ивановичъ Моксенъ.

Бартъ.

Цендель.

Мѣстные купцы, торгующіе подъ разными фирмами.

M-mes. }
Бартъ.
Цендель.

Назаръ Степановичъ Половниковъ, фабрикантъ, бумагопрядильщикъ.

Матвѣй Васильевичъ Усовъ, суконный фабрикантъ.

Сынъ Усова, молодой человекъ.

Соровъ, пріемщикъ Транспортной конторы.

Сафронъ, артельщикъ.

1-й }
2-й } Пзвощики.

Квартальный, добросовѣстный и полицейскіе.

Гости обоого пола.

дѣйствіе въ Москвѣ.

Между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ проходитъ около года; между вторымъ и третьимъ отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ. Начало дѣйствія въ шестьдесятъ второмъ году.

ДѢЙСТВІЕ I.

Залъ хорошо и удобно меблированный, въ среднѣй двери; на лѣво и на право также двери, подъ тяжелой триповой драпировкой; дорогая легкая мебель; роялино, картины, нѣсколько статуй; обстановка очень чиста, удобна, но безъ особенной роскоши... Время около пяти часовъ по полудни. На столѣ, по среднѣй, довольно парадная закуска.

Явленіе I.

Розенбергъ и Пфафъ (*у Камина, съ старами*).

Розенбергъ.

Ну, вотъ, любезный Пфафъ, наконецъ-то я могу кое-что сдѣлать для тебя, могу сколько-нибудь расплатиться съ тобой... Нынче для меня старика дорогой день: нынче день рожденія моей милой Терезы, нынче же и обрученіе ея съ тобой; помолвка, какъ говорятъ русскіе. Съ нынѣшняго дня фирма моя болѣе не существуетъ: всѣ мои дѣла, коммисіи, связи и знакомства переходятъ къ тебѣ; все это я отдаю тебѣ охотно; я увѣренъ, что дѣло мое переходитъ въ хорошія руки.

Пфафъ.

Благодарю... за все благодарю: за довѣріе, за Терезу... Надѣюсь, что домъ Розенбергъ и К^о будетъ имѣть въ Гунгеръ и Пфафъ достойныхъ пріемниковъ.

Розенбергъ.

Увѣренъ... но, любезный Пфафъ, одно, что я бы хотѣлъ сказать тебѣ, на что мнѣ даютъ право лѣта мои, моя опытность и знаніе Россіи — не спѣши, не рискуй, не желай большихъ выгодъ, не ищи быстрого обогащенія, про ко-

торое всё кричать у васъ... и которое несбыточно, фальшиво... Иди langsam, честно, это вѣрныя средства. Иначе, Богъ знаетъ кто кого перехитритъ.

Пфафъ.

Я это знаю, папа, я уже немного знаю русскій народъ; читаль, училъ, видѣлъ, будущность....

Розенбергъ.

— Да, да будущность завидная... я двадцать пять лѣтъ велъ здѣсь дѣла... Многого еще надо остерегаться, — здѣсь все не такъ — какъ вездѣ — оригинальность, самобытность, странность... и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то такое, что заставляетъ и удивляться и сердиться въ одно и то же время... Надѣюсь, что ты не пренебрежешь опытностію старика? (*)

Пфафъ.

Я буду очень благодаренъ вамъ папá.

Розенбергъ.

Ну, да... я вѣдь отъ души желаю добра и тебѣ и моей милой Терезѣ, отъ души.

Пфафъ.

Я бы хотѣлъ, чтобы не только здѣсь, но со временемъ и тамъ, у себя имѣть кой-что... Одно скажу вамъ, папá, что я бы не хотѣлъ долго работать здѣсь.

(*) Тотъ и другой говорятъ не чисто по русски, но Розенбергъ много лучше Пфафъ; въ произношеніи Розенберга слышится уроженецъ нашихъ Остѣ-Зейскихъ губерній. Пфафъ говоритъ какъ иностранецъ, еще далеко не выучившійся по русски, но наши русскія нѣмцы ломанымъ русскимъ языкомъ говорятъ только съ русскими, не говорящими по нѣмецки; между же собою говорятъ, разумѣется, по нѣмецки, а потому въ предлагаемыхъ сценахъ мы не будемъ держаться ихъ ломаной рѣчи, а постараемся передать ихъ не русскія мысли — русскимъ языкомъ.

Розенбергъ.

Ну, да... это естественно... ты иностранецъ... а я, я здѣшній, я русскій-нѣмецъ, я привыкъ, мнѣ хорошо и здѣсь.

Пфафъ.

Нѣтъ, папá... мы не оставимъ васъ, и я вѣдь хотя тоже русскій подданный, но только на время.

Розенбергъ.

Ну, что Богъ дастъ, любезный Пфафъ, теперь же прежде всего желаю тебѣ счастья здѣсь... прямого, честнаго, трудоваго счастья! По русской поговоркѣ: дай Богъ въ добрый часъ!

Пфафъ.

Дай Богъ въ добрый часъ!

Розенбергъ.

Дай Богъ... но однако время и одѣться; я думаю бѣлый галстукъ... а? я нынче въ полной формѣ. Пойду, пойду.

(Уходитъ).

Явленіе II.

Пфафъ.

Чудакъ папá!... чистый русакъ: слезливость, ханжество, и честь и совѣсть на умѣ. А должно быть славное здѣсь было время, когда такіе наживали. Теперь же ужъ не то, спѣшить, надо спѣшить.

Явленіе III.

Пфафъ и Тереза.

Тереза *(входитъ)*.

Ты одинъ здѣсь, Юліусъ?

Пфафъ.

Сейчасъ болтала съ твоимъ папá. Какъ ты мила въ этомъ костюмѣ, полной хозяйкой!

Тереза.

Да теперь хозяйкой, а вотъ скоро я и сама буду здѣсь гостьей.

Пфафъ.

Чтожъ тебѣ это не нравится?

Тереза.

Нѣтъ, Юліусъ, какъ же не нравится? но странно какъ-то вдругъ разстаться со всѣмъ, съ чѣмъ такъ сжилось: съ роднымъ домомъ, съ отцемъ, съ тѣмъ мѣстомъ, въ которомъ знаешь каждый уголокъ; съ людьми, съ предметами.

Пфафъ.

Тебѣ жаль ихъ, не правда ли?

Тереза.

Ахъ, нѣтъ не то я этимъ хочу сказать, Юліусъ... Пойми меня: въ эти минуты, въ день, близкій нашей свадьбѣ, мнѣ невольно приходитъ на мысль моя мать... у меня вотъ и теперь какъ передъ глазами ея образъ... какъ-то пугливо... я сама не знаю по чему, смотреть она на меня... но ты не сердись Юліусъ... вѣдь это не надолго... ты знаешь какъ я люблю тебя? при одной мысли быть твоей, все это исчезаетъ, мнѣ становится весело отъ одной мысли (*прижимаясь къ нему*)... твоя, твоя... на всегда твоя, Пфафъ! я забываю все — отца, мать... знаю и вижу только тебя... ты вѣдь меня любишь... любишь Юліусъ?

Пфафъ (*смѣясь*).

По всему видно, что ты родилась въ Россіи.

Тереза (*осматривая его*).

Какой ты странный сегодня, Юліусъ! Что съ тобой? Ты вѣроятно разстроены чѣмъ-нибудь... (*звонятъ*).

Пфафъ.

Нѣтъ ничего, такъ... Однако звонятъ, поди скажи папа.

Тереза.

Какой ты странный... а все-таки ты милъ, такъ милъ, что я не налюбуюсь тобой! (*Уходитъ*).

Явленіе IV.

Пфафъ.

И это счастьемъ называютъ... странное вообще понятіе — счастье, das Glück, нѣтъ ничего условнаго!... Ну, нѣтъ я счастья въ этомъ вполнѣ не нахожу — должно быть отжилъ для него... Молоденькая кровь, русская мечтательность, экзальтація, вѣроятно всосанная съ молокомъ русской кормилицы, и больше ничего!... Для меня счастье не въ томъ: дѣла и деньги, смѣлость, рискъ, нажива и удача, все эти средства къ жизни свободной, самобытной — вотъ, если это все удастся, такъ это точно счастье!.. Нашъ вѣкъ умень: онъ это понялъ, для него и счастье впереди... А все-таки безъ женщины нѣтъ счастья. Такъ, но и ей пора трудиться, мыслить, жить, тогда лишь прочно дѣло.

Явленіе V.

Тѣ же и Рейнфельдъ.

Рейнфельдъ (*быстро входя*).

Ого, ты ужъ во всемъ парадѣ... поздравляю... отъ души! Ну, что, я думаю, ты не дурно себя чувствуешь: день торжества... день достигнутой цѣли... а достичь чего бы ни было вообще важное дѣло! Счастливецъ ты, Пфафъ, все уда-

лось тебѣ, и деньги и жена! — Миѣ же вотъ особенно ни то и не другое: тогда и женщины, когда есть деньги.

Пфафъ.

Ктожь въ наши лѣта платитъ женщинамъ? Но, это въ сторону. Какъ дѣла, что съ деньгами?

Рейнфельдъ.

Что дѣла.... дѣла волочатся кой-какъ, а деньги просто рѣдкость въ наше время. Лишь только-бъ денегъ! Помѣ- щики въ нуждѣ, крестьяне вышли въ люди; имѣнія все въ закладъ; роскошь сильно привилась: въ степяхъ, въ глуши, французское вино — кухня французская дороже въ двое... Теперь вѣдь, ужъ не дѣши — теперь хлѣбъ, сахаръ, пенька, сало, шерсть, пшеница, ленъ — вотъ ихъ кормилицы.... а это вѣдь все наше.... все дѣло нашихъ рукъ; хозяйства никакого, все ощую, на корню продадутъ — проценты ка- кіе въ голову взбредутъ такія и заплатятъ, лѣсъ за лѣсомъ валятъ, усадьбу за усадьбой, но денегъ, денегъ нѣтъ! О, еслибъ хоть сотня тысячъ, хоть меньше сотни.... Для де- негъ, право, и я бѣ рискнулъ — женился....

Пфафъ.

За чѣмъ же дѣло?

Рейнфельдъ.

За небольшимъ! Счастья нѣтъ.... Ты думаешь я не искалъ... да какъ еще искалъ!

Пфафъ.

Здѣсь?

Рейнфельдъ.

Гдѣ жъ больше? здѣсь сидятъ еще огромные куски, о, какіе сытные и жирные куски: одна есть въ триста ты- сячъ, блондинка, такъ себѣ, хоть кусочикъ мяса — за то вѣдь три-ста тысячъ!... Есть вдовушка — belle femme и фа-

брика, товаръ идетъ отлично и денегъ куча. Вотъ я было къ ней....

Пфафъ.

Ну, и что жъ?

Рейнфельдъ.

Да, что... одно слово, счастья нѣтъ: и бусурманъ, и то, и другое. А у меня ужъ и волосы того.... и силы ужъ не тѣ.... Одна способность еще меня не оставляетъ — нажить! Лишь только вотъ проснусь, только глаза открою, увижу этотъ снѣгъ, услышу колоколь, почувствую что здѣсь! ну, смерть, мурашки по тѣлу.... готовъ на все, чтобы нажить.

Пфафъ.

Чувства знакомыя....

Рейнфельдъ.

Не давно вотъ еще открылъ хорошій источникъ денегъ — откупщики.... Да, вотъ что не говори, а литература-то не шуточное дѣло — какую силу переломила. Спиртъ дѣло дрянъ, торговля сбита, русскіе умные люди не знаютъ куда дѣваться съ деньгами; они теперь вездѣ: и въ фабрикахъ бумагопрядильныхъ, и въ обществахъ тамъ разныхъ страховыхъ, въ компаніяхъ на паяхъ, на акціяхъ.... въ дорогахъ желѣзныхъ разныхъ, вездѣ и во всемъ, какъ въ сумеркахъ... еще не разберутъ, ничего не видятъ. Но тамъ мѣста ужъ заняты; туда намъ не рука — другаго надо поискать. Откупщики si devant пойдутъ теперь на все, лишь только бѣ барыши, хотя немножко похожіе на прежніе.... Я ужъ кой гдѣ примазался.... деньги будутъ — тысячь двѣсти обѣщано.

Пфафъ.

Что жъ, это дѣло; намъ спѣшить необходимо, хоть двѣсти бѣ тысячь.

Явленіе VI.

Тѣ же, Моксены и Розенбергъ.

Андрей Моксень (*медленно*).

Guten Morgen!

Иванъ Моксень.

Guten Morgen Пфафъ, какъ идетъ Рейнфельдъ?

Пфафъ.

Wie geht's?

Рейнфельдъ (*молча жметъ обѣимъ руки*).

Розенбергъ.

Ну-съ, что новенькаго? что въ городѣ, на биржѣ?

Иванъ Моксень.

Да что новаго!... почти ничего... торгуемъ плохо... платятъ плохо... Старые дома знать отживаютъ свой вѣкъ... молодые идутъ впередъ...

Андрей Моксень.

Дѣло плохо, но дѣло будетъ! А, вчера еще банкротство — хорошій капиталъ рухнулъ — Дементій Федоровъ.

Пфафъ.

Пилатовы?

Иванъ Моксень.

Да, братья — пражѣй торговали. А знаете гдѣ капиталъ?

Пфафъ и Рейнфельдъ.

Гдѣ?

Иванъ Моксень.

Братецъ Степочка припряталъ, а брата къ дѣлу притянулъ: все шло на его имя. Степанъ-то мнѣ нынче смѣется: я, говоритъ, по довѣренности, мало ли что съ хозяевами случается.... Братъ, говоритъ, отца помазалъ, а я съ нимъ по братски порѣшилъ — мнѣ не грѣхъ.

Розенбергъ.

Мошенникъ этотъ Степанъ Ѳедоровъ.

Рейнфельдъ.

Полезные намъ люди.

Явленіе VII.

Тѣ же и Галлати.

Галлати.

Я тамъ ищу, Христьянъ Христьянычъ... а вы всѣ здѣсь. Bon jour! Опять, пожаръ, опять....

Рейнфельдъ.

Гдѣ?

Галлати.

Гдѣ-то за рѣкой, всѣхъ сонныхъ разбудилъ....

Розенбергъ.

Фу-ты, Боже сохрани!

Андрей Моксень.

То холера, то пожаръ!...

Галлати.

То безденежье! А видѣли вы курсъ?

Андрей Мовсень.

Хоть петлю надѣвай!

Галлати.

Э, батюшка, вамъ что: у васъ свои дома тамъ за границей, вамъ можно эдакъ и *обратный* перевернуть. Вотъ намъ, да кой-кому по меньше, другое дѣло.

Явленіе VIII.

Тѣ же Бартъ и Цендель.

Бартъ.

Христіанъ Христіановичъ!... ха, ха, ха, поздравляю, имѣю честь. Какъ поживаете господа? (*подастъ руку*).

Цендель.

Браво, браво, Христіанъ Христіановичъ.... у васъ, мой другъ, рѣшительный талантъ. Какъ льпить, видѣли? Здравствуйте господа!...

Розенбергъ.

Помилуйте, такъ, знаете, отъ скуки....

Цендель.

А, нѣтъ какъ хотите, Христьянъ Христьяновичъ, вы, батюшка, рѣшительный художникъ.

Розенбергъ.

Ну, и художникъ — такъ знаете, работа досуга....

Цендель.

Великолѣбно!... Ну, вотъ, господа, давно толкуютъ и кричатъ, что купецъ не можетъ быть художникомъ въ одно и то же время.... Вотъ вамъ опроверженье на лицо.

Бартъ (жуя у закуски).

Да... да... это вопросъ серьезный... Пендель, отличный кюммель, англишъ bitter!

Галлати.

Этотъ вопросъ рѣшить не трудно: Христьянъ Христьяновичъ ужъ больше не купецъ.... Нѣтъ, вотъ вопросъ.... (къ Пенделю), вы вѣдь и историкъ, и законовѣдь, и все — рѣшите-ка.

Цендель.

Что такое?

Галлати.

Простое и не мудренное дѣло, да оно и кстати... Знаете вы Шухова?

Цендель.

А, какже... знаю.

Галлати.

Такъ извольте видѣть, дня два тому назадъ онъ предомной, часа такъ съ три, идею развиваль...

Цендель.

Да-съ.

Галлати.

Онъ мнѣ доказываль, какъ дважды два четыре, что здѣсь торговля и коммерція двѣ разныя вещи.

Цендель.

Идея!

Галлати.

Да вотъ и онъ! Шуховъ здравствуйте! (*Какъ въ продолженіи этой, такъ и послѣдующихъ сценъ многіе подходятъ и закусываютъ*).

Явленіе IX.

Тѣ же, Шуховъ и Бобровъ.

Галлати.

Вашъ вопросъ и рѣшеніе меня рѣшительно поставили въ тупикъ... Коммерція-то!

Шуховъ.

Ага! — Ну что жъ дѣло извѣстное — вопросъ давно рѣшенный; коммерція и торговля здѣсь двѣ вещи разныя, какъ небо и земля, какъ мы и вы и остальное все... Коммерція давно здѣсь процвѣтаетъ; торговля же едва лишь начинается.

Многіе.

Вотъ новость! Sonderbar...

Цендель (*глубокомысленно*).

Въ какомъ же отношеніи?

Шуховъ.

Во многихъ отношеніяхъ: въ отношеніи приемовъ и экономической постановки, веденія и началъ.

Вартъ,

Ха, ха, ха, ничего не понимаю.

Шуховъ.

Здѣсь все оригинально, какъ народъ и какъ природа — отдѣльный мы, самостоятельный народъ, свой взглядъ, свое умѣнье.... а иностранцы впереди.

Цендель.

А почему, какъ вы думаете?

Шуховъ.

Да, кажется потому, что мы мало знаемъ себя и безотчетно чтимъ чужое...

Пфафъ.

Надо учить.

Шуховъ.

А надо бы, безспорно, да лѣнь и скучно, и смотреть все не такъ привѣтливо... Ну, что такое за краса — наши долины ровныя и грустныя пространства — кругомъ затишье мертвое, свѣтится тускленько лишь только кое-гдѣ, въ немногихъ уголкахъ, и что учить, что изучать?... Однообразіе и стужа!... Восемь мѣсяцевъ зима, лѣто — карриатура южныхъ зимъ... Но не смотря на то мы знаемъ многое, мы купцы, промышленники... какъ же намъ за наукой не слѣдить! Знаемъ, что въ Москвѣ пекутся калачи, что фабрики тамъ разныя подѣланы. Нѣмцы утверждаютъ, что фабрики эти совсѣмъ некстати, что нашъ удѣлъ — соха; цѣлая партія начинаетъ сомнѣваться и почти рѣшаетъ — срыть дескать ихъ! Кричимъ: свободная торговля! Мы жъ хвастаемся квасомъ, въ отпоръ твердимъ, что у насъ Тула съ ружьями, Калуга съ тестомъ, Волга, бурлаки, раскатистая пѣсня, стерляди большія и вкусная уха... Мы книги даже покупаемъ, переплетаемъ, въ шкафы ставимъ... Въ книгахъ жизнь, кажись бы, хоть куда — тамъ даже женскіе вопросы.... читаешь — таешь, осмотришься — хоть плюнь. Одинъ журналъ ругаетъ

все напаваль, потому что ему не нравится Россія, другой съ запада рѣчь желчную ведетъ, третій на русской тройкѣ съ востока выѣзжаетъ, всю мудрость видитъ въ русской пѣснѣ, въ тройкѣ, въ размахистыхъ рѣчахъ. Три четверти журналовъ наполнено редакторской бранью, а публика плати! Ну-съ, далѣе: купецъ хочетъ тягаться съ дворяниномъ, дворяне лѣзутъ въ знать, мѣщане едва дышатъ, ремесленники по цѣхамъ, какъ по клѣткамъ. Поймите это все, соедините, объясните... Вотъ тутъ-то именно коммерція съ торговлей и не ладятъ.

Бартъ.

Ха-ха-ха, и складно и красно, но ничего не понимаю, то-есть рѣшительно ничего.

Цендель.

Это только перефразировка и больше ничего.

Галлати.

Помилуйте, какая перефразировка, тутъ мысль есть.

Цендель.

Какая мысль, гдѣ она?

Иванъ Моженъ.

Погодите, я думаю вотъ что....

Рейнфельдъ.

По моему это шутка и больше ничего.

Розенбергъ.

Погодите... погодите... вотъ Иванъ Александровичъ объяснить.

Галлати.

Вотъ видите въ чемъ дѣло: онъ даетъ совершенно разныя значенія двумъ однозначашимъ словамъ — коммерція, торговля.

Шуховъ.

Да, и слова даже не однозначущія: звучать они совсѣмъ иначе — прислушайтесь — коммерція... потому промышленность, торговля!... Въ одномъ такъ вотъ и слышатся всевозможныя затѣи, пружины, разныя... выдумки, всѣ ухищренья нажать, объѣхать, придать вещи ложный блескъ, подняться на фу-фу.

Бартъ.

Фу-фу. Вотъ это понимаю.

Шуховъ.

Обширно поприще коммерціи *россійской* — она теперь вездѣ: коммерція — богиня времянь нашихъ!.. Раздолье ей на фабрикахъ при разныхъ производствахъ: при тканье, отдѣлкѣ и окраскѣ; коммерція живетъ на счетъ и бѣдныхъ и богатыхъ; она, своихъ же помощниковъ рабочихъ, свои же двигающія силы, и то до гола обираетъ: за трудную работу даетъ имъ затхлую муку... мясо не свѣжее... черствый хлѣбъ, наспиртованную воду, и вмѣсто того, чтобъ этимъ силы подкрѣпить, она лишь ихъ карманы очищаетъ!... Она теперь вездѣ, вездѣ проникла; въ разныхъ громкихъ производствахъ, въ дорогахъ желѣзныхъ, въ пароходствахъ, въ общественномъ правленіи, въ идеяхъ разныхъ — этотъ духъ паритъ теперь высоко, онъ за народъ, за равенство, за братство; въ нѣкоторыхъ газетахъ и журналахъ такъ и красуется на первомъ планѣ — лишь подписчиковъ бы больше! Она у насъ теперь во всемъ, даже святомъ бы, кажется по назначенію — вездѣ коммерція лихая! Но, довольно, и такъ ужъ поэтично, хоть публицисту бы иному.

Рейнфельдь.

Горячо!

Цендель.

И забавно. Ай да русскій народъ.

Бобровъ.

Ну, это не народъ!

Шуховъ.

Вездѣ она проныра-барыня проникла, въ высокія хоромы ворона залетѣла и, вмѣсто того, чтобъ двинуть разомъ здоровья, свѣжія, нѣсколько лѣтъ во снѣ дремавшія, громадныя народа силы, она, коммерція, лишь расслабляетъ, держитъ и гнететъ.

Пфафъ.

Richtig, вѣрно!...

Цендель.

Ну, ну Шуховъ, теперь мы васъ начинаемъ немного понимать...

Шуховъ.

Да, неужели жъ продолжать? Весь этотъ подкупъ, монополии, всѣ эти ухищренія нажить, обогатиться, либеральничать, всѣ эти гадкіе приемы при продажѣ... продажныя мѣста, продажныя услуги, — суды и взятки, все то, что какъ кошмаръ давно насъ давитъ, все это, господа, коммерція, коммерція лихая!

Бобровъ.

Такъ! Но это все таки еще не все!

Пфафъ.

Что же еще такое?

Бобровъ.

Да еще не малое — цѣлый отдѣлъ коммерціи!...

Цендель.

Какой же это, новый?

Бобровъ.

Да, отдѣлъ еще значительный, отдѣлъ блестящій, въ приличныхъ формахъ европейскихъ — обманчивый для того, кто мало въ него всмотрѣлся, но въ себѣ самомъ такой-же гадкій, пожалуй еще хуже нашего, потому что подымаетъ другія чувства, такія чувства, какія возбуждаетъ — не рѣдкое у насъ явленіе — когда какой-нибудь баринъ пребаргородно обираетъ честнаго, довѣрчиваго бѣдняка, вполне вѣрующаго въ его прославленную честность.

Рейнфельдъ.

Это что-то такое!... не понятно.

Андрей Моксень.

Загадочно!..

Бобровъ.

Позвольте объяснить! Вопросъ возникаетъ самъ собою; вамъ захотѣлось позабавиться надъ тѣмъ, что Шуховъ называлъ коммерціей, рассказъ его вамъ доставилъ удовольствіе: мы вообще любимъ о своемъ дурномъ повсюду рассказывать, мы хвастаемся этимъ, а многіе о немъ послушать любятъ, да позабавиться.... Онъ началъ, позвольте мнѣ докончить....

Пфафъ.

Про что же это вы хотите говорить?

Бобровъ.

Про другую сторону коммерці *россійской*, про сторону приличную и лицевою...

Иванъ Моксень.

Это что такое... будто не совсѣмъ учтиво...

Бартъ.

Тутъ что-то будто бы не ладно...

Андрей Моксень.

Послушаемъ, послушаемъ...

Бобровъ.

Дѣло въ томъ, что Шуховъ назвалъ только одну сторону, свои родныя раны — раны точно опасныя, но на которыя ужъ есть въ виду лѣкарство... Но кромѣ ихъ скрываются у насъ еще другія раны, болѣе старыя и болѣе опасныя, потому что привитыя, ввозныя, чужія...

Цендель.

Что это такое? Что за раны?

Бобровъ.

Дѣло въ томъ, что наша сторона идетъ сама собой изнутри... ея основы въ жизни, она потому и не хороша, что многое еще въ потемкахъ; со свѣтомъ это пройдетъ, проходить уже и принимаетъ другія, свои родныя, народныя формы, свое-то горе, мы, какъ-нибудь, поправимъ... Ну, а что вы скажете про тѣхъ, которые изъ свѣта лѣзутъ въ тьму, да еще стараются какъ можно болѣе ее сгустить; что вы скажете про тѣхъ, которые, пріѣхавши сюда искать и хлѣба, и покрова, и отыскавъ то и другое, становятся врагомъ ихъ пріютившаго народа? Обираютъ его. Что хуже — человекъ, который дѣлаетъ дурно и самъ того не созна-

вая, или тотъ, кто знаетъ, что это ядь, а вамъ его за нектаръ выдаетъ?...

Бартъ.

Фуи, мнѣ какъ будто жарко стало!...

Бобровъ.

Это тоже коммерція своего рода, и болѣе опасная, потому что ввозная, что она имѣетъ формы, учетъ, все принадлежности чистаго, правильнаго дѣла; она учтивая европейски, одѣта щегольски, складно говоритъ, а посмотрите-ка что она скрываетъ подъ этими формами!.. Довѣрься ей неопытный, который въ ней, по отсталости своей, нужду имѣетъ... и онъ скоро почувствуетъ на себѣ ея благодѣтельную руку... Все, что сказано Шуховымъ, правда, но правда и то, что намъ приходится терпѣть, не только отъ себя, и отъ другихъ, отъ чужихъ приходится терпѣть! (*Шумъ и сдержанное недовольство со стороны иностранцевъ*).

Галлати.

Позвольте, господа! завязался разговоръ живой и шумный—сошлись двѣ стороны; я постараюсь ихъ помирить. Я здѣсь давно извѣстенъ за француза, но я родился здѣсь, и право я душою русскій.. Вотъ я какъ дѣло понимаю: г-нъ Шуховъ, одинъ изъ тѣхъ, которому здѣсь все, иль многое не нравится; въ его словахъ есть много правды... но въ нихъ есть кой что обидное.. Боброва взяло это за живое, онъ говорилъ горячо и можетъ быть немного откровенно.... Признаться надо, что тамъ вѣдь за морями мы слышемъ еще почти за дикаго народа... *у насъ* вишь все не по людски... *у насъ* всему нажива, и вотъ многіе стали жаловать сюда, чтобъ деньги наживать, такъ безъ труда, иль съ маленькимъ трудомъ, вотъ какъ я дѣло понимаю: это дѣйствительно тоже коммерція...

Андрей Моксень (въ сторону).

Дуракъ!

Розенбергъ.

Господа, позвольте мнѣ держать рѣчь, я двадцать пять лѣтъ трудился здѣсь, трудился какъ купецъ и терялъ и наживалъ — разчитывалъ и ошибался, шелъ тихо, шагъ за шагомъ, и слава Богу... на старости теперь покоенъ, и совѣсть моя чиста... Я долженъ замѣтить, что многое, что сказано здѣсь, вѣрно, но кончимъ это дѣло. Теперь, друзья мои, въ это время, когда все такъ быстро пошло у насъ, я собрался отдохнуть... но дѣло мое остается какъ и прежде, я передаю его въ болѣе сильные руки... Приемникомъ своимъ я назначаю Г-на Пфафъ.

Многіе.

Браво, браво, Розенбергъ, браво Пфафъ!

Розенбергъ.

Кромѣ того, господа, я долженъ вамъ всѣмъ объявить еще новость: Пфафъ съ нынѣшняго дня не только мой приемникъ, онъ также будущій мой зять, женихъ моей дорогой Терезы.

Многіе.

Браво, браво, браво Пфафъ!

Розенбергъ.

Теперь милости прошу откушать и поздравить нарѣченныхъ.

(Маршъ. Мужчины идутъ на право за дамами и потомъ по парно уходятъ на льво, между гостями и племянникъ Пфафъ-Вильгельмъ, который въ парь съ Софи; около нихъ вѣется баронъ).

Явленіе X.

Андрей Моксень и Цендель (*Уходя послѣдними*).

Что онъ тутъ толковалъ, на что такъ горячился, и долины и купцовъ, и насъ еще пожалуй тутъ прицѣпить, и что за охота пускать сюда этихъ русскихъ горлопаевъ, право Розенбергъ изъ ума выживаетъ...

Цендель.

Дѣйствительно: вѣдь все дѣло Пфафъ передаетъ... Тереза невѣста Пфафъ, — баронъ тутъ также шнырить — дѣло ставится на большую ногу: Гунгеръ компаніонъ въ Петербургѣ, говорятъ будто открываютъ конторы въ Кіевѣ и Казанѣ, на что все это, скажите пожалуйста? Помните мое слово, Моксень, тутъ дрянъ дѣло выдетъ, а Шуховъ этотъ — извѣстная птица.

Андрей Моксень.

Мошенникъ!.. да это все не наше дѣло — это все ничего, дурно то, что здѣсь обсуживаются всѣ эти *русскіе вопросы*, — споры вотъ эти, пренья.

Цендель.

И безъ того всѣмъ этимъ уши прожужжали.. Да Моксень... плохія времена! пойдете-ка объѣдать (*уходитъ*).

Андрей Моксень.

Ступайте я приду! Дуракъ, лиса хромая патрикѣвна.. думаетъ, что лисымъ своимъ виляньемъ, ласками, да красными словцами онъ что нибудь сдѣлаетъ съ здѣшнимъ то народомъ. Нѣмцы, нѣмцы — вишь виновны да безъ нѣмцевъ вамъ ни дохнуть ни ѣсть, ни пить, не только торговать.

ДѢЙСТВІЕ П.

Контора: на переднемъ планѣ справа большой письменный столъ со всѣмъ приборомъ и множествомъ бумагъ, на правой и лѣвой сторонѣ по двѣ конторки съ принадлежностями работы и касса, вдѣланная въ стѣну; справа недалеко отъ письменнаго стола — отворенная дверь въ другую комнату; въ глубинѣ надъ дверью часы. Слѣва дверь во внутреннія комнаты, справа въ кабинетъ при конторѣ, въ серединѣ входная.

Явленіе I.

Сафронъ (убирая контору).

Эхъ-ма, не прежнее бывое, что было да прошло, да былью поросло!.. Дрянъ жизнь пришла—обидно даже.. Не хорошо!... Вспомнишь старика двадцать разъ и не одна вспомнишь: золотой человѣкъ былъ, купецъ настоящій — честной, разсудительный, хотя и нѣмецъ, а уваженія человѣкъ достойный и хозяинъ рѣдкостный: понималъ нужду русскую — не нашимъ богачамъ чета.. А этотъ что? что молодъ да красивъ, да изъ чужихъ-то земель пріѣхалъ — такъ думаетъ, вотъ золотой дождь тебѣ въ карманы и посынится.. Эка птица.. видали мы такихъ! Теперь не прежнее время: и не такіе корабли о нашъ-то берегъ разбиваются; да и мы ужъ на что мужики а понимаемъ васъ... А, все деньги, да жадность... нажать больно скоро въ нашей землѣ хочется. Изъ комара слона хотять сдѣлать, а капиталу-то видно разъ, два, да и обчелся!... Сдѣлаешь, наживешь, того и гляди; нѣтъ, братъ, наша земля не такова — мы тоже поразсмотримъ да поразсудимъ... молчимъ, молчимъ, да сразу и прихлопнемъ — только мокро будетъ!... Вотъ что!.. А другая рѣчь и хорошее вѣдь прихлопывали... пожалуй дурное-то и пройдетъ... Сплошь и рядомъ! То-то вотъ кого винить-то? (*Входитъ Бобровъ*) А, вотъ и Сергѣй Петровичъ,

вотъ золотой-то человекъ, смиренъ только немножко, плохо у насъ такимъ-то... Здравствуйте, батюшка, Сергѣй Петровичъ!..

Явленіе II.

Бобровъ.

Здравстуй Сафронъ.

Сафронъ.

Вы у насъ, сударь, ранняя птичка! — всегда въ первыхъ.

Бобровъ.

Чтожъ за ранняя — время ужъ. (*Садится за конторку*).

Сафронъ.

Сергѣй Петровичъ...

Бобровъ.

Что, Сафронъ?

Сафронъ (*переминялся*).

Эхъ, сударь, Сергѣй Петровичъ, хочу я вамъ доложить — куда все у насъ какъ-то ужъ больно шибко пошло, что-то добра-то изъ этого мало видно..

Бобровъ.

Да что такое, Сафронъ, я тебя не понимаю?

Сафронъ.

Понимаете, сударь, да говорить-то вамъ объ этомъ съ нашимъ братомъ не приходится... Что-то больно мы ужъ за все разомъ — беремся; заказъ за заказомъ, выиска за выиской во все стороны и туда и сюда... шибко больно.. Что-то право ужъ больно шибко! сами-то и все съ воробья ростомъ, а полетъ-то орлиный... (*Оглядываясь*) Да и

на что, сударь, ходъ-то такой заведенъ, капиталъ-то намъ извѣстенъ.

Бобровъ.

Все это, Сафронъ, не наше дѣло.

Сафронъ.

Такъ - то такъ, сударь, а я бы на вашемъ мѣстѣ, помня старые года, шепнулъ-бы Христьяну Христьяновичу... Помните вы мое слово — дѣло у насъ жаркое будетъ... Не мало здѣсь ихняго брата и перевѣшалось и перерѣзалось отъ эдакихъ затѣй...

Бородинъ.

Ну, полно, ... ты ужь и растолковался... ступай-ка себѣ, ступай...

Сафронъ.

Я, сударь, пойду, только вспомните вы мое слово, Сергѣй Петровичъ, чтобъ послѣ не жалѣть.. Я вѣдь не даромъ лѣтъ 20-ть, сударь, въ торговомъ-то дѣлѣ трусь.... Тутъ не спроста...

Безродный.

Послушай, Сафронъ, ты разговоришься, тебя и не уймешь..

Сафронъ.

Эхъ, сударь, добрый вы человекъ, чудны только, Богъ съ вами больно, не поймемъ мы васъ. (*уходитъ*).

Явленіе III.

Бобровъ (одинъ).

Онъ правду говоритъ: есть что-то здѣсь такое, душно, тихо стало, будто предъ грозой. Чудень я! нѣтъ скорѣе чудно то, что кругомъ сложилось... Здѣсь такія есть дѣла,

которыя за басни примешь, а они всѣмъ извѣстны — ихъ знаютъ и молчатъ, и этими-то дѣлами многіе добились уваженія въ обществѣ, почета... (*Садясь къ письменному столу и раскрывая книгу*). Ну, вотъ хоть-бы Брызжевъ — три раза былъ банкротомъ и этимъ нажилъ капиталъ: созоветъ бывало кредиторовъ — валяется въ ногахъ, заплатитъ по двадцати пяти, а черезъ годъ снова начнетъ торговлю, а черезъ два опять банкротъ.. а теперь *денежный человекъ*, почилъ на лаврахъ, въ уваженіи... И развѣ онъ одинъ богачъ этой дорогой!... (*перелистывая*). Вотъ еще извѣстный человекъ — жида въ Варшавѣ задушилъ, и нажилъ капиталъ... въ гостинницѣ былъ корридорнымъ, теперь миллионеръ!... А, вотъ нашъ лучший фабрикантъ, Коммерціи Совѣтникъ, членъ разныхъ обществъ — въ Зарядьѣ разъ нашли трупъ старухи, а въ его сундукахъ ея билеты, деньги, и это дѣло съ рукъ сошло: старуху вскрыли, схоронили.. а онъ завелъ бумагопрядильню, въ прокъ пошло!.. Вотъ другаго рода фабрикантъ, Бездольный Петръ Михайловичъ, билеты самъ печаталъ и за границей заказывалъ, по Сибири, по Украинѣ ихъ сбывалъ, за то потомство не пустилъ по міру, цѣлый кварталъ застроилъ... А вотъ еще Петръ Ивановичъ Медвѣдѣвъ — этотъ другое дѣло сдѣлалъ, отца начальству въ руки выдалъ, а самъ кой что спряталъ на черный день... теперь почетъ тебѣ и слава, кредитъ большой тебѣ открытъ! Легенды все легенды, и сколько ходитъ ихъ про наше обогащеніе — цѣлый томъ!

Явленіе IV.

Шуховъ.

Что опять въ своей тарелкѣ съ книгой и думой на челѣ?... Вотъ чудакъ-то. О-о-хо-хо! —

Бобровъ.

Такъ, старье перебираю... У меня вѣдь теперь ликвидація — архивъ.

Шуховъ.

Что его перебирать то — живая лѣтопись былого. Надъ кѣмъ это ты открылъ? а, Семень Васильевичъ Короткій. Да крѣпкая была то голова — такихъ головъ нынче немного: изъ мальчиковъ протерся въ люди... по смерти до 12 милліоновъ насчитали, и чисто пальца не подпустишь — умно вель дѣло. Въ Тифлисѣ, въ Кяхтѣ торговаль, и часто, бывало, говариваль покойникъ — дайте мнѣ 10,000 солдатъ да 1,000 казаковъ и Индія у насъ. Вотъ вѣдь куда хватилъ, и умеръ съ этимъ убѣжденьемъ... Рехнулся говорили.. Хорошая, крѣпкая была то голова, плуть немножко, но это не бѣда; вѣдь умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ.

Бобровъ.

Скажи пожалуста Шуховъ, почему тогда легко такъ поживалось, а теперь...

Шуховъ.

Проживается легко? Чудакъ, теперь не то ужъ совсѣмъ время, ты забываешь, что все это распрекрасное было сейчасъ послѣ француза, да въ нашъ предразсвѣтнѣй періодъ. Вотъ было время золотое, какъ стала вновь отстраиваться Москва, раздолье! за гривну брали рубль носили русское, родное, деньги просто лопатами гребли; темненько еще было, легко пустить въ ходъ всякія пружины: задумаль вдругъ машину — не паровую, а русскаго устройства, пошла — дала нажится, и шито все и крыто, свалилъ все на бѣдствіе родное — нашель моль съ золотомъ кадушку... Да, матушка Москва, пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью. Да и недавно чудо было — откупъ, монополю, купи что хочешь, чиновный людъ-голодный, взятка была магическая слово — чего хочешь, то просишь!

Бобровъ.

Но, теперь уже серьезно во многомъ лучше.

Шуховъ.

Нѣтъ, куда-не то. Потемки стали исчезать, во многихъ мѣстахъ ужъ ярко освѣтили.. Сначала то горѣли фонари на постномъ маслѣ, было сподручно въ темнотѣ, а теперь подика—газъ!.. Москва и та ужъ освѣщается, Дума два года надъ этимъ голову ломала. Надо спѣшить дружокъ мой милый, безъ отдыха спѣшить: еще кое-гдѣ по угламъ можно, и то уже довольно пообрѣзано, подчищено, пальца не допустишь. Общественное правленіе введено — шутка! Того и гляди какой нибудь портной изъ Замоскворѣчья вдругъ все скажетъ.

Бобровъ.

Что жъ ты этому не радъ?

Шуховъ.

Не радъ! Да какже радоваться, помилосердуй!.. Ты посмотри на всѣхъ порядочныхъ людей — Петръ Михайловичъ плачетъ, Ѳедоръ Ивановичъ плачетъ, Василій Понкратьевичъ, просто воесть на всю лавку, Петръ Васильевичъ какъ угорѣлый мечется, не знаетъ что и дѣлать. Вѣдь ремесло отъ нихъ отымается, художество, привилегія! Ну, посуди ты самъ, люди привыкли наживать по тридцати, по сорока, рубль на рубль, и вдругъ все это спуталось, затянулась—такая ломка идетъ что на поди: просто что не затѣвай—все публично разъяснять, скарикатурять, портреты нарисуютъ, въ «Развлеченіи» отпечатаютъ! Не знаешь за что приняться, какъ взятея. Чтожъ въ самомъ дѣлѣ, вѣдь всякій человѣкъ, всякая живая душа тоже калачика хочетъ.

Бобровъ.

Послушай, Шуховъ, тебя право трудно понять: шутишь ты или серьезно говоришь?

Шуховъ.

Ай, да полно, до шутокъ ли теперь, нашель время! Ха, ха, ха! Ну, вотъ и разсердился?.. Охъ, ты птенчикъ — воркунтъ!

Всякій не глупый человекъ — философъ, жизнь безъ цѣли куда, братецъ ты мой, негодная штука! Вспомни ты мое слово, что она тебя, съ твоимъ-то направлениемъ втащитъ въ такую грязь, что ты и себя не узнаешь, а посмотрика вотъ на меня, какъ мы вышлывемъ! До свиданія пока — если кто спросить, я буду у себя.

Бобровъ.

Вотъ нынче какая философія въ ходу — все націи смѣшались! (*Уводъ Вильгельма*). А вотъ еще всесвѣтный гражданинъ!

Явленіе V.

Бобровъ и Вильгельмъ.

Вильгельмъ.

Здравствуй, Сережа. Я братъ, Сережа пришелъ потолковать съ тобой о чѣмъ мы начали вчера. Такъ ты говоришь, что она ничего не замѣчаетъ?

Бобровъ.

Кажется что нѣтъ.. Тихе только, здѣсь Шуховъ. Ну а ты, ты также ничего не замѣчаешь?...

Вильгельмъ.

Я?.. нѣтъ!... то есть въ отношеніи кого?

Бобровъ.

Ну, хотя бы въ отношеніи барона?

Вильгельмъ.

Онъ такъ, знаешь, немножко ластится...

Бобровъ.

Ну, и не немножко!... хоть бы вчера напримѣръ.

Вильгельмъ.

Ну, это соперникъ не опасный — она его вѣдь не полюбитъ.

Бобровъ.

А, почему знать!... Да, хоть и не полюбитъ, но можетъ выйти замужъ: твой дядя ему сильная рука.

Вильгельмъ.

Но я скажу, дядѣ, что я люблю ее.

Бобровъ.

А, знаешь что онъ скажетъ?

Вильгельмъ.

Что?

Бобровъ.

Что рано да и скоро... Послушай, Вильгельмъ, ты меня просишь передать ей... намекнуть. Положимъ, это мнѣ не трудно: я почти выросъ въ этомъ домѣ и съ нею, какъ съ сестрой, но если это только шалость съ твоей стороны, желаніе поволочится, вскружить голову молоденькой дѣвочкѣ, такъ пожалуста не вмѣшивай меня; или, если это расчетъ, желаніе составить женидбой чрезъ годъ, два, свою карьеру, какъ... твой дядя составляетъ, такъ тоже, пожалуста уволь.

Вильгельмъ.

Но, увѣряю тебя, что нѣтъ и нѣтъ!... клянусь тебѣ, что я ее люблю... Послушай, я тебѣ во всемъ откроюсь, ты знаешь я родился въ Германіи, выросъ и воспитанъ тамъ же, но насъ въ семействѣ много... всѣмъ намъ нечего было дѣлать дома, около отца, мы должны были искать счастья, гдѣ-нибудь въ другихъ земляхъ... Отецъ отправилъ

меня въ Лондонъ, но Лондонъ — это смуть, тамъ безразсудно искать счастія. Тамъ на каждое мѣсто нѣсколько кандидатовъ.

Бобровъ.

Какъ и вездѣ.

Вильгельмъ

Но, не въ такой же мѣрѣ. Увѣряю тебя, что не въ такой; послѣ года я бѣжалъ изъ Лондона, отправился въ Гамбургъ... Скажу тебѣ откровенно, Бобровъ, нѣмцамъ тѣсно въ Германіи — намъ тамъ нечего дѣлать... вотъ почему вездѣ насъ цѣлыя толпы и въ Америкѣ, и въ Англии, во Франціи, въ Россіи... Наконецъ отецъ отправилъ меня въ С. Петербургъ.

Бобровъ.

И онъ тебѣ понравился?

Вильгельмъ.

Если хочешь да, если хочешь и нѣтъ. Въ Петербургѣ я нашелъ всего по немногу, и очень мало своего, оригинальнаго. Это и Лондонъ и Парижъ немножко, а больше всего нашего — смѣсь какая-то... Но, жизнь мнѣ понравилась... это русская ширина, богатство, роскошь, золото!... я былъ еще очень молодъ, со всею полнотою свѣжихъ силъ, я отдался всей этой жизни и...

Бобровъ.

И вскорѣ разочаровался?

Вильгельмъ.

Да... мнѣ захотѣлось другой жизни: мнѣ захотѣлось не проживать... а наживать...

Бобровъ.

Такъ!

Вильгельмъ.

Но, я хочу работать, Бобровъ, хочу работать сильно, настойчиво, хочу работать день и ночь. О, здѣсь можно работать, здѣсь много дѣла.

Бобровъ.

Да, говорятъ...

Вильгельмъ.

И чтожъ!... вдругъ я въ Петербургъ слышу, что дальній мой родственникъ, однофамилецъ, бѣднякъ, сынъ пастора, играетъ здѣсь важную роль... женится и прочее... Я припоминаю и пишу отцу, мнѣ отвѣчаютъ, что это онъ... Оттонъ-Юліусъ-Пфафъ, я спѣшу, и вотъ ужъ нѣсколько времени какъ я здѣсь. И, какова судьба! влюбляюсь въ мою belle soeur.

Бобровъ.

Да, это точно судьба!

Вильгельмъ.

О, еслибъ она отвѣтила мнѣ тѣмъ же, Бобровъ, я былъ бы счастливъ — тогда полно бы таскаться по свѣту, тогда, Бобровъ, свое бы дѣло — тебя бы въ часть принялъ, вмѣстѣ стали бы работать!

Бобровъ.

Благодарю.

Вильгельмъ.

Ну, а ты... какіе у тебя планы, что думаешь, чего ты ждешь?

Бобровъ.

Я? ничего особеннаго, что даетъ мнѣ жизнь, то и возьму. Намъ русскимъ у себя трудно составить планъ:

честный планъ здѣсь рѣдко удается; я бился ужъ, немного, ужъ усталъ.

Вильгельмъ.

Знаешь что? меня въ васъ русскихъ удивляетъ какая-то апатія, лѣнь... равнодушіе въ жизни! Вы мало бьетесь съ нею: не удалось вамъ разъ, глядишь вы и крылья опустили; не удастся вамъ въ одномъ мѣстѣ, вы рѣдко ѣдите въ другое... Повѣрь мнѣ, братъ, надо прежде попутешествовать по свѣту, а ужъ потомъ остаться тамъ, гдѣ болѣе понравится. Отчего, скажи, пожалуста, вы не похожи на насъ?

Бобровъ.

Отъ многого, братъ, отъ многого! Однако вотъ Софи, она сюда зайдетъ, и если хочешь...

Вильгельмъ.

Я ухожу. Пожалуста, Бобровъ. (*Уходитъ*).

Явленіе V.

Бобровъ (*одинъ*).

Отличная философія, какъ не позавидовать! легко живется вездѣ какъ дома, а мы и у себя-то какъ въ гостяхъ. Откуда эта апатія, ничего съ собой не сдѣлаешь, сиди вотъ сиднемъ у конторки, работай на другихъ. Эхъ, право, стыдно, грустно, горько и за себя и за своихъ!

Явленіе VI.

Софи (*входитъ осторожно*).

Вы здѣсь одни, Сергѣй Петровичъ.

Бобровъ.

Здравствуйте Софи, Теперь одинъ

Софи.

Какъ и по большой части?

Бобровъ.

Да, какъ и по большой части.

Софи.

Я на васъ сердита, Бобровъ.

Бобровъ.

За что, Софи?

Софи.

За многое: вчера, напимѣрь, цѣлый день вы не сказали со мной ни одного слова, притомъ вчера опять такъ горячо говорили противъ Пфафъ. Что это у васъ за охота, вы вѣчно всѣхъ вооружаете противъ себя?

Бобровъ.

Что дѣлать, видно ужъ у меня такой характеръ... Я, право, не могъ молчать Софи... Да и стыдно молчать тогда, когда при тебѣ бранять и чернить то, что привыкнешь съ дѣтства уважать.

Софи.

Станный вы человекъ, зачѣмъ вы какъ будто-нарочно устраиваете такъ, чтобы всегда вамъ было хуже. Ни въ чемъ не хотите хотя немножко похитрить?

Бобровъ.

Не могу, Софи, иногда и хочу, а не могу! Что дѣлать, видно я такъ воспитанъ... глупо, не практично; не могу иначе. Знаешь, ... ахъ извините...

Софи.

Знаешь! Продолжай, продолжайте такъ, Бобровъ.

Бобровъ.

Нѣтъ, ради Бога, извините, я не долженъ такъ говорить съ вами.

Софи.

Вотъ глупости! Полноте.

Бобровъ.

Нѣтъ, Софи, вы этого не понимаете, между нами слишкомъ большое разстояніе! Зачѣмъ-же намъ сближаться?!

Софи.

Оставьте это, я васъ прошу, не говорите мнѣ такъ... Пфафъ также прежде служилъ папа, а теперь (*въ смущеніи*). Знаете что, Сержъ, что мнѣ хотѣлось вамъ давно сказать.. давно.

Бобровъ.

Можетъ быть знаю, можетъ быть, — Софи, но ради Бога, прошу васъ не говори, не говорите... Къ чему всѣ эти мечты, зачѣмъ ихъ разбивать... рано или поздно... Изъ нашего сближенія ничего не можетъ выйти. — Вы еще не знаете условій вашего общества: Пфафъ нѣмецъ, а я — русскій. Пожалуйста забудьте обо мнѣ Софи, я буду всегда помнить... любить васъ, какъ сестру.

Софи.

Какъ сестру?

Бобровъ.

Да, Софи! И какъ лучший другъ, я могу вамъ дать совѣтъ: берегитесь барона и обратите вниманіе на Вильгельма — онъ имѣетъ на васъ виды и кажется васъ любить.

Софи.

Такъ значить ты меня не любишь?

(замѣта Пфафъ быстро уходитъ).

Явленіе VII.

Тѣ же, Пфафъ, Половниковъ, Юнге, который молча садится за конторку и нѣсколько спустя Шуховъ.

Пфафъ *(съ сигарой, у двери).*

Милости просимъ, Назаръ Степановичъ, милости просимъ.

Половниковъ.

Хозяину впередъ.

Пфафъ.

Нѣтъ, первое мѣсто гостю.

Половниковъ.

По русскому обычью такъ. Войдемъ, сударь, войдемъ. Здравствуйте господа! Любезнѣйшій, Семень Васильевичъ, живъ-ли, здоровъ-ли?

Шуховъ *(жмя ему руку).*

Пока Богъ грѣхамъ терпитъ, Назаръ Степановичъ!

Половниковъ.

А терпитъ — такъ и хорошо. *(пожал).* Какія, братъ, у тебя славныя сигары, нельзя-ли мнѣ попробовать, да если въ

самомъ дѣлѣ хороши, такъ бы ящичекъ по своей кѣшѣ.
Иногда побаловаться.

Пѣафъ.

Извольте, Назаръ Степановичъ, вамъ и подарить можно...

Шуховъ (подавая ситару).

Настоящая регалія, Назаръ Степановичъ.

Половниковъ (садясь на поданный ему стулъ).

Регалія, ишь ты какая (закуривая), хороша! а подарить, такъ и еще лучше будетъ, а подарить тебѣ мнѣ не грѣшно, вотъ тесь-то твой, Христьянъ Христьяновичъ, мнѣ часто даривалъ, мы вѣдь съ нимъ пріатели... Ужъ не занимается дѣлами-то Христьянъ Христьяновичъ?

Пѣафъ.

Нѣтъ ужъ мало... не занимается.

Шуховъ.

Устарѣль-съ, Назаръ Степановичъ!..

Половниковъ.

Кто устарѣль — Назаръ Степановичъ что-ли? нѣтъ, братъ, еще ничего. Другъ!.. (Шуховъ значительно жметъ ему руку). Да правда что-ль, какъ тебя, Андрей Андреичъ или Иванъ Иванычъ, слышалъ я Христьянъ-то Христьяновичъ разнымъ будто художествомъ промышляетъ?

Пѣафъ.

Да, это его давнишняя охота.

Половниковъ.

Да, ишь ты нѣмецъ, поди-ты, на все гораздъ, а я, братъ, сказать тебѣ по правдѣ, въ этомъ художествѣ ничего, то есть путнаго не вижу. Барышей вѣдь отъ него нѣтъ?

ШУХОВЪ.

Что въ немъ, Назаръ Степановичъ, въ художествѣ: такъ-съ, только времяпровожденіе...

ПОЛОВНИКОВЪ.

Именно время... препровожденіе, какое слово-то длинное ха.. ха.. ха.. Да! (къ *Пфафу*). Ну, такъ ты думаешь, что хлопокъ-то, того у насъ, вздорюжаетъ?

ПФАФЪ.

О, да.. непременно! Вѣдь по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя я вамъ представилъ, можетъ быть эти сношенія и совсѣмъ на время... какъ это по русски?

ШУХОВЪ.

Прекратятся... Назаръ Степановичъ, того гляди что прекратятся, вы ничего про папу не читали?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Про папу?... нѣтъ ничего... я вѣдь мало, братъ, читаю. Что, вздоръ!... Такъ прекратятся говоришь на время, ишь ты, вѣдь это дѣло просто значить плюнь; чтожъ мы тогда съ своими бумагопрядильными-то станемъ дѣлать... дѣло-то это выйдетъ пожалуй просто дрянъ.

ПФАФЪ.

Да, что касается этого, то мы ужъ въ рукахъ у Американцевъ, да у Англичанъ: хлопка не дадутъ — и прясть нечего.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Вотъ не дадутъ — дадутъ! Они деньги тоже не меньше нашего любятъ.

Шуховъ.

За лёнъ примемся, Назаръ Степановичъ, за свой, отечественный....

Половниковъ.

Вотъ лёнъ — на то бабы есть. — Пристало-ль, братецъ, фабриканту такимъ малодушествомъ заниматься... Лёнъ!. Ишь ты, что сморозилъ! Есть для него двѣ три фабришки, ну и пусть ихъ.

Бобровъ.

Нѣтъ, лёнъ важный для насъ матеріаль, Назаръ Степановичъ, свой отечественный, пора-бы и за свое..

Половниковъ.

Ну, ты философъ, съ тобой не сговоришь. Пой, братецъ, пой... это еще когда-то будетъ, а намъ и хлопокъ на руку — хорошіе барышни даетъ; къ тому поди еще приноравливайся, а это дѣло заведеное.

Щафъ *(съ улыбкой)*.

Дѣло не подходящее, Назаръ Степановичъ.

Половниковъ.

Не подходящее, братецъ ты мой, это тебѣ лучше меня понятно. Ишь вѣдь нѣмецъ сейчасъ смекнулъ; право какой, посмотришь, досужій вы народъ, какъ разъ все дѣло прозрите, хоть къ чорту приноравитесь. Явидалъ, вы и кресты, когда нужно, по нашему кладете. Вотъ вашъ Левонтій-то Богдановичъ, какъ они съ Мичуринымъ дѣла-то начинали; тотъ вѣдь простой — Мичуринъ-то — нѣмецъ-то о дѣлѣ пріѣдетъ толковать, гляди онъ его, нѣмца-то, и потянетъ въ полпивную, право такъ, что же? Мичуринъ-то налетѣтъ

пива.. возьметъ стаканъ двумя перстами, перекрестится и тотъ тоже возьметъ и перекрестится, ей Богу право, самъ видалъ... Ну, что-жь и свель Мичуринъ вѣдь съ нимъ дружбу. а тамъ того и гляди онъ его пожалуй и помажетъ.. Вѣдь вы тоже доки ха ха ха!.. Нѣтъ я шучу, ты не сердись. Ты мнѣ выниши.

Пфафъ.

Очень-хорошо-сь, Назаръ Степановичъ, по тѣмъ цѣнамъ какія будутъ?

Половниковъ.

То есть, какъ это какія будутъ, я что-то мало понимаю?

Шуховъ.

По цѣнамъ, какія будутъ по приходъ товара.

Половниковъ.

Ну да, извѣстное дѣло... тогда и потолкуемъ. Ты значить самъ ѣдешь?

Пфафъ.

Какъ-же, самъ, самь...

Половниковъ.

И, скоро братецъ ты мой?

Пфафъ.

Скоро! вотъ какъ управлюсь... не дальше мѣсяца.

Половниковъ.

Да, такъ самъ! Въ Англии значить будешь и въ Итали и далѣе.. Право, меня, братъ, все любопытство беретъ...

смотрѣль-бы, братецъ ты мой, что это такая за заграница есть, нынче много ѣдутъ; да другое дѣло подумаешь, чего я тамъ не видалъ и что я тамъ буду дѣлать? По вашему вѣдь я не белмеса не смыслю. Не ротъ-же розиня тамъ ходить. Вѣдь ужъ лучше нашего-то не будетъ... а?

Пфафъ.

Какъ сказать....

Половниковъ.

Нѣтъ ужъ куда, шалишь братъ! наша вишь какая, гуляй куда хошь, а тамъ, слыхаль я и разгуляться негдѣ... да и отъ суповъ вашихъ бока подведетъ. Вотъ Парижъ вишь ты штука отмѣнная говорятъ. Барыни вишь тамъ ужъ больно хороши; ну, такъ жена не пуститъ, вѣдь у насъ на этотъ счетъ строго! другой разъ охота разбереть вотъ хоть-бы къ цыганамъ махнуть, такъ и то подумаешь.

Шуховъ.

Ну, да вы, Назаръ Степановичъ, чай объ этомъ не задумаетесь!

Половниковъ.

А что, слыхаль развѣ? Нѣтъ, братъ, ужъ теперь не то.. Въ старые года, грѣха неча таить, бываль и я ходокъ.. любиль... да вѣдь стервы больно тово... разожгутъ, пребѣдовый то есть народъ. Посидишь, посидишь, сотни двѣ три и не досчитаешься. Но чтобъ на счетъ чего нибудь худаго; нѣтъ братъ, ни, ни — у насъ, братъ, строго. Ну, да прощай... какъ тебя Андрей Андреичъ чтоль?.. вы вѣдь всѣ Иваны Ивановичи да Андрей Андреичи, ха, ха, ха. Прощай меня еще въ Троицкомъ свать ждетъ, нынче у него жена родила, такъ обѣдомъ назвался угостить — все барышъ; на чужой счетъ значить день проживу... ха, ха, ха, оно намъ и на руку, прощай.

Шуховъ.

Хе-хе-хе... Назаръ Степановичъ... шутникъ, ей Богу!...

Половниковъ.

Хе... хе.. хе... какъ это онъ, у тебя все въ тонъ пускаетъ— другъ! Золото парень-то — хоть кого обдѣляетъ. Завтра забѣги въ амбаръ, я тебѣ выписку приготовлю какъ векселя то написать.. Прощай, пріятель, покушать захотѣлось... А морозъ-отъ нынче.. ого, крутой, русскій, братецъ ты мой морозъ, его не перехитришь... всякаго нѣмца пришибетъ, ха, ха, ха. Ну, да прощай..

Явленіе VIII.

(въ дверяхъ встрѣчается съ Усовымъ).

Половниковъ.

А, Матвѣй Васильевичъ! какъ сударь поживаете, здоровы-ль сударь?

Усовъ (съ сыномъ).

Здравствуйте Назаръ Степановичъ, благодарю покорно-сь! (кланяется). Понемножечку-сь, помаленичку-сь.

Шуховъ (*Исифу*).

Смотрите, этотъ похитрѣй.

Пфафъ.

Да, да!.. Я знаю.

Половниковъ.

Что вы по миткалевой развѣ тоже торгуете-сь?

Усовъ.

Нѣтъ-съ... Я на счетъ машинъ-съ.

Половниковъ.

Значитъ паровикъ выписывать, другой?

Усовъ.

Да-съ... другой-съ...

Половниковъ.

Ну, дай Богъ! дѣло хорошее-съ. Вамъ Богъ невидимо посылаетъ. Мы съ тестемъ-то его съ Христьяномъ Христьянычемъ дѣлали дѣла, человѣкъ хороший. Прощенья просимъ, я къ Дехтярникову — жена родила, такъ обѣдомъ угощаетъ. Будете — заверните, мы въ Новотроицкомъ.

Усовъ.

Ахъ-съ, Анна Павловна! ну слава Богу-съ, ну, дай Богъ.. Честь имѣю поздравить ее... честь имѣю... нынче-то ужъ не знаю-съ... поздравьте отъ меня Ивана Ѳедоровича-съ! (много кланяется, почти что при каждомъ словѣ).

Половниковъ.

Ну, прощайте Степанъ Васильевичъ.. Прощай какъ тебя, Андрей Андреичъ.. сигарь-то братъ не забудь, сигары важныя, а есть получше и получше пришли, не обижусь. Прощайте господа... Семень Васильевичъ... другъ! Заходи, выпьемъ. (*уходитъ*).

Явленіе VIII.

Тѣ же безъ Половникова.

Пфафъ.

Милости просимъ. Садитесь пожалуйста. (*къ молодому*) Садитесь молодой человѣкъ. Угодно сигарочку, Степанъ Васильевичъ?

Усовъ.

Нѣтъ-съ я не курю, съ измалилѣтства привычки не сдѣлалъ.

Пфафъ (къ молодому).

Вамъ-съ?

Мол. Усовъ.

Нѣтъ-съ, благодарю-съ. Мнѣ еще не позволяютъ.

Шуховъ.

Такъ пряжа дороже Степанъ Васильевичъ.

Усовъ.

Дороже, сударь, дороже...

Пфафъ.

Вѣроятно не на долго?

Усовъ.

Богъ знаетъ, Богу извѣстно-съ...

Шуховъ.

У васъ запасецъ есть пока Степанъ Васильевичъ?

Усовъ.

Немножко-съ.

Пфафъ (къ сыну Усова).

Ну, молодой человѣкъ, такъ за границу?..

УСОВЪ.

Робѣть все-сь, ужъ право и не знаю-сь..

ШУХОВЪ.

Такой молодець, да робѣть.

ПѢАФЪ.

Э, ничего... ничего нѣтъ страшнаго..

УСОВЪ.

Не ѣздить никуда-сь, боязно-сь знаете.

ПѢАФЪ.

Э, помилуйте... ничего...

ШУХОВЪ.

Смотрите-ка какъ покатыть—любо-дорого!

УСОВЪ *(откашливаясь и ухмыляясь)*.

Такъ-то — такъ-сь. Такъ мы приступимъ-сь Андрей Андрейчъ-сь.

ПѢАФЪ *(показываетъ на дверь на лѣво)*.

Не угодно-ли сюда?

УСОВЪ.

Все равно-сь! пожалуй и туда-сь; извольте проходить-сь, да вы ужъ только по-русски, по вашему то я не понимаю-сь, не ученъ.

Явление IX.

Тѣ же и Соровъ.

Соровъ

(въ дверяхъ, за нимъ два извозчика).

Ступай, ступайте — бороды, вотъ я васъ разгуляю... а, гуть моргенъ, любезнѣйшій Семень Васильевичъ, гуть моргенъ Федоръ Мартыновичъ, здравствуйте благодѣтель, любезнѣйшій Сергѣй Петровичъ. *(Указывая на извозчиковъ къ Шухову.)* Вотъ-съ вамъ карасей какихъ привель... Что, мочи нѣтъ, Семень Васильевичъ, разбери пожалуйста, батюшка, товаръ вѣдь вашъ, вотъ третій день прости Господи ни крестомъ, ни пестомъ отъ нихъ не отдѣлаюсь...

1-й Извозчикъ.

Да какъ-же, отецъ родной...

Соровъ.

Молчи борода, сиволапъ, медвѣдь архангельскій, рыло твое неумытое. Отецъ родной, много ихъ тутъ про васъ.

2-й Извозчикъ.

Что ты вотъ станешь дѣлать — лается да и только; разбери хоть ты дѣло, братъ любезный!

Шуховъ.

Ну, ну, что такое, другъ милѣйшій, что ты мнѣ за исторію расскажешь?

Соровъ.

Погоди, молчи! Гдѣ же ему, Семень Васильевичъ, позвольте я расскажу; вотъ видите-ль, государь милостивый... въ

Астраханѣ вотъ, какъ его, агентъ онъ чтоль какой вашъ подрядилъ вотъ этихъ зипуновъ — прости Господи мнѣ многогрѣшному — вести рись по 1 р. 40 копѣекъ. Такъ-ли? вѣдь дѣло торговое, говори на чистую — по сорока?

1-й Извозщикъ.

Нѣтъ не по сорока, а по полтинѣ; по сорока ошибкой написано и оговоркой оговорено въ грамотѣ, — ты погляди-ка.

Соровъ.

Врешь ты, никакой нѣтъ оговорки. (*Къ Шухову*) Никакой вѣдь оговорки нѣтъ, брешить онъ. Ну, вотъ видите, Семень Васильевичъ, подряжено однихъ по сорока, а дядю, какъ его (*читая*) Финогена тамъ чтоль?...

2-й Извозщикъ.

Хвиногенъ, кормилецъ, Хвиногенъ.

Соровъ.

Его съ полтиной.

2-й Извозщикъ.

Съ полтиной, истинно...

Соровъ.

Ну, вотъ васъ, дурачье, контора, слышь ты, контора и рассчитываетъ одного по 40-коп., другого по полтинѣ.

1-й Извозщикъ.

Да, вѣдь тамъ-же въ грамотѣ прописано, милостивецъ ты мой, въ накладной-то прописано.... что и насъ съ товарищемъ рассчитать тоже по полтинѣ. Такъ что-же ты Бота чтоль Христа небѣснаго не боишься?...

Соровъ.

Написано, написано, да кто написалъ-то, вѣдь дѣло торговое, кто написалъ?

1-й Извощикъ.

Кто написалъ, не мы-жъ написали, въ Астраханѣ прописано, вѣдь намъ такъ и сказано...

Соровъ.

А, чѣмъ ты мнѣ это докажешь, жукъ ты навозный, чѣмъ докажешь что въ Астраханѣ прописано.

Шуховъ.

Ну-ка-сь, послушаемъ разумной рѣчи! Что за народъ, и на людей-то не похожи! Ну-ка-сь, ну-ка, братъ, любезный.

1-й Извощикъ.

Да, вѣдь Давыдъ Давыдычъ-же сказалъ, что робята ошибся молъ я, такъ говорить марать, то есть не стану, а въ грамотѣ въ Москву отпишу — мы въ той надеждѣ....

Соровъ.

Ну, а ты спроси написано-ли въ грамотѣ-то, написано-ли въ письмѣ-то? *(Все молчатъ, Бобровъ дѣлаетъ движеніе и смотритъ на извощиковъ)*. Ну, видишь ты вѣдь дѣло торговое... все въ порядкѣ, у насъ на чистоту.

1-й Извощикъ *(къ Юнгѣ)*.

Чтожъ, ваше благородіе, вѣдь это разбой просто, не говоря другаго слова. Чтожъ помиосердуй!

Юнге *(ломаннымъ языкомъ)*.

Молчать!

1-й Извозчикъ.

— Чтожъ вѣдь эдакъ мы и къ форталъному пойдемъ, чтожъ въ самомъ дѣлѣ!

Юнге (вскакивая).

— Ахъ ты мужикъ, ахъ ты скотиня ступай къ кварталъному, вонъ каналья ты эдакая, пошелъ вонъ! (даетъ одному изъ извозчиковъ пинька).

Соровъ.

Вонъ, вонъ!... вотъ такъ его, Федоръ Мартынычъ, ха, ха, ха, вотъ эдакъ его, каналья ты эдакая, хайло разодралъ тоже, зипунъ навозный, скажите на милость, еще огрызается, къ форталъному! (къ Юнге). Да, пусть его, Федоръ Мартынычъ къ форталъному идетъ-съ, много онъ возьметъ отъ форталънаго-то, еще своихъ, сударь, прибавить... Вѣдь прибавить батюшка Семень Васильевичъ?...

Шуховъ.

Чтожъ, пусть поучится.

Соровъ.

Ну, чтожъ сталь-то ступай къ форталъному.... Что, аль осилили, хе, хе, хе, правды въ части захотѣлъ искать.

1-й Извозчикъ (къ товарищамъ).

Чтожъ, ребята, это просто разбой, не говоря дурнаго слова...

Юнге (вскакивая).

Разбой! Опять разбой! Ахъ ты каналья ты, бестыя ты эдакая варваръ... Пошелъ вонъ отсюда.

(толкаетъ его).

1-й Извощикъ.

Да, ты не дерись, другъ любезный, нынче не приказано...

Щуховъ.

Ха, ха, ха, вотъ оно проявленіе-то народности.

Юнге.

Вонъ... пошелъ, говорятъ тебѣ.

Бобровъ *(подходя къ Юнге)*.

Не трогайте его, Федоръ Мартыновичъ, онъ правъ, въ
въ письмѣ есть оговорка.

1-й Извощикъ *(живо)*.

Есть, батюшка, есть, вотъ-те Христось есть!

Юнге.

Это не ваши дѣло...

Бобровъ.

Положимъ, но такая мелочь...

Юнге.

Г-нъ Бобровъ.

Бобровъ.

Такая низость!... Я этого такъ не оставлю. *(беретъ письмо)*.
Во время шума входитъ Сафронъ.

1-й Извощикъ.

Заступись за насъ отецъ родимый, кормилецъ нашъ.

Юнге (*бросаясь къ извощику*).

Вонъ пошли подлецы, вонъ пошли.

Сафронъ (*выходя впередъ*).

Не трошъ!

Шуховъ.

Ха... ха... ха... вотъ и опять народность.

Юнге.

Это что такое?

Сафронъ.

Вотъ те и что... не трошъ!.. смѣешь ты православнаго, да своими погаными руками... За что ты его гнетешь? онъ по́томъ, да кровью заработалъ копѣйку, а ты ее крадешь, томишь, пойдите къ старику Сергѣй Петровичъ.

Юнге (*виль себя*).

Што это такое. Какъ ты смѣешь, какъ ты можешь, Herr Pfaff, Herr Pfaff!

Бобровъ.

Идите за мной ребята... я васъ разочту.

1-ый Извощ.

Спасибо тебѣ отецъ родной. Бѣда вотъ наша безъ грамоты-то, всякая тварь, что хочетъ, съ тобой то и дѣлаетъ!

Сафронъ.

Небось не обидятъ, не прежнія времена! (*Уходитъ*).

(*Въ дверяхъ показываются Пфафъ и Усовы*).

Явление IX.

Тѣ же, Пфафъ и Усовы.

Пфафъ.

Ну, такъ это дѣло, значитъ, кончено Матвѣй Васильичъ, вы представляете задаточные, я вамъ выдаю росписку... Заказъ завтра-же по телеграфу—въ Манчестеръ, съ открытiемъ навигаціи ваши машины въ Петербургъ.

Шуховъ.

Значитъ, сударь, Матвѣй Васильичъ съ окончанiемъ можно поздравить...

Усовъ.

Точно такъ-съ, очень бы тахъ хорошо Андрей Андреичъ, оченьбы хорошо... Мой директоръ и приметъ ихъ.

Пфафъ.

Отлично. У Васъ Крамеръ?

Усовъ.

Точно такъ... Ну, а какже на счетъ сынишки-то, Андрей Андреичъ?

Пфафъ.

Что жъ много думать, снаряжайте въ дорогу.

Усовъ.

Ужъ право, и не знаю какъ...

Мол. Усовъ.

Боязно на первый-то разъ.

УСОВЪ.

Да... именно боязно Андрей Андреичъ...

Щафъ.

И полноте, чего бояться? волковъ тамъ нѣтъ!

Шуховъ.

Какіе волки, тамъ все овечки.. и воротиться не захочет-ся, молодой человѣкъ!

УСОВЪ.

Такъ-то такъ, да право ужъ не знаю, вотъ я еще съ женой поговорю,.. что она скажетъ... вѣдь еще время не ушло-съ?

Щафъ.

Да, разумѣется успѣемъ...

УСОВЪ.

Ужъ право не знаю-съ какъ... Ну, да пока до свиданья, Андрей Андреичъ, я задаточекъ вамъ завезу... на первый разъ тыщенокъ до тридцати?

Шуховъ.

Вѣдь мѣсто вѣрное!

УСОВЪ.

Помилуйте-съ! Вѣдь мы съ Христьяномъ Христьяновичемъ, давно торгуемся, честиѣйшій человѣкъ... Такъ прощайте, сударь, а о немъ подумаемъ съ женой и насчетъ задатка переговоримъ-съ.

Мол. Усовъ.

Прощайте.

Пфафъ.

Прощайте молодой купецъ.

Шуховъ.

А, какія тамъ овечки!

Явленіе X.

(Тоже кромь Усовыхъ).

Пфафъ.

Sonderbarer Karl!.. вотъ баба, а говорятъ ведетъ большія дѣла.

Шуховъ.

Такихъ здѣсь много; не хитры на слова, а доки, поклонами прочищаетъ дорожку...

(Пфафъ садится за столъ. Шуховъ остается на своемъ мѣстѣ, Юнге подходитъ къ Пфафу).

Пфафъ (съ досадою).

Что-съ?..

Юнге.

Ich will Ihnen paar Worte sagen.

Пфафъ. (видимо занятый другимъ).

Да, но только послѣ... мнѣ теперь некогда.

Юнге.

Aber, nur paar Worte!

Пфафъ.

Ахъ, я вамъ сказаль, что послѣ.

Юнге (недовольно).

Вы будете на биржѣ?

Пфафъ.

Да... да... Шуховъ прошу васъ здѣсь остаться. (Юнге быстро идетъ къ конторкѣ, одѣвается, подозрительно и съ завистью смотритъ на Шухова, который его провожаетъ на смѣшливомъ взглядомъ)

Явленіе X.

Пфафъ и Шуховъ.

Пфафъ (у письменнаго стола горючо и быстро считая на-
бумагъ).

Ушелъ?

Шуховъ (осматриваясь).

Ушелъ!

Пфафъ (вставая).

Денегъ, Шуховъ, денегъ, денегъ!

Шуховъ.

Денегъ? деньги пустяки... достать честныхъ образомъ не трудно...

Пфафъ.

Но, у кого, гдѣ и какъ?—Мнѣ скоро надѣ...

Шуховъ. Шуховъ.

Объ этомъ надобно подумать, поразгадать, умомъ раскинуть. Трудная задача!

Пфафъ.

Да... не легка!. а вѣдь все таки возможно разрѣшить не квадратура круга?

Шуховъ.

Когда тутъ квадратура, мудренѣй! Дисконтировать....

Пфафъ.

Что дисконтировать, немного на лицо... мнѣ надо тысячь двѣсти, триста...

Шуховъ.

Такъ что жъ за важность, ну дисконтируемъ и двѣсти, ну и триста, у разныхъ можно.

Пфафъ.

Все это такъ... да что мы будемъ дисконтировать?...

Шуховъ.

Да документы же, извѣстно что дисконтируютъ.

Пфафъ.

Не понимаю...

Шуховъ.

Неужли?

Пфафъ.

Нѣтъ, право—же не понимаю.

Шуховъ.

Ну, полно, Пфафъ, ты словно малое дитя; дисконтируемъ чужіе, ну, понимаете чужіе?

Пфафъ.

Но, какъ чужіе? Значить поддѣльные?

Шуховъ.

Ну, да, насилу догадался; вѣдь тоже писанные будутъ и документы тоже.

Пфафъ.

Но.. любезный Шуховъ! это... это...

Шуховъ.

Что это — преступленье? А что такое преступленье?..— вольно-жъ было нашимъ дѣдамъ такъ глупо взглянуть на это дѣло.. Преступленье страшно для дураковъ, для умныхъ же людей...

Пфафъ.

Оно лишь средство къ цѣли?

Шуховъ (оживляясь).

Ну да... по совершенной логикѣ пора это понять...

Пфафъ.

И оборотъ коммерческій?

Шуховъ (*сильнѣе оживляясь*).

И, чертъ меня возьми здѣсь на матушки Руси это отличный оборотъ: за воображаемый капитал проценты лишь заплатимъ, не будь я Семень Васильевичъ Шуховъ, отличный оборотъ — ни въ одной политической экономіи такого не отыщешь... Хватитъ-ли только бумаги, сейчасъ пишу, пишу я на тузовъ извѣстныхъ, чтобъ представители цѣнности, высоко были цѣнны... По горячимъ слѣдамъ на одного Бездолжнаго 100,000 удеру.

Пфафъ.

Но, постоитъ, постоитъ Шуховъ.

Шуховъ.

Чего стоять, садиться надо, да писать, во сколько рыбберемъ мы Пфафъ?..

Пфафъ.

Да мѣсяцевъ въ пятнадцать... не короче...

Шуховъ.

А, долго время: того вѣдь и гляди — концы вѣдь надо ловко прятать, ты будешь тамъ, а я подъ русскими законами останусь...

Пфафъ.

Ну, въ десять, меньше не могу —, пока придетъ, пока мы сбудемъ, вѣдь время очень не большое — десять мѣсяцевъ.

Шуховъ.

Часть въ восемь, а часть въ десять.

Пфафъ (рѣшительно). III

Ну, и деть. Что будетъ, то и будетъ!

Шуховъ.

Ну, вотъ и ладно! это понашему, по русски — куда не вывезетъ кривая, вытягивай голубчики. Только залогъ, мой милый другъ, залогъ!..

Пфафъ.

Какой залогъ?

Шуховъ.

Какъ какой? вѣдь ты уѣдешь, въ отвѣтъ я одинъ...

Пфафъ.

А, жена, дитя мое здѣсь скоро...

Шуховъ.

Да, жена! Ну, чтожь тебѣ жена?..

Пфафъ.

Шуховъ... если такъ...

Шуховъ.

Ну, ну... молчу, согласенъ... Abgemacht! Сейчасъ я дѣлаю расчетъ, кому по сколько, во многоль срокомъ — а потомъ, потомъ я капиталы создаю! (насмѣшливо). При каждомъ почеркѣ пера рубли, десятки, сотни тысячъ за мною кучей полетятъ; перо-железомъ волшебнымъ станетъ (обращая конецъ пера къ зрителямъ). И что за сила, въ наше время, вотъ въ этомъ пишущемъ концѣ! Сколько имъ акцій, облигацій, стиховъ и прозы создано!.. И что за сила въ этихъ

деньгахъ, что за сила ломовая: рука дрожить, какъ ихъ считаю, глаза горятъ какъ вижу ихъ... и вотъ сейчасъ я цѣлый ворогъ ихъ создамъ.. такъ сѣрой кучей и зашевелится на столѣ... Вѣдь мы, само собой, заплатимъ, Пфафъ?...

Пфафъ.

О, да, да, непременно, непременно, я честный человѣкъ. Мнѣ только-бы нажить, себя-бы обеспечить. Планы широкие.. богатство, скрытое, которое кругомъ здѣсь вижу — ни днемъ, ни ночью мнѣ покоя не даютъ.

Шуховъ.

Ну вотъ, теперь тебѣ дадимъ покой — Такъ я иду... пишу... Господи благослови!

Пфафъ (*смотря на него*)... ж-е... ж-е...

То правда, слышалъ я, что русскій человѣкъ хотя и убить кого сберется — все перекрестится.

Шуховъ.

Ха, ха, ха! да эта наша характеризная черта... (*останавливаясь на полдорогѣ*). Постой.. (*возвращаясь на аванъ-сцену*). А кто же сбудетъ?..

Пфафъ.

Да кому-же, сбудь ты, пожайлуства.

Шуховъ.

Все я... нѣтъ, я за это не берусь: моя рука и мнѣ сбывать... Много чести: за это знаешь вѣдь куда?..

Пфафъ.

Куда?..

Шуховъ.

Туда... А, это туда дѣло такого рода, что какъ вообразишь его, такъ сердце ёкнетъ: все равно, что живому лечь въ гробъ, и на тебя аршина три земли насыпать..

Пфафъ.

Но, какъ-же быть?.. Мнѣ тоже вѣдь нельзя, тоже подозрѣнье... можетъ быть.

Шуховъ.

Это такъ!.. надо еще подтибрить человѣчка...

Пфафъ.

Кого-же... а?... Ну, говори скорѣй кого-же?.

Шуховъ.

Кого... а знаешь-ли кого?..

Явленіе XI.

Тѣ же и Баронъ.

Шуховъ.

Тьфу! какъ чортъ онъ легокъ на поминѣ; какъ Мефистофель за Фаустомъ, такъ и онъ за мной.

Пфафъ.

Его?... ми и вѣкъ не берусь, а въ это не берусь.

Шуховъ.

Кого-же больше... вѣдь онъ не тонетъ не горитъ! Поговори... но только по хитрѣй?

Баронъ (сквозь зубы подходя).

Что новаго?...

Пфафъ.

И много, и немного ...

Баронъ (протяжно).

Да—а—а.

(Шуховъ, взявши бумагу и нѣсколько документовъ, тихо, осматриваясь уходитъ въ комнату на льво, Баронъ, какъ будто выжидая его, въ раздумьи перебираетъ газеты на письменномъ столѣ).

Явленіе XII.

Баронъ (подходя).

Что это у васъ за секретныя дѣла?

Пфафъ.

Ничего, такъ!.... Есть деньги у тебя?

Баронъ.

Нѣтъ, денегъ нѣтъ!

Пфафъ.

Такъ, значить... все бросить надо... все пустяки.. всѣ планы широки въ игрушку превратились... Вѣдь время дорого... вотъ ужъ около года прошло — а что мы сдѣлали? Я даромъ время тратить не хочу, жизнь эта меня душитъ, задаромъ что-ли я, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь мерзну на морозѣ, по пяти, по шести разъ на дню пью чай, таскаюсь по рядамъ, бѣгаю за этими скволыжниками и бородами; у меня

дыханье захватываетъ отъ этого проклятаго мороза, ноги пухнуть, вѣдь простудился и капутъ .. Давайте денегъ мнѣ, давайте мнѣ работы, у меня жена... дѣти... мнѣ нужны деньги, деньги..

Баронъ.

Но, что же дѣлать, гдѣ-жъ ихъ взять?... Не-ма!..

Пфафъ.

А, твои откупщики, твой новый источникъ... высохъ?

Баронъ.

Не высохъ — гдѣ имъ высохнуть, документовъ требуется.

Пфафъ.

Документовъ!.. какихъ, чьихъ?

Баронъ.

Разумѣется не нашихъ, чужихъ... извѣстныхъ лицъ...

Пфафъ.

Чужихъ! У меня есть чужіе документы...

Баронъ.

На много ли, на пустяки?

Пфафъ.

Нѣтъ не на пустяки... На двѣсти-триста тысячъ!

Баронъ.

На двѣсти... три-ста-тысячъ!... откуда жъ это? Что жъ продано? Ты грезишь, Пфафъ!

Пфафъ.

Сткуда... Это ужь мое дѣло... ну, продалъ я, на срокъ чужой товаръ.

Баронъ.

Ну, полно же!... къ чему секреты... чужой товаръ .. скажи скорѣй, чужіе документы — поддѣльные!

Пфафъ (отрывисто).

Ну да! это все равно — оборотъ!

Баронъ.

Ну, вотъ и дѣло!.. знаешь ли, я нынче шелъ къ тебѣ съ такимъ же предложеніемъ... вижу, что дѣлать больше нечего... Вѣдь это дѣйствительно только оборотъ коммерческій... Ты меня предупредилъ!

Пфафъ (также).

Не вѣдь я и дѣломъ...

Баронъ.

Такъ кто же?

Пфафъ.

Шуховъ!

Баронъ.

Такъ значить и онъ въ часть?

Пфафъ.

Ну, да увидимъ тамъ, кое что надо будетъ дать.

Баронъ.

Ну, это жаль: гдѣ русскій замѣшается, тамъ мало вы-
детъ толку.

Пфафъ.

Почему жъ? онъ ловкѣйшій человекъ!.. Ну что тутъ толко-
вать, дѣло начато, надо его кончить — дисконтируй, при-
нимай участіе.

Баронъ (*будто подумавъ*).

Пожалуй... я готовъ... съ условіемъ только Пфафъ.

Пфафъ.

Что еще?

Баронъ.

О, самое простое и не денежное. Я хочу жениться. Въ
это время, смотря на тебя съ твоей Терезой, я позавидо-
валъ тебѣ... Нѣтъ силъ... таскаться надоѣло... все это по-
купное — прѣлось не могу. —

Пфафъ.

Послушай, баронъ, ты ли это?

Баронъ.

Нѣтъ, право такъ. Серафима страшно дорога, ушла на
дняхъ къ другому, остальное такая дрянь.

Пфафъ.

Ты жену, какъ будто любовницу третируешь.

Баронъ.

Ну, думай объ этомъ какъ ты знаешь.. Мы ужъ съ тобой не аркадскіе пастушки.. Не знаю на долго ли, а правится мнѣ теперь сестра твоей жены.

Пфафъ.

Софи?

Баронъ.

Да, Пфафъ, Софи!

Пфафъ.

Но, послушай, cher ami, за кого жъ меня-то ты принимаешь?

Баронъ.

За мужа ея сестры и за человѣка, имѣющаго большое вліяніе на старика.

Пфафъ.

Послушай, какъ хочешь, но такъ нахально, и такъ открыто.. цинически..

Баронъ.

Другъ любезный, повторяю, вѣдь мы не пастушки; ты искалъ съ Розенбергомъ породниться, онъ у тебя надежная опора, что же я дѣлаю худаго?.. я ищу того же; разница въ томъ, что у тебя прошедшее, то настоящее у меня.

Пфафъ.

Вы ошибаетась, Баронъ, въ Терезѣ я искалъ жену: надъ моими семейными отношеніями я никому не позволю

забавляться. Мы съ вами совершенно иначе понимаемъ женитьбу и отношенія къ той женщинѣ, которую мы называемъ своей женой; будьте увѣрены, что я никогда не буду ходатайствовать за того челоуѣка, который такъ низко понимаетъ то, что должно быть хоть нѣсколько священо для всякаго.

Баронъ.

О, я плачу той же монетой: я никогда не дисконтирую документовъ, о которыхъ такъ цинически, и такъ открыто, такъ низко говорятъ, что они поддѣльные...

Явленіе XII.

Шуховъ *(входя)*.

Онъ уже знаетъ... ну, и дѣло, онъ какъ бѣсъ за грѣшную душу за это ухватился *(подходя)*. Часть готова, вотъ они *(показываетъ документы; нѣсколько минутъ молчанія)*.

Пфафъ *(какъ будто про себя)*.

Чтожъ это такое... подобнаго вѣдь я не ожидалъ. Вѣдь это вопросъ на жизнь и на смерть... *(послѣ долгаго молчанія)* Но, можетъ онъ исправится... можетъ быть его женитьба переменить... я посмотрю... не откажу ему совсѣмъ. *(Къ барону)*. Я подумаю, баронъ!

Баронъ *(принимая отъ Шухова документы)*.

Ну, и я подумаю, любезный Пфафъ!...

Пфафъ.

До свиданія... *(быстро уходитъ)*.

Баронъ.

До свиданія...

Явленіе XIII.

Шуховъ (къ барону).

Скажите, что такое?

Баронъ.

Такъ ничего! Знаете русскую поговорку: два раза при-
мѣрь...

Шуховъ.

Ахъ, чертъ возьми... а я заслушался, да и отрѣзалъ, а
росписку-то съ него и не взялъ (*беретъ шляпу*). О, Русь
святую надо знать: законный документъ великое здѣсь дѣ-
ло! (*Уходитъ быстро за Пфафомъ въ среднюю дверь*).

Явленіе XIV.

Баронъ (*одинъ*).

Дружба дружбой, а служба службой... У насъ теперь
порука круговая, а въ случаѣ и улика на лицо! Ну, Софи,
ты, душечка, ужъ какъ ты не вертись, хоть бы за тебя
тысяча Бобровыхъ и двѣ тысячи Вильгельмовъ, а ты те-
перь, мой миленькій, предестненькій дружочикъ моя моя.
Пойду полюбуюсь на нее въ ожиданіи и въ этомъ кое-что
эдакое есть... Волненіе очень пріятное!

ДѢЙСТВІЕ III.

Залъ въ домѣ Пфафъ. Вечеръ. Ярко освѣщено. Все видимо приготовлено къ приему гостей. На заднемъ планѣ большой раскрытый рояль, на столахъ — вина, фрукты; на право двери подъ драпировкой въ гостиную, тоже освѣщенную; нальво, чрезъ растворенныя двери, видны ерточныя столы.

Явленіе I.

Пфафъ.

(входитъ тревожно, въ плащъ и шляпъ; плащъ онъ сбрасываетъ у дверей и быстро идетъ на аван-сцену, не скидая въ забывчивости шляпы).

Неужели это правда... что я слышалъ... сейчасъ... случайно. Одинъ другому по секрету говорилъ... Наши документы — узнано... открыто... Фу, Боже мой, вотъ я чего такъ быстро въ Россіи не ожидалъ!... Какое несчастіе, какая неожиданность и въ какое время, въ день крестинъ моего перваго сына... Лучше смерть, нежели такой позоръ! Что же дѣлать, на что рѣшиться? Бѣжать, скорѣй отсюда... Но паспортъ этотъ проклятый... ба! кажется барона паспортъ у меня... да... да... вотъ онъ, вотъ! Но сынъ мой,... Тереза, крещенья день, гости... Ахъ Боже мой, какая пытка!... За что жъ, это за что?... Но лучше порознь на свободѣ, потомъ сойдемся. Скорѣй деньги... паспортъ... прощусь съ женой, съ сыномъ... и... да, во время шума бала, прощай ты русская тяжелая земля, куда-нибудь, да поскорѣ бы изъ тебя.

Явленіе II.

Тѣ же и Софи.

Софи (шутливо).

Куда?

Пфафъ.

Я къ себѣ, къ Терезѣ...

Софи (также).

Нельзя...

Пфафъ.

Что такое, почему?

Софи (всматриваясь въ него).

Боже мой, что съ вами, Пфафъ?... Вы на себя не похожи...

Пфафъ.

Какъ ты меня перепугала... Постой, Софи.

Софи.

Нѣтъ погоди Юліусъ!.. Мнѣ нужно спросить тебя два слова.

Явленіе IV.

Пфафъ.

Мнѣ нѣкогда, Софи.

Софи.

Одну минуту!... У меня до тебя есть дѣло, я васъ прошу.

Пфафъ.

Ну, я слушаю, скорѣе только...

Софи.

Пфафъ, нынче я должна сказать рѣшительный отвѣтъ барону, вы этого сами желали. Пфафъ вы его знаете. Скажи мнѣ, Пфафъ... прямо и откровенно — онъ честный и хорошій человекъ?

Пфафъ.

Вотъ что Софи... да — нѣтъ... послѣ, меня ждутъ, увидимся еще... (*быстро уходитъ*).

Явленіе III.

Софи (*смотря ему вслѣдъ*).

Да — нѣтъ! что это все значить? Встревоженъ, спѣшить и это — да и нѣтъ?... Боже мой, и такъ-то вотъ играютъ судьбой дѣвушки... самъ настаивалъ, просилъ, совѣтовалъ, уговаривалъ папа и вдругъ!... Что же это значить? Сестра больна, отецъ старъ и я одна, одна въ такія минуты? Что за судьба: зачѣмъ вошелъ къ намъ этотъ русскій, этотъ Бобровъ, и что это за странный человекъ? Самъ себя не понимаетъ, самъ не знаетъ чего хочетъ; но какъ я люблю его! Боже мой какъ люблю такъ крѣпко, сильно, порусски, и какая мука, все сильнѣй и сильнѣй...

Явленіе IV.

Софи и Вильгельмъ.

Вильгельмъ (*въ бальномъ костюмѣ*).

Слава Богу она одна... (*Громко*): Добрый вечеръ, фрейлейнъ Софи.

Софи.

Добрый вечеръ!

Вильгельмъ.

Знаете ли Софи... если я еще смѣю такъ назвать васъ: (съ насмѣшкою) вѣдь вы, быть можетъ, скоро баронесса, знаете ли вы, зачѣмъ я здѣсь остаюсь... Въ эти дни, послѣ ссоры съ моимъ дядей, я еще не успѣлъ сказать вамъ ни одного слова.

Софи.

Странно было бы, еслибъ я это знала.

Вильгельмъ.

А кажется узнать не трудно, особенно если вы помните ваше обѣщаніе передъ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ.

Софи.

Я помню, но все-таки не угадываю.

Вильгельмъ.

Значитъ, вы его не хорошо помните. Позвольте мнѣ напомнить. Кажется вы обѣщали мнѣ писать.

Софи.

Я... вамъ?

Вильгельмъ.

Да, вы мнѣ!... Неужели вы уже забыли это?

Софи.

Я кажется сказала — сестра напишетъ вамъ.

Вильгельмъ.

Это все равно.

Софи.

Можетъ быть для васъ, но не для меня.

Вильгельмъ.

Положимъ. Но и она не написала...

Софи.

Сколько я знаю, кажется, нѣтъ.

Вильгельмъ (*притворно мняя тонъ*).

И, не смотря на это, я все-таки пріѣхала сюда и остаюсь. Да, Софи, я не могъ не пріѣхать, потому что все еще люблю васъ. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи видѣть вашу свадьбу — и вотъ я здѣсь, нынче кажется помолвка, и я останусь, Софи, здѣсь, до тѣхъ поръ, пока буду имѣть удовольствіе называть васъ баронессой; мнѣ жаль васъ, Софи, но что же дѣлать, можетъ быть мы оба равно несчастливы.

Софи.

Послушайте, оставьте пожалуста. Неужели вамъ нравится играть такую пустую и жалкую роль — вздыхателя, она нисколько не идетъ къ вамъ. Ахъ, Вильгельмъ, вы еще такъ молоды и такъ уже... фальшивы. Неужели же вы дѣвушку въ девятнадцать лѣтъ принимаете за ребенка, неужели же вы думаете подслужиться ей, повздыхать и заставить полюбить себя. Зачѣмъ, вы, не любя, хотите быть влюбленнымъ, вѣдь это смѣшно и тяжело, да и жалко и смотрѣть на это. Въ вашихъ глазахъ я уже давно прочла обманъ и фальшь; вы хотите обмануть и себя и меня. Стыдно, Вильгельмъ! Будьте покойны, что ни вы, ни баронъ, и никто изъ васъ и на васъ похожій, никогда не будетъ моимъ мужемъ! (*Быстро уходитъ*).

Явление V.

Вильгельмъ.

Ахъ чортъ возьми, какова! это Софи, эта та скромная, тихая Софи?... да, я не узнаю ее, она нынче и смотреть-то какъ-то иначе... просто выросла въ одну минуту. Не я, и не баронъ! да кто же наконецъ? Вѣдь ей ужъ двадцать, и ни одного кандидата... вѣдь это все равно, что доходное вакантное мѣсто... Кто же?

Явление VI.

Тѣ же и Бобровъ *(также въ бальномъ костюмѣ)*.

Вильгельмъ.

Неужели Бобровъ? О, пустяки!... Впрочемъ чѣмъ чортъ не шутить, постоя-ка я попробую его: Бобровъ поди-ка сюда, какую я тебѣ сообщу новость.

Бобровъ.

Что такое?..

Вильгельмъ.

Софи вѣдь наклеила носъ Барону...

Бобровъ.

Очень радъ.

Вильгельмъ.

Я думаю.

Бобровъ.

Что?

Вильгельмъ.

Такъ, ничего! Ты это говоришь, какъ будто уже зналъ объ этомъ прежде.

Бобровъ.

Разумѣется зналъ.

Вильгельмъ.

И, ты тоже, разумѣется, радъ этому?

Бобровъ.

Я думаю, какъ и всякій радъ тому, когда видитъ, что устроивалось подлое дѣло, и не устроилось.

Вильгельмъ.

И только будто — ха, ха, ха! Какъ однако ты мало способенъ притворяться. А, нечего сказать, ты славно умѣлъ обдѣлать свои дѣла, тишкомъ да понемножку, а смотришь и дошелъ.

Бобровъ.

Обдѣлывайте вы!. Вы вотъ сюда набрѣли съ вашими идеями да планами, которые тишкомъ да понемножку здѣсь въ ходъ пускаете. А жаль мнѣ тебя, Вильгельмъ, ты вѣдь немного опоздалъ, проходитъ ужъ эта золотая пора, а точно было здѣсь для васъ широкое раздолье. Молчали мы довольно; вы были все для насъ и руководители и учителя. Но теперь ужъ довольно—будетъ, довольно вы потѣшились надъ нами, довольно надсмѣялись надъ нашимъ хлѣбосолецтвомъ. Пора бы и вамъ понять, что ужъ не прежнее время, что мы васъ поняли, что и теперь для васъ раскрыты двери, но только не для всѣхъ, не для званыхъ и незваныхъ, а только для

избранныхъ.... Я радъ разрыву, но ты ошибаешься..... не изъ своихъ выгодъ, не думай чтобъ я чего нибудь искалъ— куда ужъ намъ: наша доля не пиршество на чужой счетъ, а трудъ, да страданіе съ своими. — Радъ же я потому, что она чистая добрая дѣвушка, а баронъ — подлець!... Онъ и твой дядя въ равныхъ степеняхъ.

Вильгельмъ.

Какъ, что?

(Въ дверяхъ показываются М-мъ Пфафъ и Софи).

Явленіе VII.

Тѣ же М-мъ Пфафъ и Софи.

Бобровъ.

Теперь молчи...

М-мъ Пфафъ.

Не знаю что случилось...

Софи.

Онъ такой встревоженный. Гдѣ онъ теперь?

М-мъ Пфафъ.

Пошелъ въ контору. Боже мой, и въ это время, въ этотъ день... всегда постоянно дѣла, ни на минуту не можетъ отъ нихъ оторваться. Весь этотъ годъ среди рѣдкихъ, самыхъ рѣдкихъ, минутъ чего-то будто похожаго на привязанность,

сколько недовольства, сколько цѣлыхъ часовъ молчанія, какихъ-то обдумываній, тревогъ, беспокойствъ, всегда эти проклятыя дѣла. Все дѣлу, намъ бѣднымъ — ничего, имъ годъ, намъ минуты.. какъ милостыня. Ахъ, Софи, не дай тебѣ Богъ полюбить слишкомъ ужъ занятаго человѣка.

Софи (*въ сторону*).

Я ужъ это отчасти знаю. (*громко*) Но, успокойся, сестра, онъ сейчасъ придетъ, вѣроятно что нибудь важное..

Тереза.

Но, въ этотъ день, въ этотъ день, въ день крещенія нашего перваго малютки.. Онъ, нынче, какъ-то особенно страненъ: утромъ, во все время крещенія на немъ не было лица, все спѣшилъ куда-то; лишь только уѣхалъ пасторъ, онъ взялъ шляпу и ушелъ — ушелъ не простясь, не сказавъ мнѣ ни слова, не поцѣловавъ своего ребенка.

Софи.

Ахъ, Боже мой, но вѣроятно что нибудь важное Тереза. Погоди, я сейчасъ спрошу. Сергѣй Петровичъ, на минуту... Скажите, пожалуйста, не случилось-ли чего по дѣлу?

Бобровъ.

Нѣтъ — ничего..

М-мъ Пфафъ.

Но, что-же съ нимъ, Бобровъ?

Бобровъ.

Право ничего, рѣшительно, нѣсколько необходимо-нужныхъ писемъ въ Англiю... Успокойтесь М-мъ Пфафъ, вѣдь вы должны быть уже знакомы съ нашимъ дѣломъ, вѣдь иногда дорога каждая минута.

М-мъ Пфафъ.

Но, въ этотъ день, Бобровъ, въ этотъ день, и какія пи-
будь письма..

Софи.

Вѣдь важныя, Тереза.

Бобровъ.

Что дѣлать, вѣроятно очень нужныя.

Явленіе VIII.

Тѣ же и Розенбергъ.

Я бѣгаю, ищущу, а вы всѣ здѣсь. Здравствуйте, опять здрав-
ствуйте, Сергѣй Петровичъ, благодарю, благодарю... Виль-
гельмъ...

Вильгельмъ.

Позвольте мнѣ поздравить...

Розенбергъ.

Благодарю, благодарю. Ну, что все ли у васъ готово,
хозяйки молодья, не позабыли-ль чего.. осмотрите... (*о-
матриваясь*). Все это такъ... и музыка, винцо.. и все къ
веселью человѣка.. О, нынче я повеселюсь, повеселюсь..
танцовать буду, въ гроссъ-фатеръ пройдуся, радостный
вѣдь день нынче для меня.. Сергѣй Петровичъ, вы вѣдь
этого... да не то что вы, и ты Софи и Вильгельмъ тоже,
вѣдь вы никто не можете этого понять, какой это такой
великій праздникъ, когда дѣлаешся дѣдушкой.. старикомъ
эдакимъ, сѣдымъ, почтеннымъ и видишь.. видишь.. вотъ къ
тебѣ вдругъ, протягиваются такія маленькія рученки, и
смотрятъ на тебя такіе крошечныя глазки, увидишь вдругъ

такую крошку, и знаешь, что эта крошка тебѣ родная, что мать ее ты также видѣлъ крошкой, и вдругъ.... Друзья мои, все это пережить, перечувствовать, тогда лишь будешь знать, что за наслажденье Творецъ намъ въ жизни посылаетъ. Друзья мои, семейный кругъ — вотъ жизнь святая! Нѣтъ, выше тѣхъ радостей, которыя мы въ немъ встрѣчаемъ.. Дай Богъ, намъ всѣмъ и каждому имѣть семью святую, тогда спасень и на прямой дорогѣ человѣкъ.

Тереза.

Папа...

Розенбергъ.

Что ангелъ мой, что счастье мое, Тереза милая моя, что.. что?..

Тереза.

Папа, не говорите такъ...

Розенбергъ.

Что.. что.. что такое, не говорить, про это, про семью? хорошо я говорить не буду тогда кричать я стану, да кричать, кричать изъ всѣхъ стариковскихъ силъ, что пропадаетъ, ошибается и погибаетъ тотъ, который покидаетъ святой семейный кровъ и внѣ его ищетъ и жизни — и удовольствій жизни... что низкій тотъ, безчестный человѣкъ, который, бывши семьяниномъ на чтонибудь, или на когонибудь, на продажное, на покупное, мѣняетъ святяги радости семейства, что отецъ семейства расточитель — нравственный преступникъ, что тотъ, который не для семьи, вмѣстѣ съ тѣмъ не для себя, что каждый шагъ отъ нее — гибель вѣрная и скорая... Да, однимъ словомъ, что... что подобный человѣкъ — не человѣкъ!..

Тереза.

Но, папа, я васъ прошу оставить: каждое ваше слово...

Розенбергъ.

Да, что такое? *(тревожно осматривается. Бобровъ и Вильгельмъ медленно удаляются въ боковыя двери, которыя и при- творяютъ)*. Что такое, Тереза?... ты будто разстроена, что такое, дитя мое?

Тереза.

Ничего папа... такъ право ничего.

Розенбергъ.

Нѣтъ, однако!... Софи.: *(киваетъ ей головой)*.

Софи *(уходитъ)*.

Розенбергъ.

Тереза! я прошу тебя сказать, что за причина, что ты разстроена въ такой день, въ который ты должна быть и весела и счастлива. Скажи мнѣ... я прошу тебя, приказываю.

Тереза.

Папа... Юліусъ всегда такъ много занятъ; нынче даже онъ не могъ до сихъ поръ оставить дѣла; для такого дня, папа.

Розенбергъ.

Ха.. ха.. ха! . Ну, слава Богу, я думалъ ужъ въ самомъ дѣлѣ чтонибудь.. ха. ха. ха! Ахъ, женщины — должно быть вы всегда дѣти.. большое что-то, даже и тогда, когда у васъ свои ужъ дѣти.. Ну, какъ-же тебѣ мой другъ не стыдно такъ себя тревожить, и чѣмъ-же? ха. ха. ха—тѣмъ, что мужъ очень занятъ.. да этому надо радоваться: твой мужъ при- мѣрный человекъ, энергии его завидовать надо... Да мало-ли нынче мужей совсѣмъ таскаются безъ дѣла? Вы жен-

щины видно никогда не поймете, что можетъ быть гораздо труднѣе оторваться намъ отъ васъ, нежели вамъ отъ насъ; вы не поймете, что при этомъ намъ дорога каждая минута, но, что и минуту нельзя терять, и отъ нее многое зависитъ въ дѣлѣ, особенно теперь, въ наше время. (*Входитъ Пфафъ и увидя жену и старика, какъ-бы неволью отступаетъ назадъ*) Да вотъ и онъ! Ахъ, вы неблигодарныя!... Да, что такое, и ты, Пфафъ, какъ будто не въ своей тарелкѣ... что это съ вами для такого дня?

Явленіе IX.

Пфафъ.

Развѣ вы что замѣчаете.... слышали что-нибудь?...

Розенбергъ.

Да что ты, что мнѣ слышать? Что съ тобой (*отводя его въ сторону*). Нѣтъ-ли ужъ какой пропажи, банкротства?...

Пфафъ.

О, нѣтъ, нѣтъ... все благополучно.

Розенбергъ.

Ну, да!... а мы вотъ тутъ говорили съ Терезой.. она.., слушайка, она вѣдь жаловалась на тебя.

Пфафъ.

На меня?..

Розенбергъ.

Да, на тебя, ха, ха, ха!.. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь есть за что!.. Она... она тобой очень недовольна, недовольна за то, что ты не берешь примѣра съ этихъ, ну вотъ, что здѣсь такъ много, что здѣсь въ ходу въ большомъ, этой святой

обязанности — ничего не дѣлать.. играть.. кутить.. развратничать.. Она недовольна этимъ. Въ самомъ дѣлѣ, Пфафъ, вѣдь ты этимъ губишь ее бѣдную.

Пфафъ.

Я — гублю?

Тереза.

Папа.. оставьте прощу васъ.

Розенбергъ (къ Пфафу).

Да, полно, что ты.. что ты наморщился!.. развѣ не видишь, что я шучу.. что балагурю на старости, да на радости. Ну, какая жена можетъ жаловаться на тебя — полно, это стыдно и думать!.. Нѣтъ, Пфафъ, было когда-то время, когда ты меня благодарилъ за Терезу, теперь братъ моя очередь, дай руку... да дай же.. ну, скорѣй... Вотъ такъ! Благодарю — ты сдержалъ свое слово, ты честный человекъ! *Тотъ вздрагиваетъ, но сейчасъ-же оправляется*... Спасибо (тебѣ — вотъ эдакое, большое русское спасибо! (къ Терезѣ).

Ну, а ты, тебѣ не за что благодарить его? *(Та молча подходитъ къ нему, и крепко прижимается)*.

Пфафъ.

Господи, скоро-ли же кончится эта пытка?

Розенбергъ.

Ага.. ага!.. Ахъ, вы неблагодарные!..

Пфафъ.

Я сдѣлалъ что могъ.. такъ было надо.. такъ было должно....

Явленіе X.

Тѣ же и Бартъ, М-мъ Бартъ и двѣ дочери.

Пфафъ.

Наконецъ-то!

Бартъ (*входя съ букетомъ*).

Христьянъ Христьяновичъ, М-мъ Пфафъ, въ такой радостный день, я вотъ какой букетъ малютчкѣ.... (*Розенбергъ и Тереза идутъ къ нимъ на встрѣчу*).

Пфафъ (*одинъ на авансценѣ*).

Еще нѣсколько минутъ притворства и дѣло кончено; теперь же съ радостнымъ лицомъ гостямъ на встрѣчу, съ смѣхомъ, съ словомъ приличнымъ случаю... (*оборачиваясь*).
Бенъ Бартъ, М-мъ Бартъ... благодарю, благодарю... букетъ цвѣтовъ, вниманье, прошу, прошу... сюда пожайлуста, въ гостинную. Мы теперь уже совсѣмъ по русски живемъ.

Розенбергъ.

Вотъ я вѣдь говорилъ, что онъ полюбитъ русскихъ, да ихъ и нельзя не полюбить — славный народъ! (*Дамы проходятъ въ гостинную*).

Бартъ (*переходя вмѣстѣ съ Розенбергомъ*).

И такъ, любезнѣйшій Христьянъ Христьяновичъ, дѣдушка значить и внучекъ..

Розенбергъ.

Внучекъ, внучекъ... дѣдушка, дѣдушка...

Бартъ.

Значить — выпьемъ нынче Христьяновичъ а.. выпьемъ?

Розенбергъ.

О, за этимъ дѣло не станетъ,

Явленіе XI.

Тѣ же Галлати и Моксены.

Галлати.

Пфафъ, съ сыномъ, съ наслѣдникомъ, что бы ему сотня
лѣтъ и горы золотые! Начало хорошо!.. Христьянъ Христья-
новичъ, дѣдушка, почтенный, любезнѣйшій — поцѣлуемся
на радости... по русски.

Розенбергъ.

Поцѣлуемся.. поцѣлуемся.. Вотъ такъ.

Моксены

(молча жмутъ руку Пфафъ и обращаются къ Розенбергъ).

Иванъ Моксень.

Христьянъ Христьяновичъ!

Андрей Моксень.

Любезный.. Розенбергъ!..

Розенбергъ.

Благодарю, благодарю, Андрей Иванычъ, Иванъ Иванычъ.

Галлати.

Твое здоровье любезный Пфафъ!

Пфафъ.

Благодарю!

(Подаютъ шампанское, чекаются и пьютъ).

Явленіе XII.

Цендель, М-мъ Цендель, тѣ же и Вильгельмъ Бобровъ,
четыре дѣвицы и двое молодыхъ людей.

(Сцена приема: дамъ встрѣчаютъ М-мъ Пфафъ, дѣвицъ Софи, мужчины группируются около виннаго стола, залъ мало по малу наполняется гостями, молодыми людьми и нѣсколькими парами; слышатся отрывочные звуки музыки).

Цендель.

Ну, что новаго Пфафъ.. каковы курсы?

Пфафъ.

Курсы не хороши...

Галлати.

А слышали про банкротство въ Гамбургѣ, господи?

Цендель.

Да... большой свалился домъ.

Пфафъ.

Да .. да... (въ сторону) скороли-же конецъ этому мученью?

Бартъ.

А слышали Петербургскую исторію?.. Всѣхъ насъ замарала. Проклятыя Гуть!

Цендель.

Да... какъ вамъ писали объ этомъ Бартъ?

Галлати и другіе.

Да кстати, каковы подробности?

Бартъ (оглядываясь и тише обыкновеннаго).

Просто чистая поддѣлка: до послѣдняго часа никто ничего не зналъ; даже братъ и тотъ только при допросѣ показалъ, что съ нѣкотораго времени онъ былъ задумчивѣе обыкновеннаго. Говорить, что не зналъ.

Андрей Моисеенъ.

Ну, какъ не знать!.. Солидный домъ и такъ низко упасть! И насъ, какъ вотъ не упирайся за собой тащить!..

Бартъ.

Пріѣхалъ видите домой.. съѣли обѣдать.. жена, дѣти.. двое изъ конторы — молодыхъ людей.. Самъ-то онъ сидѣлъ предъ окномъ, видите, и въ это время особенно задумчивъ и серьезень... Потомъ вдругъ поблѣднѣлъ... всталъ, поспѣшно бросилъ салфетку, и почти выбѣжалъ... Жена за нимъ.. онъ ее просилъ остаться, дѣла будто бы; брата еще не было, съ биржи не пріѣзжалъ... Вдругъ тревога.. полиція — купцы у которыхъ дисконтировано, что за чудо?.. Спрашиваютъ кого нужно?. Г-на Гутъ!.. Въ столовую, туда, сюда, въ контору... все поднялось, встрѣвожилось, на биржу.. Нѣтъ — и слѣдъ простылъ...

Галлати.

Ну, и чтожь?

Бартъ.

Повѣсился... на чердакѣ...

Андрей Моисеенъ.

Вздоръ, говорятъ уѣхалъ.

Цендель.

Есть слухи будто застрѣлился.

Бартъ.

Мнѣ пишутъ такъ наскоро, завтра узнаемъ вѣрно.

Галлати.

А, мы вотъ за него страдай!

Андрей Моксень.

Вольно втягиваться, да затягиваться; снаровки нѣтъ.

Галлати.

Слышалъ Пфафъ какая исторія?

Пфафъ.

Да.. да.. слышалъ, исторія.. Опасное время!

М-мъ Пфафъ.

Юліусъ — на минуту!..

Пфафъ.

Исторія, да, иду.. иду..

(Уходитъ).

Иванъ Моксень (Ценделю).

Что съ нимъ, онъ будто-бы растроень?

Цендель.

Не лопнуло-ли что?..

Галлати.

Такъ. — такъ-то батюшка, Христьянъ Христьяновичъ, вотъ какія дѣла, другъ, на свѣтѣ-то бываютъ, все корысть мучить, губить; представь-ка себѣ цѣлое семейство: жена, дѣти малые и безъ опоры — страшно! А ты-то, слава Богу, покойно до дѣдушки ужъ дожилъ.

Розенбергъ.

Да, да... благодаренье Богу! Теперь не грѣхъ и умереть.

Бартъ.

Ну, вотъ-те умереть... Мы проживемъ еще, попразднуемъ...

Розенбергъ.

Дай Богъ, дай Богъ!

Пафъ. *(возвращаясь съ картами)*.

Господа... карты на столахъ... Иванъ Ивановичъ, Андрей Ивановичъ... Цендель... Бартъ... Галлати... папа...

Розенбергъ.

Нѣтъ, нѣтъ... я нынче не играю.

Галлати.

Это что такое, Христьянъ Христьяновичъ, что за новость?

Розенбергъ.

Такъ, я нынче въ плясъ пускаюсь — на радости, въ грощь-фатерѣ пройдусь.

Бартъ.

Такъ, что же ты другъ, о грощь-фатерѣ-то задумался? Грощь-фатеръ успѣемъ, и я пляшу.

Рейнфельдъ.

Что такое... въ чемъ дѣло господа?

Многіе.

Четвертый въ вистъ!

Рейнфельдъ.

Пожалуй, но... (*Пфаффу*) мнѣ бы хотѣлось...

Пфафъ.

Послѣ — все готово. И такъ партія составлена... Теперь — танцы. Mes-dames... (*сплывитъ въ гостинную*). Mes-dames!

Рейнфельдъ (*къ партнерамъ*).

Господа, подождите пожалуста, одинъ туръ вальса (*уходитъ въ гостинную*).

Иванъ Моксень (*уходя Андрею*).

Тутъ что-то не ладно, какъ мнѣ кажется...

Андрей Моксень.

Я слышалъ кое-что, не знаю правда ли, будто бы... (*уходитъ съ нимъ въ двери, нальво*).

Явленіе XIV.

Тѣ же и Пфафъ, М-мъ Пфафъ, Софи и баронъ, Вильгельмъ съ одной изъ дочерей Бартъ, и нѣсколько паръ. (*Вальсъ*).

Пфафъ (*на аван-сцену, нѣсколько спустя*).

Теперь не тратьа время... Но какое мученье оставить домъ, семью въ такое дорогое время. Какая пытка, Боже

мой, за что же такъ? Богатства жажда... жадность... вотъ ты до чего доводишь... кровь холодѣетъ, сжался мозгъ... Но дѣлать нечего, пора! (*тихо и не замѣтно уходитъ*).

Явленіе XV.

(*Танцы продолжаютъ*).

Входитъ Шуховъ.

Шуховъ (*пробираясь на аванъ-сцену*).

Танцуютъ! Гм! И я, когда-то вотъ также танцевалъ, давалъ балы, и вечера и пикники... parties plaisirs, кутиль, и глупо сдѣлалъ, прокутился!... (*Осматриваясь*). Есть хорошенькія нѣмочки!... *Schönes Mädchen*. Эхъ, было время — толпами шли они ко мнѣ всѣхъ націй, за деньги и задаромъ, счастливъ я былъ на женщинъ и дернулъ же чортъ меня жениться. Вотъ тутъ-то настало для меня крутое время: безъ денегъ, и съ женой!... Друзья и други отошли, веселье также, про балы, пикники помину нѣтъ; стали надъ изголовьемъ дни черные всходить... Зимой по комнатѣ я въ шубѣ щеголялъ, пилъ кислый квасъ да воду, а ѣлъ — и самъ не знаю что такое, ... ни въ какой кухнѣ нѣтъ названья такихъ блюдъ!... Фу, гадко даже вспоминать!... Да, ну ихъ, да ну ихъ! Какъ Беранже великій говоритъ, прошло вѣдь, звѣзда моя въ яркое солнце разгорѣлась, вишь свѣтитъ какъ!... Опять и балъ и женщины — и я опять почти хозяинъ всего этого; вдовъ и скоро снова моя свадьба, на дочери Степана Половникова женимся, т. е. ее въ приданое, а на сто тысячъ много будетъ женъ. Пойду и пропляшу! Софи, вотъ славная бабенка; ее на деньги не возьмешь... Ба, баронъ-то какъ на нее уставился!... Пойду и отобью. (*Подходитъ и беретъ ее почти что изъ-подъ руки барона. Вальсъ кончается послѣ тура Шухова*).

Баронъ (*подходя къ Софи*).

Фрейлейнъ Софи, я имѣю сказать вамъ нѣсколько словъ, вы можете быть знаете о чемъ?

Софи.

Нѣтъ, я рѣшительно, баронъ, ничего не знаю.

Баронъ.

Вамъ ничего не говорилъ вашъ батюшка обо мнѣ?

Софи.

Батюшка? нѣтъ ничего.

Баронъ.

Ну, Пфафъ, по крайней мѣрѣ?

Софи.

Не помню, онъ что-то говорилъ, но я, извините, я мало обратила на это вниманія...

Баронъ *(переламывая себя)*.

Но, я бы желалъ самъ сказать вамъ теперь, позвольте мнѣ эту кадрили...

(Слышна музыка).

Къ Софи подходитъ Бобровъ.

Софи *(барону, подавая руку Боброву)*.

Я ее уже танцую...

(Составляются пары кадрили).

Баронъ.

Что же это значитъ? Слѣдовательно я обманутъ... онъ мнѣ сказалъ, что все готово, что нынче вечеромъ я могу надѣяться быть объявленъ женихомъ. Что же это такое, вѣдь это просто подлость, ложь, онъ хотѣлъ только вос-

пользоваться мною! Такъ нѣтъ, другъ любезный, не на того попалъ, я не новичекъ... Я три раза банкъ въ Гомбургѣ срываю... нѣтъ я вѣдь этого такъ не оставлю — я прямо къ посланнику. Гдѣ онъ... гдѣ Пфафъ? (*Осматриваетъ танцующихъ и слыша уходитъ въ гостинную. Кадриль продолжается. Предъ окончаніемъ ея изъ дверей направо, идя карточныя столы выходитъ Розенбергъ*).

Явленіе XVI.

Тѣ же и Розенбергъ.

Танцуютъ, веселятся, доброе время, хорошее время, а намъ старикамъ, и намъ дано веселье — смотрѣть на все, на это, и также веселиться, свою юность вспоминать. Софи, дружокъ мой, Софи, ее теперь устроить надо... А, а... плутовка, какъ она съ Бобровымъ-то танцуетъ... весела и щечки разгорѣлись. Славный этотъ человекъ, Сергій Петровичъ, не нѣмецъ только — вотъ бѣда... а то-бы... (*Кадриль кончается*). Ну, господа, теперь какъ вы хотите, а я хочу гроссъ-фатеръ, гроссъ-фатеръ мой, гроссъ-фатеръ... Сергій Петровичъ, господа... скорѣй, сюда скорѣй, гроссъ-фатеръ!.. (*Беретъ подъ руку Софи и идя съ нею говоритъ нараспѣвъ*):

Der Grossvater die Grossmutter zum Tanzen nahm... (*другіе повторяютъ*): Zum tanzen, zum tanzen, zum tanzen!

(*Гроссъ-фатеръ*).

Явленіе XVII.

Тѣ же, Галатти, Бартъ, Цендель и прочіе также подхватываютъ и продолжаютъ подъ темъ музыки.

Галатти.

Ай да Христьянъ Христьяновичъ, молодець, молодець!... Вотъ такъ... вотъ такъ... (*обращаясь къ прочимъ*). Пойдемте, господа, утѣшимте старика. (*Беретъ одну изъ дѣвицъ*).

Бартъ.

Идемъ mein Herren (*беря жену*). Христьянъ Христьяновичъ
Der Grossvater die Grossmutter и т. д.

(*Всѣ прочіе кромѣ Шухова и Боброва, беря даму танцуютъ
гроссъ-фатеръ*).

Der Grossvater die Grossmutter и т. д.

Шуховъ (*подходя къ Боброву*).

Послушайте, Сергѣй Петровичъ, да гдѣ же Пфафъ? я его
не вижу цѣлый вечеръ.

Бобровъ.

Не знаю... ты долженъ, кажется, знать это лучше меня.

Шуховъ.

Нѣтъ, не шути...

Бобровъ.

Я вовсе не шучу... помнишь, Шуховъ, ты эти слова?...
дѣйствительно ты славнымъ ихъ дѣломъ доказалъ.

Шуховъ.

Полно, что такое, я ничего не знаю. Скажи пожалуйста,
гдѣ Пфафъ?

Бобровъ (*показывая на входящаго барона*).

Спросите его... вамъ лучше знать (*примѣшивается къ
толпѣ*).

Баронъ (*къ Шухову*).

Шуховъ, ты Пфафа не видалъ?...

Шуховъ (*тревожно*).

Я только тебя баронъ, хотѣлъ спросить объ немъ. Гдѣ онъ?

Баронъ.

Я его ищу весь вечеръ... мнѣ его необходимо нужно...

Шуховъ.

Да гдѣ же онъ, чортъ побери? Знаете ли что, любезнѣйшій баронъ, мнѣ начинаетъ казаться, что тутъ что-то не совсѣмъ *comme il faut*.

Баронъ.

Что же такое? Я этого такъ не оставлю!..

Явленіе XVШ.

Тѣ же и слуга.

Слуга (*съ безпокойнымъ видомъ, отыскавъ Розенберга*).
Христьянъ Христьяновичъ — полиція!

Розенбергъ.

Что?

Слуга.

Полиція-съ...

Розенбергъ.

Что такое?

Слуга.

Полиція къ намъ.

Розенбергъ (хватаясь за карманъ).

Полиція!... зачѣмъ?... Я ужасно боюсь!... Зачѣмъ полиція.

Слуга.

Не могу знать, Андрея Андреевича спрашиваютъ.

Розенбергъ.

Пфафъ... зачѣмъ? Да гдѣ же онъ, гдѣ Пфафъ, я его давно не вижу.

Слуга.

Андрей Андреичъ изволили уѣхать.

М-мъ Пфафъ.

Уѣхаль... куда? зачѣмъ уѣхаль?..

Розенбергъ.

Кто уѣхаль?

Слуга.

Г-нъ Пфафъ.

М-мъ Пфафъ.

Боже мой!

Розенбергъ.

Куда, когда уѣхаль?

Слуга.

Да еще въ самомъ началѣ-съ, изволи взять мѣшокъ, что деньги берутъ; ничего не сказали и уѣхали...

Розенбергъ.

Что же это такое значитъ, господа? Тереза, что это такое?

Тереза.

Я ничего не знаю, папа... я ничего не знаю, зачѣмъ полиція... куда онъ уѣхалъ... я, папа, ничего не знаю...

Розенбергъ.

Чтожъ это такое? Въ такой день! Господа да не случилось ли чего съ нимъ...

М-мъ Пфафъ.

Боже мой,... постойте,... пусти, пусти скорѣе полицію...

Галатти.

Погодите, я переговорю (*идетъ къ дверямъ*).

Явленіе XIX.

Тѣ же, частный приставъ, полицейскій офицеръ и полиція, которые остаются у дверей.

Приставъ.

Извините господа, что я разстроиваю вашъ семейный праздникъ. Я имѣю экстренное предписаніе арестовать Г-на Оттона-Юліуса-Пфафъ, торгующаго подъ фирмою Гунгеръ и Пфафъ; иностранца барона фонъ-Рейнфельдъ и русскаго подданнаго Семена Васильевича Шухова! (*Общее движеніе*). Они обвиняются въ поддѣлкѣ документовъ, дисконтированныхъ у Г-на откупщика Басова... Я желаю видѣть Г-на Пфафъ! (*Общее молчаніе... М-мъ Пфафъ, поражен-ная остается въ сторонѣ; Розенбергъ стоитъ противъ съ вопросительнымъ взглядомъ, Шуховъ пятится къ дверямъ*).

Галатти.

Держите Шухова! Г. приставъ Пфафъ, вѣроятно, скрылся.

Шуховъ (выходя).

А, здѣсь Шуховъ и (показывая на барона) баронъ фонъ-Рейнфельдъ (тихо приставу). Послушайте, приставъ, я имѣю вамъ передать одну тайну, касающуюся нашихъ польскихъ дѣлъ, я тутъ невинно замѣшанъ.

Приставъ.

Очень хорошо, васъ выслушаютъ... Вы г-нъ баронъ Рейнфельдъ?

Баронъ.

Да, я баронъ, но позвольте, я этого такъ не оставляю... Позвольте, я обмануть, я ничего не знаю, я не знаю здѣшнихъ законовъ, я не знаю что поддѣльное, что настоящее; я иностранецъ, я баронъ, я, наконецъ, обиженъ и не хочу остаться здѣсь, здѣсь низость, подлость, вертепъ разбойниковъ, меня мараютъ это общество. Позвольте мнѣ, я сейчасъ къ посланнику... (Галатти и Бобровъ берутъ совершенно потерявшагося Розенберга и сажаютъ его въ кресла на аванъ-сцену; къ нему также подходитъ Софи).

Приставъ.

Не горячитесь, баронъ, вы будете у посланника. И такъ г-на Пфафъ нѣтъ въ домѣ?

Бобровъ.

Его дѣйствительно нѣтъ.

Приставъ (къ офицеру).

Сдѣлайте обыскъ и примите быстрыя мѣры.

Розенбергъ.

Что это все сонъ или дѣйствительность? Поддѣланные документы, арестъ, какъ же мнѣ смотрѣть послѣ этого въ глаза честнымъ людямъ? Простите меня, простите (*Бобровъ и Софи берутъ его подъ руки и сажаютъ въ глубинѣ сцены*).

Баронъ (*горячась*).

Но я этого такъ не оставлю.

Шуховъ.

Полноте-ка баронствовать баронъ, подумаемъ-ка лучше на что-то намъ придется перемѣнить вотъ этотъ бальный фракъ?

Бобровъ.

На куртку сѣрую съ крестомъ на спинѣ, какъ на самый приличный для васъ костюмъ.

Баронъ.

Изъ куртки легко снова сдѣлать фракъ.

Шуховъ.

Умно! Лишь только фалдочки прибавить...

Бобровъ.

Замѣтно будетъ...

Шуховъ.

Ничего... мы тогда въ него положимъ сотню тысячъ, а мало ли у насъ народа съ такою суммой въ подобныхъ фракахъ щеголяетъ?

(*Офицеръ съ полицейскими возвращаясь*).

Г-на Пфафа не оказалось!...

Приставъ

Милости просимъ, господа.

Шуховъ (*уходя вмѣстѣ съ барономъ и полиціей*).

А, вѣдь дѣйствительно прогрессъ: полиція у насъ много учтивѣе стала.

Андрей Моксенъ (*къ оставшимся*).

Вотъ я не разъ говорилъ вамъ, господа, что не доведутъ насъ до хорошаго всѣ эти русскіе вопросы.—

Цендель.

Э, успокойтесь, Андрей Ивановичъ, нынѣ ужъ одинъ паршивый баранъ не портитъ цѣлаго стада.. Въ насъ еще велика вѣра...

Галлати.

Еще поживемъ! Только не такъ горячо, господа. Qui va piano va sano.

Бобровъ (*къ публикѣ*).

Прислушайтесь! Вотъ они наши благодѣтели!

КОНЕЦЪ.

Простая

Милости просим, господа.

Шуховъ (уходя влѣвомъ съ барономъ и полковникомъ).

А, вѣдь действительно простецъ: пошла и наскучило
ушишке стало.

Андрей Моксентъ (къ осматривающему).

Вотъ в не разъ говорилъ вамъ, баронъ, что не говоритъ
намъ то хорошее, все эти русскіе вопросы —

Пенда

В. Успокойтесь, Андрей Назаровъ, намъ уже одна нар-
шнѣй дѣлана не пошла дѣла. Вѣ наскучило еще
вѣлка вѣра.

Тяжело

Еще поживемъ! Только не такъ говорю, господа. Ой вѣ
дѣлаю въ снѣгъ.

Вопросъ (къ вѣдущему).

Праскушайтесь! Вотъ она наша дѣлота!

конца.

ВСТРѢЧИ.

По дороге в деревню, мимо избы.

Историческая повесть.

ВСТРѢЧИ.

Ирина

Ирина просит, Господи.

III Шухов: (Удова вилася за боромом и похилила).

А, вѣдь дѣйствительно прорубает: пошла и наша инота
утихаете слыла.

Андрей Мокент (из оспавивши).

Вот и не раз говорила вам, Господи, что не хоругва
наша до хоругвы: вот эти русские хоругвы —

Ирина

В. успокойтеся, Андрей Иванович, вы же одна нар-
пный дѣлане не пошла дѣлать слыла. В. наша еще
велика вѣра.

Ирина

Кто поживает! Только не так горит, Господи. Ой вѣ
дано за гано.

Водовз (из вѣдши).

Праскушайте! Вот она наша дѣлательна!

Ирина

Я М Щ И К Ъ.

Не дорогъ подарокъ, дорога любовь.

(Надпись на валдайскомъ колокольчикѣ).

Нѣтъ ничего скучнѣе, дожидаясь рѣшенія дѣла въ гражданской палатѣ, или выдачи какой-нибудь квитанціи, сидѣть въ непріютномъ номерѣ постоялаго двора губернскаго города, въ которомъ не имѣешь знакомыхъ. Я испыталъ это удовольствіе. Постоялый дворъ, на которомъ угодно было судьбѣ и чиновникамъ приучать меня къ долготерпѣнію, ничѣмъ не отличался отъ прочихъ учрежденій этого рода. На темномъ, крытомъ дворѣ стояли повозки, бродили ямщики въ полушубкахъ, ходилъ козель, котораго держатъ обыкновенно для предохраненія лошадей отъ нападковъ домоваго и для увеселенія ямщиковъ, ожидающихъ работы. Запахъ отъ васьки (повсемѣстная русская кличка козла) проникалъ въ корридоръ и комнаты, что не мало увеличивало пріятность моего пустынножителства. Наскучивъ лежаньемъ на жесткомъ кожаномъ диванѣ, изучивъ въ подробности архитектуру церкви, стоявшей противъ моихъ оконъ, и насмотрѣвшись вдоволь на проходящихъ, я надѣлъ шубу (такъ какъ дѣло было зимою) и вышелъ за ворота.

На улицѣ закладывали тройку какимъ-то купцамъ, изъ которыхъ одинъ спалъ въ кибиткѣ, а другой покупалъ калачи. Я сѣлъ у воротъ на лавку. Толпа ямщиковъ стояла подлѣ повозки, дѣлая, по временамъ, замѣчанія закладывавшему лошадей мальчишкѣ. Одинъ изъ нихъ, средняго роста, кудрявый, въ накинутомъ съ нѣкоторымъ щегольствомъ сверхъ полушубка армякѣ и съ заломленною на

бокъ шапкою, подошелъ и сѣлъ подлѣ меня на лавку. Лицо и вся фигура ямщика были мнѣ знакомы; я сталъ всматриваться.

«Что баринъ? али не узнаёте?» началъ онъ, приподнявъ шапку.

— Нѣтъ, не могу узнать», отвѣтилъ я.

«Микита изъ Баклаева; ѣзжали съ вашимъ степенствомъ не мало».

— Никиту изъ Баклаева какъ не знать», отвѣчалъ я. «А ка-бы ты не сказалъ, никакъ бы мнѣ не узнать тебя: переѣхался, братъ, ты сильно».

«И время-то много прошло; давно мы съ тобой не видались-то, проговорилъ ямщикъ, задумчиво опустивъ голову. И многого во мнѣ противъ прежняго нѣтъ. Укатали сивку крутыя горки».

— Кто съ работой ѣдетъ?» перебилъ разговоръ нашъ сѣдой ямщикъ.

«Сенька,» отозвался рыжій мужикъ въ тулупѣ.

— Ну, такъ отдай ты, на вотъ, шесть гривенъ за овёсъ Матрѣнѣ, да двадцать копѣекъ вычти съ нее: Антикъ за другую работу, значить, слѣдуетъ полтина.»

Проговоривъ это хитрое уравненіе и вручивъ Сенькѣ мѣдными пятаками, что слѣдовало, старикъ подошелъ къ моему сосѣду.

«Завтра съ утра поѣдешь,» сказалъ онъ ему.

— Ладно,» отозвался Никита: «а другая работа?»

«Завтра и другая. Вмѣстѣ поѣдетё.»

Въ это время купецъ влѣзъ въ кибитку; тройка отправилась и ямщики разошлись. Мы остались вдвоемъ съ Никитой. Начинало смеркаться.

Лѣтъ пятнадцать я не видался съ нимъ. Когда-то, живши не подалеку отъ Баклаева, я часто ѣзжалъ съ нимъ и съ отцемъ его. Баклавскіе ямщики были извѣстны тогда въ нашемъ околоткѣ; у Нититина отца лошади были отличныя; мужикъ онъ былъ зажиточный, держалъ никакъ троекъ до восьми.

— Старикъ-то твой живъ ли?» спросилъ я.

«Померь. Вотъ девять лѣтъ будетъ на масляной какъ померь».

— А ты все въ Баклаевѣ живешь?

«Нѣтъ въ Баклаевѣ племяннику сдали; а я ужъ и въ почтовыхъ былъ, и въ Москву ходилъ счастья искать»... отвѣчалъ Никита.

— Отчего-жь ты изъ Баклаева-то удралъ? спросилъ я.

«Такая ужъ планида, значить, мнѣ вышла», отвѣчалъ улыбаясь Никита. «Позамотался, значить...; купца Алексѣя Семеновича Станишникова не знавали»? спросилъ онъ меня, нѣсколько помолчавъ.

— Нѣтъ не зналъ», отвѣчалъ я. «А что-жь этотъ купецъ»?

«А, этого самаго купца я на барской дочери, значить, женилъ», съ вѣсомъ проговорилъ Никита, выпрямившись и запахнувшись армякомъ.

— Какъ-такъ? Расскажи, братъ, пожалуста», сказалъ я.

«Такъ и женилъ», разсмѣявшись и поправивъ шапку, отвѣчалъ Никита. «Дѣло было, значить, такое: Алексѣя Семеныча я съ малыхъ дѣнь знаю. Старикъ мой отъ его отца много работы видалъ. Купцы были они старинные; деньгами ворочали большими. Мы и съ ними, и съ прикащиками ихними и съ товаромъ, кажинный годъ, ѣздили въ Нижній, на Ростовскую и въ другія мѣста, гдѣ, значить, дѣла они дѣлали. Съ купцами ѣзда, извѣстно дѣло, хорошая; вотъ мы и свели знакомство съ Алексѣемъ Семенычемъ; оба молодые были, ѣдемъ вдвоемъ, калякаемъ отъ скуки. Бывало я ему: что, молъ, Алексѣй Семенычъ, прикажешь коленцо сдѣлать»? «Сдѣлай», говоритъ, «Никита». Вотъ ты ему, эдакъ, версту, другую и сдѣлаешь, — пристяжные чуть постромки уносятъ. Старикъ мой ругается, бывало, прѣдешь домой; зачѣмъ вишь, лошади въ мылѣ? А и скупъ былъ, старый, не тѣмъ будь помянуть, на лошадей».

— Ыдемъ мы разъ съ Алексѣемъ Семенычемъ, вечерять ужъ стало, на Нѣзугу; знаете можетъ, за Волгой, село есть? Расплатиться онъ ѣздилъ туда за пряжу съ мужиками. Подѣзжаемъ къ кабаку, я и говорю ему: «а что молъ, Алексѣй Семенычъ, поднести бы ямщику надо, охотнѣе бы ѣхать было». Онъ даль мнѣ четвертакъ; «возьми», говоритъ, «пол-

штофа, да принеси сюда, и я выпью». Я подумалъ, онъ ба- лагурить; до этого случая, онъ какова есть капля, и той въ ротъ не биралъ. Одначе, вынесъ я. Взялъ онъ у меня полуштофъ, гляжу... почти половину выпилъ. Я допилъ по- слѣдки, отдалъ посудину и поѣхали. А въ эту дорогу Алек- сѣй Семенычъ скучный-прескучный былъ, то есть слова отъ него добиться нельзя было. Надоѣло мнѣ въ молчанку играть, я и затянулъ пѣсню. Онъ, это, слушалъ, слушалъ, да говорить: «что-то ты, братъ, Микита за тоску поешь? Спѣлъ бы, повеселѣе какую, а то, и безъ того», говорить, «тошно». Я ему: «что, моля, такъ? Что за тоска у тебя, Алексѣй Семенычъ? Не зазнобушка ли ужъ какая, грѣхомъ завелась?» «Не безъ того, братъ», говорить. И рассказалъ онъ мнѣ тутъ, что ходитъ къ нимъ въ лавку, почитай, ка- жинный день, барышня; «ужъ такая», говорить, «красави- ца, что и не расскажешь». (Я хоть и смекнулъ тотчасъ: чьихъ она: окромя барской дочки быть некому; и въ лавку къ нимъ часто ходитъ, это и мы замѣчали; одначе виду никакого не показавъ, — будто ничего не знаю.) «На прош- лой недѣлѣ увезъ», говорить «отецъ ее въ деревню. Съ тѣхъ поръ», говорить, «какъ вотъ пересталъ я съ ней ви- даться, вотъ точно оторвалось», говорить, «что у меня отъ сердца. Ночи не сплю, а день какъ шальной хожу. Отдать», говорить, «за меня не отдадутъ ее, да и сама она не пой- детъ за нашего брата, аршинника. Она», говорить, «роду дворянскаго, а дворянскимъ родамъ съ нашими родниться не стать. Самъ», говорить, «я это все знаю, а тоски унять не могу. Сосеть вотъ что-то», говорить, «сердце, да и ша- башъ». Я пожалѣлъ его: «плохо», говорю, «это дѣло, Алек- сѣй Семенычъ». Такъ мы, тогда, разговоръ этотъ съ нимъ и покончили».

«Барина, значить, отца этой барышни мы знали доволь- но. Имѣнье у него богатое подъ городомъ, никакъ душъ двѣсти, Знаменское село было. Деньгамъ счету не зналъ, а скѣпъ былъ ни на что не похоже; ни у него гостей, ни онъ куда въ гости, — этого у него и заведенья не было».

— Отвезъ я Алексѣя Семеныча въ Нбзogu; онъ тамъ оста- таяся, а я вернулся съ тремя сѣдоками домой. Недѣли че-

резъ три эдакъ поѣхали мы съ нимъ, ни въ Великое, ни въ Тягучево, за полотнами онъ ѣздилъ; по нашему мѣсту купечество большую торговлю этимъ товаромъ ведетъ, и въ Питеръ и въ Москву отправляютъ. И велѣлъ онъ мнѣ съ тройкой въ трактиръ, у самой заставы былъ тутъ у насъ, пріѣзжать. Пріѣхалъ я, дожидаясь. Черезъ часъ эдакъ мѣста, выходитъ мой Алексѣй Семенычъ сильно грузѣнъ;—насилу влѣзъ въ кибитку. Думаю: плохо дѣло, малый-то, значить, зашибать не на шутку началъ. Вышить какъ не вышить, а ужъ какъ если сильно-то эвтимъ заниматься начнешь, добра не жди отъ него проклятаго. Выѣхали за городъ, — онъ и началъ: и пѣсни-то поетъ, и плеть у меня вырываетъ, лошадей хлестать сталъ... я его, было, унимать сталъ, — куда те... Шумѣть бы, пожалуй, шуми, въ полѣ шуму одинъ не надѣлаешь, да на ноги все вскакиваетъ, того гляди, изъ повозки выпадетъ. «Поѣдемъ въ Знаменское». «Чтожь», говорю я ему, «хорошаго, Алексѣй Семеновичъ, изъ эвтого будетъ? Накладутъ намъ съ тобой въ спину, да шею натолкаютъ въ Знаменскомъ, а горю своему, все-таки, ты эвтимъ не пособишь». И такъ онъ, съ той поры, кажинный разъ все хмѣльный ѣздилъ. Разъ чуть деньги не растерялъ; догадала меня нелегкая на овесъ у него попросить; онъ бумажникъ-то вынулъ, да и давай швырять бумажки по полу; хорошо, что при мнѣ это было; извѣстно дѣло, мы Бога боимся, а вѣдь тутъ, на постояломъ, всякой народъ бываетъ... Долго ли до грѣха?

— Жаль мнѣ его, больно, стало. Человѣкъ-то онъ былъ рѣдкій; то дорого было въ немъ, что завсегда онъ съ тобой обо всемъ поговорить, потужить. Человѣкъ былъ душевный. Вотъ и началъ я его разъ уговаривать: «ты», говорю, «разузнай какъ нибудь, Алексѣй Семенычъ, записку, что ли», говорю, «напиши; знаетъ ли она, что ты по ней крушишься»? Боялся онъ долго писать; иначе уговорилъ я его; написалъ онъ записку и отправилъ съ дѣвкой; прикащика барскаго дочь была вишь у ней въ прислугѣ. Письмо это, значить, послалъ онъ и сейчасъ меня вечеромъ туда же отправилъ, чтобы, если отвѣтъ какой будетъ, привезти ему сейчасъ же. Пріѣзжаю я въ Знаменское, дожи-

даюсь за селомъ. А ужъ у насъ эвтой самой, съ прикащиковой дочерью стачка была: вотъ что молъ, выходи туда-то и туда, что ужъ я буду дожидаться. Стою я, а самъ думаю: «какъ вышлетъ баринъ холопьевъ, да схватятъ меня голубчика...; лошадь хотъ хорошую заложилъ я въ сани, да вѣдь не ровень случай, пожалуй у нихъ на конюшнѣ и получше моей найдется». Съ часть, эдакъ мѣста, прождалъ я; — гляжу, выходитъ изъ-за овина кто-то. Я легъ въ розвальни, тронулъ лошадь и пошелся по дорогѣ, какъ не мое дѣло. Ночь была мѣсячная. Вижу платкомъ машутъ мнѣ; а ужъ это все, значить, у насъ сговорено было: что и какъ. Подходитъ ко мнѣ Аксинья, прикащикова дочь эвта самая. «Ну что?» спрашиваю я у нее. «Записка», говоритъ, «къ Алексѣю Семенычу есть». Положилъ я письмо за пазуху, простился съ ней и пустилъ, что есть духу, въ городъ. Приѣзжаю къ себѣ на дворъ (старика моего дома не было, а то бы и не урвался, пожалуй, при немъ съѣздить, а ужъ мой Алексѣй Семенычъ тутъ; бѣжитъ мнѣ сердешный навстрѣчу. Я ему сейчасъ записку подаю; весь такъ онъ и вспыхнулъ, и побѣжалъ читать въ харчевню. Я убралъ лошадь, иду туда же; спрашиваю: «какъ и что, молъ, Алексѣй Семенычъ»? Мой Алексѣй Семенычъ себя не слышитъ отъ радости. «Вѣсти», говоритъ, «хорошія привезъ ты; Микитушка. Только, что толку», говоритъ, «изъ эвтого будетъ.» «А коли вѣсти хорошія,» говорю я ему, «Алексѣй Семенычъ? такъ не горюй; подумаемъ — погадаемъ, авось и выдетъ какой нибудь толкъ». «Что же», говоритъ, «такое ты выдумалъ Микита»? «Теперь», говорю я, «толковать объ этомъ не время; а вотъ, я померекаю и скажу тебѣ, какъ поѣдемъ куда нибудъ вдвоемъ.» Роспили мы съ нимъ тутъ три пары чаю и разошлись.

Послѣ эвтого раза мало мы съ нимъ видались; то я все въ разъѣздахъ былъ, тутъ старика его параличъ разшибъ; значить, ему разъѣзжать некогда было, надо было дома самому всѣмъ орудовать. Самъ хозяиномъ сталъ, а ихъ купеческое дѣло такое, что на другихъ понадѣяться не во всемъ можно. Такъ, о великомъ посту, приѣхалъ я только что домой, съ господами ѣздилъ не подалёку, сидимъ мы,

обѣдаемъ, входитъ въ избу прикащикъ Алексѣя Семеныча Никифоръ, изъ Тямина, вотъ на большой дорогѣ, государственные. «Хозяину», говоритъ, «тройка съ кибиткой требуется», «Самъ что ли ѣдетъ»? «Самъ», говоритъ, «да наказывалъ, какъ можно, чтобы Микита ѣхалъ». Старикъ мой говоритъ: «ладно, собирай тройку, Микита». Я пошелъ, думаю самъ про себя: «знаемъ, Алексѣй Семёнычъ, на что тебѣ Микита надобёнъ». Собралъ я тройку, одѣлся и поѣхалъ. Изъ Баклаева, вашему здорovью извѣстно, рѣку перѣѣхалъ и въ городъ. Привелъ я тройку, ужъ къ вечернямъ звонили, а черезъ часъ, эдакъ, выѣхали мы съ нимъ. Ёхалъ онъ въ губерню; понавѣдать хотѣлъ, значить, купцовъ, съ которыми они дѣла вели; старикъ его захворалъ, надо было, выходить, самому ихъ понайти; опять же его дѣло молодое, первому надо съ поклономъ быть. Вотъ, ѣдемъ мы съ нимъ, дожидаясь я: не заговорить ли? Молчить мой Алексѣй Семёнычъ, лежитъ въ кибиткѣ. Миѣ самому начать, извѣстно дѣло, не приходится; хоша мы и имѣли съ нимъ, напримѣръ, знакомство... ну да вѣдь теперь, думаю, самъ хозяиномъ сталъ: какъ покажется... наше дѣло простое. Проѣхали, эдакъ, вёрсть пятокъ, смеркаться стало. «Постой», думаю я самъ себѣ, «попытаемъ сторонкой, коли прямой дорогой нельзя». Пустилъ я рысцѣй тройку, да и затянулъ, знаете можетъ, ваше здорovье, пѣсня въ нашихъ мѣстахъ поется:

Какъ случилася пропажа
У Мошкова на дворѣ,
Что не сто рублей пропало,
Что не тысячу рублей,
Пропадала, западала
Дочь любимая его.

«Проѣлъ я эвту пѣсню-то, да на лошадей: ахъ вы соко-
лики, ударю... Нашихъ одровъ изволите чай помнить; толь-
ко свисни, — взбѣлятся, удержу нѣтъ. Колоколець звон-
кой, раззвонкой у меня былъ, за двѣ вёрсты, бывало слы-
шать — Микита ѣдетъ. Разгулялись мои клячи, — самому
любо. Я эвто, покрикиваю на нихъ, а самъ ухо навост-

рилъ, слушаю: что отъ него будетъ? Посмотрѣлъ эдакъ искося: не спитъ ли? Не спитъ, приподнялся вижу, мой Алексѣй Семенычъ, задумался, — глядитъ, сердешный, въ сторонку; слышу, вздохнулъ. Я одержалъ лошадей и поѣхалъ рысью. Всю дорогу эвту онъ ни слова со мной не говорилъ: лежитъ да молчитъ; и я молчу, занимаюсь своимъ, значить, дѣломъ. А губернія отъ насъ, вашему здоровью извѣстно, сорокъ двѣ версты считается».

— Приѣхали мы на свой дворъ, къ Евлахину, всегда ужъ мы тутъ и съ нимъ, и съ старикомъ его стояли; онъ пошелъ, значить, въ горницу, а я, убралши лошадей, въ избѣ спать улѣгся. На другой день онъ по своимъ дѣламъ пошелъ, на третій то же; дѣло эвто меня не касается, — такъ мы съ нимъ дѣнь пять и не видались. На шестой ужъ, сижу я, въ сумерки, у воротъ на лавкѣ, вотъ какъ и съ вашей милостью теперича, примѣръ взять, калякаемъ съ ямщиками, подбѣгаетъ ко мнѣ Маремьяна, стряпуха хозяйская: «на вотъ», говоритъ, «Микитушка, штиалтынный; дойди до лавочки, свѣчу сальную возьми Алексѣю Семёнычу». Я пошелъ, взялъ свѣчку, иду къ нему въ номеръ. Онъ лежитъ у стола на диванѣ; я поклонился, положилъ на столъ свѣчку и сдачу, что слѣдовало, и пошелъ было. «Погоди», говоритъ, «Микита». Я всталъ у дверей. «Садись». Я, было, ему «я», молъ, «и постою, Алексѣй Семенычъ, наше дѣло крестьянское».... «Нѣтъ, садись; сдѣлай милость садись». Сѣлъ я, нечего дѣлать. «Скажи», говоритъ, «ты мнѣ Микита: отчего ты пѣсню дорогой такую пѣлъ? Вѣдь это», говоритъ, «не ямщицкая пѣсня. Ты думаешь», говоритъ, «я не слыхалъ? Я словечка не проронилъ», говоритъ. Я, было, ему: «изъ пѣсни», молъ, «слова не выкинешь, Алексѣй Семенычъ; а запѣлъ я ее и самъ не знаю почему, вздумалось ее запѣть».... «Ну», говоритъ, «Микитушка, это, выходитъ, однѣ промежъ насъ рѣчи пустыя; я», говоритъ, «тебя знаю и ты меня, кажись, не сегодня узналъ.... Не спрѣта ты эвту пѣсню запѣлъ, признайся? Я, эдакъ, поусмѣхнулся на эвту его рѣчь, онъ всталъ съ дивана, подошелъ ко мнѣ, а у самого слезы на глазахъ. «Ну», говоритъ, «Микита, можетъ и не хорошее дѣло мы затѣваемъ, а видно Богу такъ

угодно, до времени, смотри же», говорить, «ни кому объ этомъ не гугу, и промежь собой, покуда, много толковать нечего. Надо сначала развѣдать, да разузнать коё-что». «Ужь безъ этого», говорю я ему, «самъ знаешь, Алексѣй Семенычъ, эдакое дѣло дѣлать нельзя; — надо аукнуться, да послушать какъ откликнется». Вотъ съ этого разговора дѣло и началось. Смѣкнулъ, думаю я самъ про себя; парень толковый, значить, путь будетъ.

«Это дѣло было, такъ эдакъ, сегодня, а на другой день, чѣмъ свѣтъ, поѣхали мы съ нимъ въ обратный. Ъхаль онъ не одинъ, а съ другимъ купцомъ, нашимъ же, Толоконниковымъ прозываютъ; значить, о дѣлѣ этомъ молчать надо было. Ъздили-то мы ни на третьей, ни на четвертой недѣлѣ великаго поста, а на Оминой ѣду я, въ телѣгѣ (Святая въ тотъ годъ поздняя была, на колесахъ ѣздили); за Знаменскимъ деревушка есть, къ мужичку одному, сына поспрошать, нѣтъ ли, значить, продажнаго. Гляжу, Аксинья, дѣвка эта барская, идетъ пѣшкомъ съ базара: «Микита, здорово». «Здравствуй, красавица». Слово за слово; «садись», говорю, «я тебя подвезу, а отъ скуки покалякаемъ», Она сѣла. Вотъ я ее и спрашиваю: «ну что, молъ, у васъ дома поддѣлываютъ, какъ барышня ваша живетъ-можетъ?» «Что», говорить... «Микитушка, какое моей барышни житье, вставши да за вытье». Что такъ? «Да что», говорить: «дѣло ея молодое и погулять тоже, и въ люди хочется показаться, а нашего-то» говорить «пентюхъ, барина, съ мѣста не сопрешъ; самъ сидитъ дома и ее, бѣдную, морить. «Вотъ», говорить, «только и радости, къ намъ въ дѣвичью выдетъ поболтать; такъ и за то бранить, старый песь: «тебѣ», говорить, «простыя дѣвки не компанія, отъ нихъ», говорить, «окромя худаго, ничему не научишься». Книжку возьметъ, опять не хорошо; «много», говорить, «читаешь; вредитъ тебѣ». «День денской», говорить, «ворчитъ на нее. Она», говорить, «сердешная, слушаетъ, слушаетъ, придетъ къ себѣ въ опочивальню, кинется въ подушки, зальется слезами, такъ, часъ цѣлый» говорить, «и пролежитъ, проплачетъ. Заѣлъ», говорить, «онъ ея молодость. Сохнуть начала голубушка. Выйдетъ», говорить, «къ намъ: «хорошо», гово-

рить, «вамъ дѣвушки: вы и въ лѣсъ-то сходите по ягоды, и въ порѣлки-то побѣгаете, и на хороводы посмотрите»...; а у самой слезки на глазахъ. Мы утѣшаемъ ее, ручки цѣлуемъ, говоримъ: вотъ матушка барышня, Богъ дастъ, свадебную пѣсенку вамъ пропоемъ, и вы повеселитесь, да погуляете не по нашему». Вздохнетъ на эту рѣчь она, да и пойдетъ по горницѣ ходить; «долго», говоритъ, «ходить изъ угла въ уголь; мы часто», говоритъ, «смотримъ на нее тихонько изъ-за дверей, да плачемъ. Со стороны-то глядя на нее, измучишься. Извѣстно», говоритъ, «кабы покойница матушка ея жива была, не то-бы и было». «Ну, а какъ», я говорю, «на счетъ Алексѣя Семеныча? Поминаетъ она его? Али, значить, эвто дѣло такъ и покончила?» «Много», говоритъ, «будешь знать, скоро состарѣешься, Микитушка; а сама усмѣхнулась моя дѣвка на это. Дѣло видное, я и допрашивать больше не сталъ. У села слѣзла она съ телѣги, пошла своей дорогой, а я своей, куда слѣдуетъ, поѣхалъ. Вотъ сторговалъ я у мужика сѣно, ѣду вечеромъ обратно, проѣхалъ Знаменское, выѣзжаю за овины: «правѣ держи», слышу, кричитъ кто-то сзади. Я своротилъ съ дороги, — пырь мимо меня, телѣжка въ одну лошадь. Я, эдакъ, посмотрѣлъ: Алексѣй Семенычъ, назвалъ я его. Оглянулся и лошадь остановилъ. «Микита, ты?» «Я», говорю, «Алексѣй Семенычъ. Откуда, твою милость, Богъ несетъ?» «Гдѣ былъ тамъ ужъ меня нѣтъ», говоритъ а самъ усмѣхается, — молодцомъ такимъ. Изъ себя онъ хватъ былъ, нечего сказать; стройный, высокій, бровь дугою.... Заглядывались на него купчихи не мало; да не одиѣ купчихи, и повыше ихъ, значить, чиномъ примазывались. Парень-то онъ былъ смирный; другой бы на его мѣстѣ много дѣла надѣлалъ. «Мнѣ», говоритъ, «надо съ тобой потолковать, Микита. Побывай-ка», говоритъ, «ты завтра у меня; скажи старику своему, что я велѣлъ за расчетомъ придти; неровно», говоритъ, «старикъ самъ пойдетъ, такъ скажи ему, что тебѣ именно велѣлъ; нужно де ему ѣхать, такъ объ эвтомъ тоже переговорить хочетъ». «Что же», спрашиваю я его, «повидали ли хошь?» «Дѣло», говоритъ, «на ладъ идетъ; далъ бы Богъ только», говоритъ, «акуратнымъ манеромъ, какъ

сѣдовательно, сдѣлать его. Завтра обо всемъ переговоримъ. Послужи»; говоритъ, «мнѣ, Микитишка, а я тебя не забуду». «Для вашего здоровья», говорю я ему, «кажется въ огонь и въ воду готовъ; не то что, напримѣръ, изъ корысти, али изъ чего инаго прочаго, а, то есть душу готовъ отдать.... И какъ же иначе было мнѣ говорить? Человѣкъ, эдакій, душевный. Въ эдакомъ случаѣ, какъ ему не помочь, если еще мало-мальски, что нибудь въ тебѣ есть, сколько нибудь, значить, привѣтъ его и добро помнишь? Онъ мнѣ на это: «спасибо», говоритъ, «Микита; вѣкъ я твоего доброхотства и желанія не забуду. Много-бы», говоритъ, «хотѣлось съ тобою поговорить, да дѣло», говоритъ, «признаться, есть спѣшное; человѣчикъ одинъ меня дожидается, а oprичъ того», говоритъ, «боюсь не увидалъ бы насъ кто». Простились мы; онъ поѣхалъ впередъ рысью, а я пустилъ шагкомъ свою клячу, легъ въ телегъ и пѣсню запѣлъ; важная, наша ямщицкая; чай слышали, ваше здорье, Баклаевскіе поютъ:

Улетаетъ мой соколикъ, да изъ очей моихъ, да изъ глазъ,
Во слезахъ я просила его: хоть немножко ты со мною поживи.

«Вотъ какъ дальше-то, позабылъ. Постой». (Разскащикъ прошѣлъ тихонько половину послѣдняго стиха и тотчасъ вспомнилъ).

«Мнѣ велеть ли душечку, мнѣ млую, велеть бросить, позабыть
«Позабыть!... Я тогда дружка забуду, какъ закроются глаза...

«Вчужѣ разгорѣлось у меня ретивое.... эхъ, думаю, кажется все село увезу, не то что одну барышню!.. Молодь былъ, — тѣшило тогда все эдакое.... О чемъ, бишь у меня рѣчь-то пошла? Залепортовался совсѣмъ.... Да.... велѣлъ онъ мнѣ, значить, на другой день, безпремѣнно, къ нему придти. Наплелъ я своему старику такіе турысы на колесахъ, что люли только; что ужъ я ему, тамъ, такое нагородилъ, не помню, только что послалъ онъ меня съ расчетомъ, самъ не пошелъ. Прихожу я къ Алексѣю Семенычу; онъ самъ выходитъ ко мнѣ навстрѣчу; сейчасъ позвалъ

меня въ другую горницу, осмотрѣлся: нѣтъ ли кого, и дверь на замокъ заперъ; посадилъ меня, примѣромъ, вотъ здѣсь, а самъ сѣлъ вотъ гдѣ, теперича, ваша милость».

— Знаешь ли, — говоритъ, «Микита, на какое ты дѣло идешь?»

«Знаю», говорю, «Алексѣй Семенычъ».

— Да нѣтъ, — говоритъ, «ты, можетъ, знаешь, да не все.... Вѣдь, тутъ», говоритъ, «можетъ такая оказія выдти, что и подъ красную шапку, пожалуй, попадешь.... Какъ», говоритъ, «все это кончится, одному Богу извѣстно; простить насъ старикъ, — хорошо, а вѣдь если зартачится, да судиться начнетъ, вѣдь онъ и не насъ съ тобою засудить; съ сильнымъ не борись, и въ Писаніи сказано. Ты», говоритъ, «человѣкъ молодой, жена у тебя, отецъ старикъ-старый... такъ ты», говоритъ, «объ эвтомъ подумай».

«Онъ мнѣ это говоритъ, а у меня въ три ручья слѣзы, самъ не знаю отъ чего».

— Коли услуга», говорю, «моя не нужна тебѣ, Алексѣй Семенычъ, дѣло ваше; съ деньгами вы, эвакихъ слугъ, извѣстно, можетъ, не то что одного, сотню найдете; а я, такъ какъ, помня доброту вашу къ намъ».....

— «Нѣтъ», говоритъ, «Микита, такихъ», говоритъ, «услугъ за деньги не купишь». Заплакалъ и обнялъ меня.

«Вотъ я, твоему здоровью, какъ на духу говорю; то есть, значить, какъ промежъ насъ, все это дѣло было».

«Послѣ эвтого, говоритъ онъ мнѣ, что надо скоро дѣло дѣлать. Ёдетъ», говоритъ, «баринъ съ ней въ какую-то дальнюю усадьбу на полгода; значить, поторапливаться надо.— «Вотъ», говоритъ, «поѣдемъ, черезъ недѣлю, въ губерню, а здѣсь половина дѣла улажена». Поговорили мы тутъ съ нимъ, въ чемъ везти ее. Онъ, было, коляску; я ему, однако, отсовѣтовалъ: потому неровенъ случай, поѣдемъ мы вдвоемъ съ ней, ихнее, господское дѣло, нѣжное, ну ей чтонибудь, эдакое, приключится отъ страха, — ни мнѣ съ лошадьми, ни съ ней возиться. Придумали въ дрожкахъ безъ козелъ: я ее возьму; значить, передъ собой посажу и съ Богомъ. «Онъ, было, другаго кого со мной посылать.... «Никого», говорю, «мнѣ не нужно. Дай ты мнѣ только еъ

Аксюткой стукнуться, а уж доставимъ, куда слѣдуетъ, въ цѣлости». Ужъ это вдвоемъ, нѣтъ хуже; одинъ на другаго понадеется, да глядишь, бѣды, какъ разъ, и надѣлаютъ оба. «Какъ съ лошадьми? Не нанять ли», говоритъ, «въ губернии тройку»? «Нѣтъ ужъ», я говорю, «Алексѣй Семенычъ, тутъ нужны лошади извѣстныя; oprичъ своихъ, какъ хошь, ни на какихъ не поѣду». Переговоривши обо всемъ этомъ, отдалъ онъ мнѣ, по расчету, деньги сколько, значить, старику моему причиталось за работу и велѣлъ куда, какъ можно, не отъѣзжать».

«Недѣлю, эдакъ, спустя ѣздили мы съ нимъ въ губерню, заказали дрожки у перваго, значить, что ни на есть, мастера. Для эдакаго случая нельзя какую нибудь вещь брать, надо на нее, значить, надѣяться да и надѣяться; купили троѣчную сбрую полегче, безъ мѣди, знамо, чтобы не брячала; тутъ со звономъ подѣзжать не статья. Подговорилъ онъ двоихъ купцовъ, изъ молодыхъ, да, нѣкакова, офицера, свидѣтелями. Съ попомъ дѣло было ужъ, прежде этого, улажено. Верстахъ, эдакъ, въ двѣнадцати отъ Знаменскаго былъ, такъ не изъ богатыхъ, приходъ, Нефедьевымъ прозывался; отъ большой дороги стоялъ онъ въ сторонѣ, и крестьянскихъ-то дворовъ два, либо три всего при немъ было; жили при церкви одни причетники. Намъ, вѣстимо, это и на руку. Тутъ и положили вѣнчаться. Уладивши въ губерніи, все какъ, значить, слѣдовательно, ѣздили мы и въ Нефедьево. Тамъ то же уговорились: когда и какъ; чтобы ужъ все было, къ такому-то дню, готово. А придумали такъ: на другой день Ильи пророка пріѣхать къ мужичку одному въ Нефедьево, переночевать у него, да отъ него и ѣхать ужъ, значить, за невѣстой. Въ этихъ сборахъ, да хлопотѣхъ прошло, безъ малаго, три недѣли; покуда съ Аксиньей уладили, припасли все, какъ слѣдуетъ...; зря эдакое дѣло дѣлать нельзя. Надо было обо всемъ, значить, подумать».

«Ну а съ ней-то, видался ли онъ въ это время? перебилъ я, — Съ барышней-то? Еще бы... Кажинный вечеръ видался. У барина былъ за домомъ садъ, тутъ они и свиданіе имѣли; Аксинья всѣмъ этимъ завѣдывала, у нее и ключъ былъ поддѣланъ отъ калитки. Ужъ вы, ваше здоровье, ме-

ня не того.... не перебивайте; какъ бы мнѣ, выходить, не спутаться.... вотъ вѣдь и запомятоваль на чемъ остановил-ся. Эхъ-ма!...

«Ты говорилъ», началъ было, я....

— Пстой, вспомнилъ», перебилъ Никита. «Ну, мерекали мы не мало.... Съ дворовыми, опричь, этой самой, Аксины, ни съ кѣмъ стачки мы не имѣли; потому больше, что если много народу въ эдакое дѣло замѣшать, какъ разъ узнается. Окромя, городъ у насъ небольшой, другъ про друга и господа, и наша братья всякую малость, какъ разъ провѣдаютъ. За два дня Ильи, какъ сказано, благословился Алексѣй Семенычъ у родителя. «Ты», говоритъ, «батюшка, плохъ, не ровень случай, я вотъ», говоритъ, «въ губерню ѣду, благослови»; тотъ и благословилъ. Поѣхали мы, приѣзжаемъ; сейчасъ, привезъ я отъ мастера дрожки, новую сбрую пригналъ на лошадей, купилъ тесемокъ, впелелъ своимъ клячамъ, въ гривки; все оно попригляднѣе. На другой день, утромъ, заложилъ; хотѣлось дрожки попробовать за городомъ, да и лошадей-то маленько, знаешь, поприучить къ дрожкамъ; стойтъ моя тройка, какъ есть игрушечка. Ямщики добиваются: куда собираюсь? Я имъ, давай городить; нагородилъ съ три короба. «Ѣдемъ», говорю, «перегоняться съ однимъ помѣщикомъ на тройкахъ; кушцы», говорю, «о двухъ стахъ съ нимъ побились». Поѣхалъ, это я попробовать-то; ѣду городомъ, кто ни встрѣнется: «эхъ тройка важная»... Въ корень заложилъ я иноходца, не настоящій онъ, иноходець, а такъ съ перевальцомъ, а и ходко шель рысью; восемьдесятъ рублей далъ я за него на Великосельской. Пристяжныхъ взялъ изъ вороной тройки; старика моего любимыя были: лошади не крупныя, а ужъ, только возжей шевельни, — чувствуютъ. Кажинный день, до того какъ ѣхать намъ, значить, въ Нефедьево, раза по два я наѣзжалъ лошадей. Дрожки, такъ ужъ дрожки сдѣлалъ мастеръ; эти винтики тамъ, гайки словно вотъ влиты всѣ; не стукнетъ, не брякнетъ ни что, то есть, кажется, хоть съ крыши ихъ брось, ничто не сдѣлается.... На другой день Ильина, заложилъ я тройку свою, Алексѣй Семенычъ сѣлъ, съ однимъ изъ этихъ самыхъ свидѣтелей, ко мнѣ на дрожки,

офицеръ съ другимъ свидѣтелемъ въ коляску сѣли и поѣхали мы, всей честной компаніей, ужъ за своимъ значить, дѣломъ. Ямщики кричатъ мнѣ во слѣдъ: «смотриай, Микита, потѣшь купцовъ, не давай обгонять барину». «На руку охулки не положимъ», Богъ милостивъ», кричу я имъ, а самъ про себя думаю: «обогнать-то не обгонять, а не сугнѣли бы, — товаръ-то дорогій повезу».

«До Нефедьева тридцать верстъ мы, почитай, четыре часа, жалѣючи лошадей, ѣхали. Старикъ бы мой, на что ужъ, и тотъ бы меня, въ эвотъ разъ, похвалилъ за то, что лошадей берегу. Приѣхали мы въ Нефедьево ужъ пѣтухи пропѣли; напились мои купцы чаю и спать улеглись. Въ остальную, эвту ночь глазъ я не сомкнулъ; не спится, да и полно. Алексѣй Семенычъ, передъ свѣтомъ, изъ избы коня вышелъ, лежу я у лошадей, «что», говоритъ, «али и ты не спишь, Микита»? «Какой», говорю, «тутъ сонъ. Дѣло покончимъ, Богъ дастъ, свое возьмемъ, выспимся». Днемъ ужъ всхрапнулъ я, послѣ обѣда маленько. Часовъ, этакъ, въ девять вечеромъ, значить, заложилъ я своихъ соколиковъ, хлопнулъ стаканъ водки для куражу и поѣхалъ въ Знаменское, а Алексѣй Семенычъ къ попу, да молебень. Ужъ не знаю, каково ворами воровать, а мнѣ, помню, а и жутко пришлось. Ёдешь, а тутъ у дороги, вотъ, какъ есть, челоуѣкъ тебѣ стойтъ... — Разглядишь, — кустикъ. Плюнешь инды, — самому себя станеть стыдно. Ночь была темная. Эдакія дѣла, вѣстимо, при свѣтѣ не дѣлаются. Ёду я легонько; знай, сдерживаю лошадей. Подлѣзжаю къ Знаменскому, переѣхалъ у самаго села, тутъ черезъ ручей мостикъ, сердце у меня такъ и застучало. Вижу, огни ужъ вездѣ погашены; только въ барскомъ домѣ одно окошечко наверху, свѣтился; это, значить, въ ея горенкѣ. Спасибо, лошади мои... вѣдь вотъ поди ты, скоть-скоть, а понимаеть за какимъ дѣломъ идетъ: не фыркнетъ ни одна, бѣгутъ таково ровно, не горячатся, ни што... Переѣхалъ я мостикъ, осмотрѣлся, да сейчасъ, въ сторону, мимо гуменниковъ лугомъ, прямо къ садовой калиткѣ. Изъ эвтой калитки Аксинья и хотѣла выйти съ барышней. Вотъ ёду я, дѣбрый мѣлодецъ, не путемъ да и не дорогой, вдругъ,

кто-то, ровно вотъ изъ земли выросъ, стоитъ, шагахъ
этакъ въ пяти отъ меня на дорогѣ. Я не будь плохъ, сте-
гнулъ лошадей, да прямо на него; онъ отскочилъ, да
меня по заливку. Я одержалъ тройку. «Чтожь ты, го-
ворю, такъ тебя да эдакъ, дерешься то»? «Нѣшто, я», го-
ворю, «тебя трогаль? А самъ это, знаешь, ему говорю,
да изъ стороны въ сторону качаюсь, хмѣльнымъ прикинул-
ся. «А ты», говоритъ, пропилъ видно глаза то, пьяница
эдакая, что на человекѣ-то лѣзешь? Куда те», говоритъ,
«лукавый то несетъ? Какъ, куда несетъ? Тутъ большая до-
рога», говорю я ему, тутъ всякому ѣзда вольная, а тебѣ
драться», говорю, «не приходится»... А самъ все, знаешь,
мотаюсь изъ стороны въ сторону. «Развѣ», говоритъ, «тутъ
дорога-то? Вонъ гдѣ дорога... Поворачивай; вишь», гово-
ритъ, «какъ натрескался, что и дороги-то ужъ не разби-
раетъ». Толкуй больной съ подлекаремъ, думаю я про
себя; иначе, что станешь дѣлать? поворотилъ тройку и
поѣхалъ назадъ. Проводилъ онъ меня до мостика и пошелъ
къ овинамъ, я скрозь села поѣхалъ; загибаю ему и такихъ
и эдакихъ... Досада смертная! Вѣдь нанесетъ же нелегкая
на грѣхъ... Проѣхалъ село, да опять къ саду, съ одного
боку не удалось, съ другаго попытаться надо. Ъду, а самъ
прислушиваюсь: нѣтъ ли его, лѣшаго, опять тутъ...; послу-
шаль — тихо, только сторожь, гдѣ то далече, въ доску
колотить. Вотъ я къ калиткѣ; вижу: стоитъ кто-то и бѣ-
лымъ платкомъ мнѣ машетъ... Я остановилъ тройку...
«Аксинья ты»? «Я», шепчетъ она мнѣ. «А барышня гдѣ»?
«А вотъ», говоритъ, «и барышня; а мы», говоритъ, «думали,
что ты попался; мы слышали, какъ ты со сторожемъ-то
ругался»... «Ну, говорю я имъ, калякать некогда; садитесь,
барышня, да, что Господи дастъ, и поѣдемъ помаленьку.
«Тутъ онѣ поцѣловались; посадилъ я свою барышню пе-
редъ собой, взялъ ее въ охапку и поѣхали. Дрожитъ сер-
дешная, — она у меня такъ вотъ напрути ее и бьетъ, слов-
но въ лихорадкѣ. «Шибче, говоритъ поѣзжай, Микита, не
хватились бы... — Погоди, говорю, сударыня; дай ты мнѣ
вотъ только мостикъ-то переѣхать, а тамъ, послужимъ, —
довольны останетесь... Ъду я, а самъ все осматриваюсь:

нѣтъ ли сторожа эвтого, окояннаго, гдѣ, такъ онъ меня озадачилъ, проклятый. Однако благополучно переѣхали мостикъ; у меня и отъ сердца отлегло; теперь, думаю, Богъ милостивъ; пустилъ своихъ вѣроговъ, — только насъ и видѣли. Получасу не ѣхали до Нефедьева; барышня моя ужъ стала, и потише, просить, какъ поддалъ я своей тройкѣ жару, подѣзжая къ селу.... Она было: «переодѣться, говорить, надо». «Куды», говорю, «тутъ переодѣваться»... Ухнулъ на лошадей, да прямо къ церкви. Тамъ ужъ, насъ ждуть — не дождутся, и свѣчи зажжены; выбѣжали всѣ на крыльцо, подхватили мой товаръ подъ руки, и въ церковь, а я съ лошадьми, къ мужику, гдѣ мы, значитъ, стояли; заставилъ мальчишку тройку проѣзжать, бѣда какъ задохлись, сердешные, а самъ, къ хозяину, да стаканъ водки тянулъ на радостяхъ».

— Повѣчавшись, молодые сей же часъ въ коляску и въ губерню. Я, то же, за ними, не кормя, поѣхалъ. Тутъ дорогой, то есть, такая гульня пошла, что я ужъ ничего не помню; какъ мы пріѣхали, кто у меня лошадей убиралъ, ничего, эвтого, не знаю. Молодые остановились на фатерѣ; нанялъ нарочно Алексѣй Семенычъ двѣ горницы. На другой день, съ утра, опять, у насъ попойка пошла; денегъ кучу намъ надавали купцы. Самъ-то, Алексѣй, Семенычъ не шилъ, до питья ли ему ужъ тутъ. А я кликнулъ чловѣкъ пять ямщиковъ, да и засѣли, на весь день, въ харчевню; выдемъ, зададимъ овса лошадямъ, напоимъ ихъ, да опять въ харчевню, за свое, значитъ, дѣло. Такъ мы три дни, въ губерни, и пропировали. Мы, это, тутъ прохлаждаемся, а тамъ, въ Знаменскомъ тревога страшная идетъ, баринъ нашъ всѣхъ людей съ ногъ сбилъ. Сторожа высѣкъ, эвтого самого, который мнѣ загривокъ-то поправлялъ. Посылаетъ холоповъ и въ городъ-то, и по селамъ разнымъ. Аксиною допрашивали, та, сначала, было: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю», однако, постращали ее, — призналась; «уѣхала», говоритъ, «барышня съ купцомъ Станишниковымъ, а куда, хоть убей, не знаю». Разузнавать велѣлъ баринъ, однако, тихонько; огласки, значитъ, не хотѣлось ему вдругъ дѣлать; думалъ, вишь, что не всѣ еще про эвто знаютъ. А

туть, ужъ, чего не знать? Въ тотъ же день затолковалъ весь городъ»!

«На четвертый день собрался мой Алексѣй Семенычъ, со своей молодой княгиней, домой. Коляску взялъ у пріятеля, кунца одного; четверкой, значить, надо было ѣхать. Прихватила я у Бакулевскаго же нашего ямщика четвертую лошадь и поѣхали. Алексѣй Семенычъ, было, меня не брать; вишь не подумали бы чего. «Нѣтъ», говорю я ему, «какъ хошь Алексѣй Семенычъ, не замай ихъ думаютъ что хотятъ, а я тебѣ такъ какъ значить, помогаль, я и домой тебя съ хозяйкой доставлю». Собралъ я четверку что ни на есть лучше, колоколецъ, бубенцы навязаль; съ громомъ такимъ въѣхали въ городъ, что бѣда. Ыдемъ по городу, — изъ оконъ все высовываются, бѣгутъ за нами; лестно, извѣстно, всякому на молодуху посмотрѣть, а окромя боярскаго роду. Подъѣхали къ дому; — Алексѣй Семенычъ, сейчасъ выходитъ изъ коляски, прямо къ старику своему и съ женой. Старикъ, ужъ извѣстно, безъ памяти былъ, можетъ и не разобралъ хорошенько: что такое».

— Ну, а баринъ? спросилъ я.

«Баринъ безъ малаго, годъ ломался: и просьбы-то продавалъ, говорятъ, и письма къ какимъ-то тамъ благопріятелямъ въ Питеръ писалъ; старался, значить, какъ чтобы ихъ развести. Да, видно, законъ-то покрѣпче его. Богъ соединилъ, человѣку не разлучить; — простилъ, дѣлать нечего. Тутъ умеръ старикъ Алексѣя Семеныча, переѣхали молодые въ Питеръ. Меня въ кучера онъ, было, звалъ къ себѣ; одначе я не пошелъ. Старикъ мой слегъ тоже, языкъ отнялся у него; началъ я самъ хозяйствовать, да не долго нахозяйствовалъ. Съ легкой руки Алексѣя Семеныча началъ пошивать, да погуливать; — пріятели нашлись; извѣстно, какъ помочь тебѣ нужна, ни одного не сыщешь, а вино пить много найдется помощниковъ. Такъ я, значить, дворъ-то сдалъ, а самъ зашатался, да вотъ, и по сю пору почужимъ людямъ шляюсь».

— А хозяйка-то твоя гдѣ? спросилъ я.

«Хозяйка моя померла. По вѣстоту больше и дворъ-то въ тѣ поры сдалъ я племяннику. На другой, было, хотѣлъ

жениться, да подумалъ: дѣтей у меня нѣтъ, дома жить нѣчего; прахъ ихъ возьми, и безъ бабы вѣкъ-то какъ ни-будь, домаячу»

— Сколько же тебѣ далъ Станишниковъ за хлопоты?

«Денегъ-то сколько далъ? Да — сколько хошь, говорить, бери, Микита. Заплатите, говорю, Алексѣй Семенычъ, что по расчету слѣдуетъ и дѣло съ концомъ. Что деньги? Тутъ не деньги... Деньги дѣло наживное. Хозяйкѣ моей, опослѣ я узналъ, далъ онъ сто рублевъ».

— Ну, а каково живутъ Станишниковы, не слыхалъ ли?

«Да, этта, прикащикъ мнѣ ихній попался, говорить: не само ладно живутъ; она, слышь, на своей половинѣ, а онъ на свой; рѣдко, говорить, и видятся. Самъ-то онъ человѣкъ рѣдкій; рубашку, кажется, съ себя и ту отдастъ, ну, а она то, говорятъ съ душкомъ. Теперича, этихъ старыхъ, которыхъ, прикащиковъ, сидѣльцовъ, всѣхъ разчитала, а набрала, слышь, новыхъ молодцовъ изъ нѣмцовъ. Хочеть, слышь, съ чужими землями торговать; ну, а ужъ капиталу-то поубавилось сильно; и за ней-то что дано, знаешь, старикомъ ея, бариномъ, порастратили. Не то что съ чужими землями, а и на прежнія то дѣла, какія, выходитъ, по нашему мѣсту, Алексѣй Семенычъ со старикомъ своимъ вели, ужъ силы не хватить. А окромя того, она, говорятъ, все съ большими господами водится, ну а онъ, такъ какъ, по прежнему, съ своимъ братомъ компанію имѣеть; вотъ у нихъ и идетъ отъ этого самого разладаца.

«А дѣти есть у нихъ?»

— Нѣтъ, дѣтей Богъ не даетъ. Былъ, правда, мальчикъ, да померъ.

«Ужинать ступай Микита», сказала кухарка, высунувшись изъ-за воротъ, «ямщики ужъ щи отхлебали».

— Ну, за тѣмъ прощенья просимъ, сказалъ, приподнявъ обѣими руками шапку, Никита.

Я простился съ нимъ и пошелъ то же въ свой номеръ. Черезъ нѣсколько минутъ явился ко мнѣ чиновникъ съ бумагою, такъ нетерпѣливо мною ожидаемою. Чѣмъ свѣтъ, на другой день, я выѣхалъ. На шестой верстѣ догналъ насъ

Никита. Увидавъ меня, онъ приподнялъ шапку и закричалъ ямщику моему:

«Вишь, плетется. Что ты, съ горшками что ли ѣдешь? Заморозилъ барина-то совсѣмъ».

Сказавъ это, онъ крикнулъ, тройка приняла, понеслась во весь духъ и скоро исчезла.

Ямщикъ мой, долговязый, бѣлокурый парень, улыбнулся и проговорилъ, въ свою очередь, во слѣдъ Никитѣ: «эхъ, ты, сорванецъ, праа-а ... сорванецъ».

Н. Чаевъ.

КАНУНЪ РОЖДЕСТВА

ВЪ

ТОРГОВОМЪ МІРѢ МОСКВЫ.

КАНАУНЪ РОЖДЕСТВА

ВЪ

ТОРГОВОМЪ МИРѢ МОСКВЫ.

КАНУНЪ РОЖДЕСТВА ВЪ ТОРГОВОМЪ МІРѢ МОСКВЫ.

Канунъ попроче и повразумительнѣе называется у насъ преддверіемъ.

— Съ преддверіемъ праздничка прошу позволить поздравить, — говоритъ какая нибудь торговая юркалка, бокомъ забѣгая предъ глаза нужнаго человѣка, котораго она угадываетъ, даже не видя лица, по шубѣ, шапкѣ, походкѣ и прочимъ атрибутамъ состоятельности кармана, не рѣдко и при полнѣйшей несостоятельности головы.

Славянскій канунъ начинается по немногу куриться дня за три до праздника... преддверье раскрывается по немногу, и мы, также по немногу, начинаемъ обонять особенный запахъ, въ легкомъ парѣ котораго выясняются предъ нами разныя чуда — чудныя, дива — дивныя!

Прежде всего, мало по-малу, ряды начинаютъ, какъ иногда говорится, *мнѣять физиономію* и оживляться... но оживляться не тою жизнію, которая, на примѣръ, радуеть насъ весною, или при выздоровленіи, а какъ-то оригинально и особенно... Прежде всего начинается толкотня, толкотня довольно грубая, угловатая, вѣроятно, отъ неспособности нашей ходить, чтобы не задѣть, толкотня безъ извиненій, не рѣдко сопровождаемая сверкающимъ взглядомъ или браннымъ словомъ съ одной или обѣихъ сторонъ, а иногда, по плутоватости русской природы, и улыбкой съ одной, даже и хохотомъ вслухъ.

— Ишь его, дескать, *разгерепенился*.

Ряды начинаютъ пахнуть *особеннымъ запахомъ* различныхъ, глубоководныхъ припековъ: вмѣсто пироговъ съ рыбой на

кашѣ, съ жирами, съ перечкомъ и подливкой подь подковырку пальца, являются пироги съ грибами на кашѣ съ горохомъ, и блины съ прижаренымъ лукомъ, который такъ и несетъ свой пригорѣлый запахъ изъ конца въ конецъ. Все это, разумѣется, потребляется въ значительно большихъ размѣрахъ противъ рыбнаго, потому что плохо питаегь и грѣбеть на двадцатиградусномъ морозѣ.

Вмѣсто мороженой рыбы, на лоткахъ, и развѣзжающихъ въ санихъ бѣлугъ и осетровъ, разнощики являются обвѣшанные мороженою *живностью*—индѣйками, поросятами, которыя связаны задними ногами и висятъ, ощеривши зубы.

— Ишь, видно ножемъ-то противъ шерстки погладили, — скажетъ мимоходомъ купеческій мальчикъ, съ отвратительной, по крайней мѣрѣ для насъ, улыбкой...

Дичь развозится цѣлыми возами... Все это кричить, торгуется, слѣдовательно, и ругается, толкается, гомозится и суетится...

По трактирамъ также мѣняются декорации: чаекъ подають съ медомъ, разстеган, вертятъ съ рыжиками, груздями, сухими рубленными грибами...

— Фу, братецъ ты мой, какая батарея! — говоритъ иной постникъ, глядя на шипящій въ постномъ, *пронзительнаго* запаха маслѣ, круглый растегай, — вѣдь предъ эдакимъ сраженіемъ мало одной, чтобъ не забурило; только на тройкѣ и уѣдешь...

При совершенно постной обстановкѣ, которую все какъ-то хочется видѣть въ иномъ видѣ, слышатся со всѣхъ сторонъ такія рѣчи.

— Чтѣ, Илья Иванычъ, вы рыбку-то, чай, уже не кушаете-съ?..

— Нѣтъ, Богъ милуетъ, не кушаемъ-съ. Послѣ Николина дня перестаемъ, грибки жуемъ.

— Такъ-съ... да вы, Илья Иванычъ, какъ-есть по монастырски, и тамъ съ Николина оставляють.

— Не то, то-есть, чтобъ это по монастырскому, а такъ родителями заповѣдано; ну, портить-то и не хочется, да, другое дѣло, и бябы *загалдятъ*...

— Оно резонно-сь, Илья Иванычъ; а я вотъ, грѣшный человекъ, рыбки придерживаюсь.

— Что же, батюшка, вольному воля, а спасенному рай, отвѣчаетъ будто обиженнымъ тономъ Илья Иванычъ...

— Оно точно-сь, — начинается, немного погода другой, нѣсколько ниже. — Что говорить, постъ великое дѣло, крылья-сь!.. Да вѣдь, если не больно тяжело подняться отъ земли-то грѣховной! Вотъ Калтанниковъ, полагаю, теперь и чаю не пьетъ *на свои*, а копѣйки по двѣ, по три дуетъ, а пожалуй подь руку и *чохомъ*; человекъ тоже набожный, что говорить, отца въ Сибирь упряталъ, себя за то не обидѣлъ; отрасль тоже хорошую Господь Богъ посылаетъ; сынокъ-то, говорятъ, на самолюбіи искусился, патентъ получилъ, да и тутъ, говорятъ, мазнулъ. Оно, что говорить, чего же смотрѣть, подь церковные уставы не подходитъ; да вѣдь не одинъ Калтанниковъ таковъ; много *такихъ* постниковъ найдется на Руси святой, и въ нашей бѣлокаменной, вотъ хотя бы Иванъ Ильичъ — извѣстный вамъ человекъ, — мужикъ, что говорить, набожный, *нищую братію* одѣляетъ, свѣчки предь образами ставить, а ходить же окольнымъ ходомъ про него пословье, говорятъ же: *бойся дескать, огня да меча, да извѣстнаго Ивана Ильича*...

Что ты тутъ съ міромъ подѣлаешь? Міръ какъ-то своей дорогою идетъ. Не возымѣйте мысли, Илья Иванычъ, чтобъ я какой *охаверный* былъ, спаси Господи! умру за родной обычай, а таить нечего: къ такимъ людямъ разноцвѣтнымъ, сердце у меня не лежитъ. Слабъ, такъ слабъ и будь, такъ, на-голо, а разными парчами тамъ разноцвѣтными прикрываться не слѣдуетъ. Богъ прежде всѣхъ за это накажетъ.

Разговоры идутъ большею частію и на другія темы, — темы, гдѣ слякоть и плѣсень свидѣтельствуютъ, что человекъ прежде всего и самъ уже превратился или превращается въ слякоть и плѣсень...

— Не скроемъ, — они дѣйствуютъ на насъ также, какъ смерть отъ излишествъ разнаго рода: разврата, пьянства; сердце сжимается, какъ въ тискахъ... За то, какъ встрѣтишь безыскусственную, прямую и здравую натуру, подобную хотя вышесприведенной, оно бьется какъ-то радост-

но: думается, и увѣряется прекрасная, радостная мысль, что еще живъ русский человекъ.

Незаконные, не биржевые маклера бѣгаютъ и въ хвостъ, и въ голову: отыскиваютъ по порученіямъ денегъ, продаютъ съ уступкою товаръ для нуждающихся въ деньгахъ, а дисконтеры — тузы сидятъ себѣ и въ усъ не дуютъ, настаютъ, дескать, для насъ Христовъ праздникъ; безъ денегъ не обойдутся, не обойдутся и безъ насъ — *всякая живая душа тоже калачика хочетъ*; народу нынче не прежнее время... Это особенно ярко при нашемъ безденежьи..

По трактирамъ скоромнаго не достанешь, — развѣ только у богомольнаго Ивана Ивановича; да и то бѣда: станете ѣсть, — обратите на себя цѣлую сотню глазъ; въ слухъ выскажутъ: волтерьянецъ, фармазонъ; несутъ мимо; — половаго спросятъ: кому? Купецъ аль изъ дворянъ? Если купецъ, такъ кто такой: оборони Богъ, чтобъ съ нимъ въ мясоѣдъ-то не породниться, — дочку не выдать! Сгубишь вѣдь совсѣмъ за такимъ человекомъ.

А подлость, мошенничество идетъ себѣ, при этихъ понятіяхъ, широкою дорогой: не ѣсть въ постъ мяснаго, не пьютъ вина въ явь, ну, и зятюшка-батюшка!

Когда-жъ избавить насъ Господь отъ эдакихъ понятій? Послѣ грибной трапезы, подчившіе для сваренія и трезвые глаза останавливаются на живности...

Несутъ по ряду, положимъ, индѣекъ.

— Стой ты, живодерь. Чего стоитъ четверня?

— *Восемь рублей* прошу, господинъ купецъ.

— На ассигнаціи аль на серебро?

— Знамо дѣло, на серебро; какія нынче ассигнаціи...

— Ты, что, бѣлены, что-ли объѣлся?

— Нѣтъ, Богъ миловаль, еще не объѣлся.

— Такъ что-же это ты два рубля-то за штуку?

— А какъ же дешевле-то? Кормы-то нынче почему, господинъ купецъ? Чай, сами лошадей имѣете и птицу всякую....

— Пять рублей берешь? спрашиваетъ купецъ.

— Нѣтъ, видно, не берешь... себѣ дороже.

— Ну проходи, говорить тотъ рѣшительно.

— Знамо дѣло, пойду..

— Проваливай!

Дѣло не улаживается. Разнощикъ уходитъ недовольный; купецъ слѣдитъ его...

— Ишь ты, отдай ему за пять рублей, разсуждаетъ разнощикъ, свои потеряй. Чай и самъ *тулунъ-то* *раза два ворочалъ*, а нашему брату и нажить не хочетъ дать; а еще, чай, женатый, а жену не хочетъ индѣйкой покормить. Мясоѣдъ, чай, наступаетъ, — какъ же жену индѣйкой не покормить? Индѣйка — птица великатная; у насъ и дворяне покупаютъ..

— Слышь-ка ты, философъ, — полно-ка разсуждать, говоритъ другой купецъ, завидѣвши и слышавши разнощика: скажи, что просишь за пару гусей?

— За пару? Два съ полтиной, батюшка, два съ полтиной. Смотри только, какіе гуси, настоящіе арзамасскіе?

— Экъ ты развѣхался, — два съ полтиной, да еще арзамасскіе! Какіе они арзамасскіе? Фонари они настоящіе московскіе, а не арзамасскіе... Пошелъ прочь! кончаетъ онъ рѣзко.

Разнощикъ сердито вскидываетъ гусей на плечо и идетъ.

— Ну, ужъ видно въ самомъ-дѣлѣ дѣла плохи, говоритъ онъ. Ужъ кажись, на что гусь — самая *купеческая* птица, особенно если съ капустой, а и то не покупаютъ... Фу, ты пропасть! Какъ-бы ими самому на праздникъ не разговѣться? Эхъ, ты время!

— Ну, батюшка, цѣны же нынче, говоритъ одинъ купецъ другому, зѣвая отъ бездѣлья, и крестя ротъ, по русскому обыкновенію. Былъ на Хитровѣ, — поросята 18 коп. за фунтъ, свинина три рубля пудъ, баранина три съ двумя гривнами, говядина три. —

Пришли времена, — нечего сказать!..

— Истинно умножились наши прегрѣшенія, отвѣчаетъ другой. Что-то только ѣсть будемъ? говоритъ онъ какъ-то глухо. На все перекупъ идетъ, на рынкахъ одно молоко можно развѣ изъ первыхъ рукъ купить, а то все у барышниковъ; въ охотномъ ряду и того нѣтъ; тамъ только развѣ одни елки въ первообразѣ... Чего это, и въ самомъ дѣ-

лѣ, наша торговая полиція смотритъ? Аль и она только для фирмы?

— Да, нечего сказать, призадумаясь, какъ нынче жить! отвѣчаетъ, понурая голову, другой..,

— Призадумаясь..

Приступаютъ расчеты; какъ съ ножемъ къ горлу, подступаютъ со счетами; — вынь да положь!

Всѣ приступаютъ: на фабрикѣ рабочіе, по конторамъ подрядчики, разныхъ компаній прикащики, артельщики, пирожники, рыбники, икорники.

Всего оригинальнѣе расчеты съ пирожниками, квасниками и прочими разнощиками съѣдомнаго: надо замѣтить, что большая часть всего этого идетъ, какъ и все въ нашей торговлѣ, на кредитъ, — прикащикъ, мальчикъ, а не рѣдко и самъ хозяинъ, особенно, который *по мелкокустарилье*, ѣстъ на память, и большая часть располагается на добросовѣстность разнощика. Подобнаго рода кредитъ съ малымъ контролемъ или совсѣмъ безъ него непременно предполагаетъ уловки съ обѣихъ сторонъ. Не большой руки прикащикъ, а особенно мальчикъ, непременно постарается съѣсть больше того, чѣмъ онъ съѣлъ бы, еслибъ ему аккуратно выдавалась назначенная сумма на харчи: въ послѣднемъ случаѣ чувство бережливости стало бы на мѣсто прожорливости, какъ это является въ первомъ.

— Чего жъ не ѣсть? — Благо не считаются каждый день, думаетъ онъ. А придетъ къ празднику расчетъ гуломъ, — семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ; потасовка — привычное дѣло!

— Ты что? спрашиваетъ хозяинъ, уже раздраженный предпраздничными выдачами, остановившагося предъ нимъ, хотя бы пирожника, съ извѣстнымъ ящичкомъ, укутаннымъ чѣмъ-то теплымъ, нѣсколько чище снаружи, и по большей части отвратительно грязнымъ и замасленнымъ съ другой стороны.

— Къ вашей милости...

— Ну?

— Да, вотъ бы, расчечець.

— Чортъ бы васъ побралъ съ расчечецями, всѣмъ вамъ приспичило.

— Дѣло праздничное...

— Ну, чтожъ что праздничное? — пьянствовать больше нужно?

— На все требуется.

— Ну, говори много ли? — нечего раздобарывать; еще не время Христа славить.

Тутъ выходятъ наружу два явленія: или разнощикъ ухарски, молніеобразно вытаскиваетъ изъ кармана истрепанную и измазанную книжку, пропитанную запахомъ всевозможныхъ начинокъ, и представляетъ каракулями написанный счетъ; съ обозначеніемъ много ли найдено, или онъ подходитъ къ самой лавкѣ и гдѣ нибудь, на притолкѣ или на стѣнѣ, открываетъ рядъ крестиковъ, понятныхъ только ему, да развѣ прикащикамъ, да мальчикамъ. По этой бухгалтеріи начинается счетъ.

— Много ли?

— Да вотъ, изволите видѣть, — водить разнощикъ пальцемъ по книгѣ или по стѣнѣ, до Николы 160, да опосля съ нынѣшними 46.

— Экая пропасть! И когда это ты нажрать успѣлъ? Чортъ васъ знаетъ: и дома трескаютъ, и тутъ. На васъ не наговоришься. Стоишь ли ты самъ того, что найдешь въ годъ-то? — обращается хозяинъ къ мальчику. Мальчикъ стоитъ у притолки, ни живъ, ни мертвъ.

— Право, черти. Только и знаютъ, что жрать.

Пирожникъ стоитъ молча, потунаясь и укутываетъ стынушіе пироги.

— И вы тоже? Чего зря даешь? Чуть не по десятку на день. Вамъ бы только побольше сбывать. Вишь, мальчуганъ балуется; ну, и ограничь его.

— Чего жъ баловаться сударь, Иванъ Ивановичъ, вѣдь и ѣда-то одни пироги.

— Это ужъ не твоя бѣда.. Разговорился еще! А не хочешь ли эдакъ, послѣ завтра, за разговоры-то?

— Это, какъ вамъ будетъ угодно.

— Ну, и убирайся! радостно схватывается хозяинъ за мысль.

— Какъ угодно.

— Такъ и угодно, что ступай. — Онъ запахиваетъ шубу и бросаетъ въ это время звѣрскій взглядъ на мальчика.

— Эдакъ мальчикъ и голоду умереть, никто и пирога въ долгъ такому хозяину не повѣритъ. Ивѣстный скаредь, прости Господи! Кому только они копятъ? — говоритъ отходя пирожникъ.

Рядскіе, видѣвшіе эту сцѣну, начинаютъ приставать къ нему.

— Что, братъ, съ носомъ? Приписаль, видно, много? Не удалось?

— Ужъ припишешь у васъ? Сами всякому припишете, — отвѣчаетъ, задорясь, пирожникъ.

Кто виноватъ въ подобныхъ, здѣсь еще очень легко и деликатно очерченныхъ, катастрофахъ, кончающихся не рѣдко потасовкой мальчика, поноснымъ руганьемъ взрослого прикащика и громко, на весь рядъ, такъ называемой площадной бранью со стороны разнощика?

— Чтѣбъ разнесло васъ горою за мои деньги, чтѣбъ ни савана, ни покрывки! и т. д.

Виновата русская неаккуратность, привычка не отдать во время настоятельно нужныхъ денегъ... Прикащикъ, по большей части въ городѣ на своихъ харчахъ; питается въ городѣ онъ долженъ изъ своего скуднаго жалованья; мальчику же ассигнуется, среднимъ числомъ, десять копѣекъ въ сутки. Получай онъ ихъ во время, — онъ сталъ бы распорядиться ими по своему усмотрѣнію и даровитости русской природы, пожалуй, даже, что нибудъ и съэкономилъ бы изъ своихъ крохъ. Не получая нужнаго во время, или получая урывками, онъ питается, по слову хозяина, у разнощика, а потому трудно можетъ аккуратно и вѣрно вести счеты. Берется пирогъ или что нибудъ съѣстное между работой и прячется куда нибудъ на пыльную полку начатой кусокъ, когда мальчикъ бросается для исполненія хозяйскихъ порученій. Разнощики въ большинствѣ своемъ также не промахи приписать; у нихъ не дрогнетъ рука: у нихъ свои сношенія съ хозяиномъ, свои потери, которыя они должны какъ нибудъ наверстывать. Все это производитъ сложную, пеструю путаницу, путаницу изъ за пустяковъ, не трогаю-

шую чувствительныя струны и озлобляющую всѣ три стороны и большею частию предъ большими праздниками, которые, по духу нашей церкви, каждый русскій человекъ долженъ бы встрѣтить въ духѣ смиренія и умиленія.

Относительно того, какъ быть съ этимъ, — мы не совѣтники и не наставники, а только скромные хроникеры всего, какъ оно есть и какъ бываетъ.

Толпы нищихъ, какъ чайки на морѣ предъ бурей, въ рядахъ и всюду являются у насъ предвѣстниками большаго, годоваго праздника. Всякій годъ повторяется это явленіе, и оно особенно наглядно въ рядахъ, куда въ это время, они собираются, кажется, со всей Москвы. Последнее время число это увеличилось отмѣченными эпитетомъ — *погорельцы* и безземельныхъ, такъ что самые христіанскіе и боголюбивые люди выходятъ изъ терпѣнія; старухи съ бѣдными невѣстами, матери съ грудными ребятами или съ полѣнами вмѣсто ребятъ, также и со взрослыми давно уже переставшими быть грудными, лица обоего пола, но преимущественно женщины съ гробами, не рѣдко купленными или, пожалуй, даже и взятыми на прокатъ, монашенки, монахи, ходуны, которые ходятъ отъ монастыря и пустыней, по тридцати копѣекъ съ рубля, отставные, изувѣченные солдаты, чиновники гражданскаго и военнаго вѣдомства; — все это одною частию возбуждаетъ состраданіе, другою возмущаетъ душу. Все это идетъ къ купцу, все просить милостины отъ его барышей или достоянія; а онъ и самъ не знаетъ, какъ перевернуться въ настоящее трудное время...

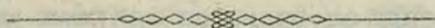
А морозъ стоитъ градусовъ за двадцать. Надо быть сытымъ, надо согрѣться; какъ не дать этимъ едва прикрытымъ людямъ? Хорошо, кто дастъ по увѣренію этого чувства, не изъ одного тщеславія, *что дѣлю, дескать, нищую братію!*...

Мѣдь, мелочь, мелкіе кредитные билеты дѣлаются необходимою предъ праздникомъ. На все нужно: и щели многіе замазатъ, и дать кому нужно, и въ пакетцахъ послать, и на чай, и на праздничное будочникамъ, жожалымъ, сторожамъ и прислугѣ, и домашнимъ. Мѣнялы торгуютъ

отлично въ это время и повышаютъ свои курсы. Преимущественно хорошъ для нихъ былъ прошлый годъ, когда мелочь была рѣдкостью, особенно если несли на размѣнъ завѣтный обрѣзной или травленный полуимперіаль; завалившуюся финляндскую или серію... Пройдѣнный годъ мѣнялы дѣйствовали гораздо удачнѣе, чѣмъ нынѣшній; одни серіи имъ пришлось попятить мѣсяцевъ на шесть; за размѣнъ брались крупные проценты. Нынѣ серіи принимаются съ опаскою — много поляки своихъ понадѣлали подь Харьковомъ; мелочи больше, но разумѣется, надо что нибудь имѣть, чтобъ размѣнять.

Толкотня и густая толпа около мелкихъ лавочекъ и шкапчиковъ дополняетъ картину преддверія праздника...

И даже, когда у нѣмца зажжется рождественская ёлка, и настанетъ свѣтлая, морозная, поэтическая, по многимъ преданіямъ и описаніямъ, рождественская ночь; когда зажжется та звѣзда, которая въ еѣдой древности открыла волхвамъ рожденіе Спасителя, еще не мало подобныхъ вышеописанныхъ сценамъ, но уже при другой, домашней обстановкѣ, при обстановкѣ мужскаго деспотизма и женскихъ уловокъ, идутъ и смѣняются у нашего промышленнаго, дай ему Богъ здравія, люда... Сценами этими мы займемся въ послѣдствіи.

Съ 1866 года
КРОМЪ СБОРНИКА „НАШЕ КУПЕЧЕСТВО И ТОРГОВЛЯ“
ПОДЪ РЕД. РУССКАГО КУПЦА.

ОТДѢЛЬНЫМИ ТОМАМИ ОТЪ 15 ДО 20 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

КУПЕЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ

И

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ.

Цѣль перваго изданія быть проводникомъ въ нашъ торговый и промышленный классъ научныхъ знаній по предметамъ близко касающихся русскаго торговаго и промышленнаго дѣла. Выходящія въ большомъ количествѣ переводы разныхъ системъ политической экономіи, банковыхъ операций, статистическихъ свѣдѣній по торговлѣ и промышленности, руководства по механикѣ, техникѣ и другимъ прикладнымъ наукамъ, большая часть этого еще не переведенная на русскій языкъ и множество статей по отечественной промышленности, разбросанныхъ въ разныхъ журналахъ, при постоянныхъ дѣловыхъ занятіяхъ, при переѣздѣ изъ одного города въ другой, съ ярмарки на ярмарку, не позволяютъ слѣдить за всѣмъ этимъ нашему купечеству, фабрикантамъ и промышленникамъ, кромѣ того и основанія его быта, въ общемъ его содержаніи, дѣлаетъ ихъ равнодушнымъ ко всѣмъ явленіямъ науки, которая на западѣ идетъ рука объ руку съ развитіемъ промышленности и торговли, и уже, безъ всякаго сомнѣнія, много помогаетъ успѣшному ходу самаго дѣла. Всѣ свѣдѣнія, опыты, знанія въ вышеупомянутыхъ отрасляхъ неотлагаемо необходимы нашему промышленному и купеческому обществу, оно и само уже начинаетъ сознать это; для облегченія его, для перваго ознакомленія съ этою насущною необходимостью и предпринимается наше изданіе... Въ немъ мы постараемся быть какъ можно болѣе послѣдовательными: дѣло приходится начинать почти съ азбуки, необходимо идти постепенно и довольно медленно и держаться популярнаго изложенія. Эти убѣжденія и будутъ положены нами въ основаніе нашего изданія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ одно время, рука объ руку, съ этимъ изданіемъ мы желали бы сдѣлать и другое, это именно «Торговый и Промышленный календарь» для фабрикантовъ, купцовъ и прочихъ промышленниковъ, въ которомъ всѣ необходимыя свѣдѣнія будутъ помѣщены въ резюмированныхъ (сокращенныхъ) очеркахъ и въ видѣ справочныхъ таблицъ, выводовъ и короткихъ, возможно точныхъ, итогахъ.

Свѣдѣнія эти, само собой разумѣется, будутъ соединены съ мѣсяце-словомъ, съ статистическими и практическимъ финансовыми, курсовыми, почтовыми, товарными и другими справками. Всѣ заграничныя изданія въ этомъ родѣ будутъ служить намъ непремѣннымъ руководствомъ.

На то и на другое изданіе мы открываемъ подписку, изъ которой желали бы убѣдиться въ ихъ дѣйствительной потребности.

Цѣна Христоматіи 1 р. 25 к.

» Календаря 90 к.

То и другое въ продажѣ будетъ дороже.

«Наше купечество и торговля» пойдетъ своимъ чередомъ, и къ слѣдующимъ выпускамъ между прочимъ приготовлены:

- 1) Матеріалы къ біографіи А. П. Шестова.
- 2) Біографія П. С. Малютина.
- 3) Біографія П. И. Куманина.
- 4) Иванъ Васильевичъ Варгинъ и его духовное завѣщаніе, съ портретомъ Варгина.
- 5) Скрытые элементы русскаго, преимущественно Московскаго торговаго и промышленнаго дѣла.
- 6) Утро вечера мудренѣе. Комедія И. В. Самарина.
- 7) «Темныя дѣла» очерки иностранно-русскаго торговаго дѣла.
- 8) Рискнулъ да и закаялся! Сцены изъ современнаго быта.
- 9) «Тузы» монографія изъ купеческаго быта.
- 10) «Купчиха» фзіологическій очеркъ.
- 11) Изъ огня да въ полымя. Повѣсть въ 2-хъ частяхъ.

Цѣна для покупающихъ и подписывающихся заблаговременно по 1 р. с. за выпускъ. Порознь 1-й В.—1 р. с. 2-й В.—1 р. 25 к. с.

Частныя объявленія для напечатанія въ этомъ Сборникѣ, Календарѣ и Христоматіи принимаются по 10 к. за строчку убористаго шрифта и по 20 к. за рекламу. Желаютіе занять цѣлую страницу платятъ по соглашенію.

Мы надѣемся, что крупныя торговыя купеческія объявленія, а также объявленія магазиновъ будутъ въ Сборникѣ, Календарѣ и Купеческой христоматіи, какъ нельзя быть болѣе на мѣстѣ.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ ред. Сборника «Наше Купечество и Торговля» въ книжной торговлѣ А. и Ф. Ушаковыхъ, на Волхонкѣ, въ д. Михайловой; въ Петербургѣ, въ Книжной Торговлѣ Яковлева, на углу на углу Невскаго и Колокольной улицы, д. Мѣдниковой, Исакова, П. А. Гайдебурова и др. извѣстныхъ книгопродавцевъ.

2007055406